

ОТКРЫТЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ
ПЕРМЬ: ИСТОРИЯ ГОРОДА
КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

СБОРНИК СТАТЕЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ГОРОД ПЕРМЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»
(15 апреля 2015 года)

ББК 63.3 (4Рос — 4Пер)

Пермь: история города как пространство диалога: сборник статей научно-практической конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития» (15 апреля 2015 г.) / Автономная некоммерческая организация «Историко-архивный музейный центр «РЕТРОспектива». — Пермь, 2015. — 131 с.

Победитель XVII городского конкурса социально значимых проектов «Город — это мы», посвященного празднованию 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Редакционная коллегия:
Маткин А. А., Лобанов Д. А.

Верстка в системе L^AT_EX:
Авраменко В. А.

ISBN

В апреле 2015 года мы стали свидетелями и участниками масштабного форума «Пермь: история города как пространство диалога». Впервые в современной пермской истории на экспертное обсуждение были вынесены амбициозные задачи по сохранению исторического наследия, изучению и анализу прошлого Перми с целью развития патриотизма и гражданской ответственности. Убеден, продвижение социально-гуманитарных знаний — один из ключевых рычагов культурного и социально-экономического развития города без межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Мы не случайно посвятили форум 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и предстоящему 300-летию юбилей столицы Прикамья. Вклад Перми в разгром фашизма имеет для нас, жителей города, особую ценность и нуждается в широкой популяризации. Что касается обсуждения трехсотлетия краевого центра, вижу в этом заявку организаторов на ежегодный формат работы. Это только кажется, что до 2023 года далеко. Предлагать и принимать стратегические решения нужно уже сейчас.

Целевая аудитория форума — ученые и студенты, школьники, а также горожане, которым не безразлична история родного края. В программу были включены две научно-практические конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития» и «Современный город: общество, власть, управление». Кроме этого состоялись «круглые столы», дискуссионные площадки, лектории, фотовыставки, на которых были представлены документы и материалы из архивов, музеев, частных коллекций. Объединение потенциалов ПНИПУ, ПГНИУ, ПГГПУ, пермского филиала ВШЭ, Государственного архива Пермского края, Пермского краеведческого музея без сомнения дало мощный синергетический эффект.

Будучи историком по образованию, хорошо понимаю необходимость знать прошлое, чтобы объективно оценивать настоящее и прогнозировать будущее. Мы живем в непростое время. Находятся желающие переписать историю Великой Отечественной войны, исказить роль нашей страны в победе над фашизмом. Тем важнее бережно хранить память о нашем прошлом, чтобы отстаивать свое место в современном мире. Совместные проекты вузов, архивов и музеев должны дать ответы на вопросы о тенденциях развития Перми, месте и роли города в современной России.

Уверен, все желающие смогли получить на форуме интересную и полезную для себя информацию. От себя лично и от имени депутатов Пермской городской Думы благодарю историков, краеведов, журналистов, музейных и библиотечных работников, представителей научных и образовательных организаций, студентов, школьников, пермяков и гостей нашего города за то, что первый форум «Пермь: история города как пространство диалога» состоялся! Надеюсь, он положил начало новой доброй и полезной пермской традиции!

*Глава города Перми –
председатель Пермской городской Думы*

И. В. Санко

Город Пермь — границы научного изучения: заделы и пробелы

П. А. Корчагин

А. А. Преображенский еще в 1986 г. подчеркивал, что «изучение исторических тенденций горообразовательного процесса во всем его многообразии остается важной и перспективной научной задачей, имеющей выход на проблемы современности» [1, с. 13.]. С тех пор, несмотря на коренное изменение идеологических и методологических подходов в исторической науке, актуальность и значимость гороведческих исследований лишь возрастала. На грани столетий фиксируется повышенный интерес историков и краеведов, выразившийся в росте числа публикаций, к истории отдельных городов, поскольку общие урбанистические закономерности лучше всего выделяются и проверяются на конкретных примерах. Этой общей тенденции не смогла избежать и Пермь.

Оговоримся сразу, что настоящая статья не является связным историографическим или библиографическим очерком. Автору важно было исследовать состояние не столько научной, сколько научно-издательской деятельности в сфере истории Перми, осмыслить не столько качественные, сколько количественные показатели, определить как достижения, так и лакуны в совокупной научной истории уральского города. Поэтому сразу стоит попросить прощения у множества уральских историков, замечательные статьи которых оказались вне поля внимания автора, поскольку лишь монографические исследования и справочные издания фиксируют темы, сколь-нибудь подробно раскрытые в науке. Только в исключительных случаях речь может идти о тематических сборниках трудов, ограниченных конкретными территориальными рамками: «... в Перми...».

Вообще же, задачу составления по возможности полной пермской библиографии оставим специалистам-библиографам. Не будем отбивать их честный хлеб, но заметим, что последний библиографический указатель литературы о Перми вышел в 1973 г. [2] — почти полвека (!) тому назад. И это первая проблема исторической пермистики.

Что касается собственно научных и краеведческих исследований прошлого Перми, то за прошедшую четверть века в этой сфере сделано немало. В кон-

це XX в. российская государственность переживала коренное переустройство, поэтому неудивительно, что на первых порах именно вопросы традиции государственной власти оказались в центре внимания историков. В 1996–1997 гг. вышли две книги посвященные институту губернаторства в Перми [3, 4]. Но уже в начале следующего столетия интерес местных историков изменился. Одна за другой стали появляться монографии и сборники, посвященные становлению и развитию городского самоуправления Перми: две книги Н. В. Андреева 2003 г. [5, 6] и сборник статей о городских головах Перми (2003) [7].

Появился научный интерес и к формам хозяйствования, находившимся при советской власти под запретом. В конце 90-х годов XX в. были опубликованы книги Н. П. Баяндиной «Пермь купеческая» [8] и «Пермь торговая» (в первом издании 1997 г.: «Рынок – это целый мир») [9, 10], представлявшие собой очерки истории пермской торговли, в основном, XIX — нач. XX в.

В 2000 г. вышла книга очерков «Пермь от основания до наших дней» под ред. М. Г. Нечаева [11], которая в 2013 г. была переиздана в двух томах [12]. Хотя «Пермь от основания...» написана именно в очерковом жанре и не содержит систематического изложения истории города, однако большим плюсом книги является, что в ней охвачен весь период существования Перми.

В книгах П. А. Корчагина предпринята попытка именно систематического изложения пермской истории. В 2006 г. в серии «По городам и весям Прикамья» вышла «Губернская столица Пермь», в которой анализировались социально-экономическая, культурная история города, затрагивались проблемы застройки и роста губернского центра [13]. В 2009 г. вышла монография «Пермское общество. Губернская эпоха», где затрагивались проблемы становления гражданского общества в г. Перми [14]. Особенностью обеих книг является ограниченный хронологический охват. Повествование в них заканчивается первой четвертью XX в., а во второй начинается только с момента присвоения Егошихе городского статуса и формирования органов городского самоуправления.

Очень интересные и легко читаемые книги Нины Федоровны Авериной: «Веселый городок Егошиха» (2005) [15], «Ворота в Сибирь» (2006) [16], «Пермь в эпоху Модераха» (2006) [17], «Восставшая из пепла» (2012) [18], «Настоящий город» (2013) [19] являются, как явствует из общего подзаголовка, краеведческими очерками. Об этом же свидетельствует отсутствие научно-справочного аппарата во всех томах, кроме первого, где есть общий список литературы и источников.

Не остались в стороне и коллеги из Екатеринбурга. Н. С. Корепанов в своей книге «Пермь заводская...», основанной на материалах фондов Уральского горного управления (Канцелярии главного заводов правления) осветил событийную историю Перми в догубернский период [20]. К сожалению, интереснейшую работу несколько обесценивает отсутствие ссылок на источники.

Весьма интересен краткий энциклопедический словарь «Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья», который, хотя и не посвящен исключительно архитектуре Перми, но содержит большую и интересную информацию о застройке города [21]. Чрезвычайно ценен справочник В. В. Семяникова «Микрорайоны города Перми» [22] и книга Е. А. Спешиловой, которую тоже можно расценивать как справочную [23].

И, казалось бы, перечисленные издания составляют в совокупности вполне солидный список, свидетельствующий о том, что истории краевого центра уделяется достойное внимание, однако, стоит обратить внимание на один печальный факт. Подавляющее большинство указанных публикаций представляют собой краеведческие и научно-популярные издания. Парадоксально, но полноценной, академической истории Перми (у миллионного города в конце третьего века его бытия), увы, не существует. И это при том, что именно пермские историки были инициаторами и первыми исполнителями подобного труда, касающегося истории Урала в целом [24].

Беглого взгляда на тематику и хронологию исторических публикаций последних лет достаточно, чтобы понять общие закономерности формирования репертуара этой литературы. Вполне ясно прослеживается фактор, который «при историческом материализме» назывался социальный заказ: труды разных авторов, но на одну тему, публикуются примерно в одно и то же время. И очередность выхода этих работ, по большей части, предопределена нуждами властных и экономических структур, выступавших спонсорами конкретных изданий. И это лучшая иллюстрация перехода от прежнего систематического (если угодно, планового) подхода к развитию исторического знания, к ныне модному проектному способу организации научно-краеведческих исследований. А коли так, было бы наивным ожидать появления многолетнего сугубо научного (в полном смысле академического) издания по истории Перми, которого наш город несомненно заслуживает. Хотя все предпосылки для его создания имеются. . . Подобное издание было бы лучшим воплощением общественного диалога на почве истории, реальным основанием для формирования полноценной пермской городской идентичности, о которой так много сказано и написано в последнее время [25].

Отдельный, причем, весьма актуальный сюжет — это издание справочной (энциклопедической) краеведческой литературы. Не стоит даже писать о важности подобных изданий, как для популяризации истории и культуры, так в смысле науки и образования. Увы, и здесь Пермь далеко не в первых рядах. Для сравнения, энциклопедия «Челябинск» вышла еще в 2001 г. [26]. Кроме областного города свои энциклопедии имеют и районные центры: Магнитогорск (2002) [27], Миасс (2003) [28], Каргалы (2004) [29], Карабаш (2006) [30], Копейск (2007) [31], Трехгорный (2012) [32], Троицк (2013) [33] и Снежинск (2009) [34].

Екатеринбург отстал от Челябинска совсем немного. В 2002 г. вышла энциклопедия «Екатеринбург» (изданная во вполне академическом духе) [35], появились энциклопедии Краснотуринска (2004) [36] и Лесного (2012) [37].

Сыктывкар академической энциклопедией обзавелся в 2010 г. [38], но справочников по истории, экономике и культуре районных центров Коми республики пока не появилось. В Пермском крае ситуация противоположная. Первым среди прикамских городов в 2006 г. обзавелась собственной краеведческой энциклопедией Оса [39], в 2013 — Соликамск [40], в 2007 г. появился энциклопедический справочник у Березников [41]. Но до сих пор не появилась собственной энциклопедия у Перми. И еще один «исторический» парадокс: в краевом центре, в одном из крупнейших городов не только Урала, но и России, вопрос о создании полноценного справочника даже не ставился. . .

И последнее. В мае 2007 г. в Перми вышел первый номер историко-архивного журнала «РЕТРОспектива». Издатели журнала декларировали, что Пермь и Пермский край нуждаются в серьезном иллюстрированном журнале с глубокими аналитическим содержанием, поскольку местные глянцево-журнальные издания города преследуют лишь рекламные цели. Журнал «РЕТРОспектива» направлен на решение просветительских задач, а также формирование имиджа города Перми и Пермского края как региона, имеющего глубокие культурные традиции [42].

И необходимо признать, что редакции удалось выполнить заявленную программу издания в полной мере. Стараниями издателей и авторов журнал вышел за пределы узкого круга привычных имиджевых тем: Пастернаковская Пермь, Дягилев, пермские боги, Пермь-36, пермский балет. Статьи, опубликованные в «РЕТРОспективе», посвящены самым разным проблемам истории Перми, Пермского края и Урала. Издание не осталось незамеченным и на федеральном уровне. Журнал дважды становился лауреатом всероссийских конкурсов, в 2008 г. редакция журнала получила диплом IV Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина», а в 2010 г. фондом им. Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург) «РЕТРОспектива» была признана лучшим региональным краеведческим изданием России [43].

Журнал печатается на высочайшем полиграфическом уровне, вполне сравнимом со столичными изданиями, что только подчеркивает высокий научный уровень публикаций. Автору не раз приходилось слышать отзывы о «РЕТРОспективе» как о пермском ответе столичной «Родине», одному из ведущих исторических журналов Российской Федерации.

Но, к сожалению, «РЕТРОспектива» выходит только благодаря энтузиазму и личным средствам его издателя С. А. Бывальцева, главного редактора А. Б. Стаценко и директора Д. А. Лобанова. И не удивительно (хотя и печально), что после известных экономических затруднений, имевших место в нашей стране, периодичность выхода журнала изменилась. Вместо пяти-шести номеров в год в начале его истории до одного выпуска в 2014–2015 гг. Обращение к краевым властям, увы, результатов не принесло. А ведь научный уровень публикаций «РЕТРОспективы» весьма высок и при условии нормализации финансирования не было бы большой проблемой включение пермского издания в «Перечень рецензируемых научных изданий», иначе в список ВАК (Высшей аттестационной комиссии).

А журнал уровня и качества «РЕТРОспективы» чрезвычайно нужен пермскому научному и краеведческому сообществу, хотя бы уже для того, чтобы было, где достойно поместить публикации навстречу грядущему трехсотлетию Перми, чтобы возникло «пространство диалога», которое у историков сводится, как ни странно, к двумерному пространству бумажной страницы научного журнала.

Резюмируем:

1. За прошедшие полвека с момента 250-летнего юбилея города появилась значительная по объему литература по истории Перми, и давно назрело издание нового библиографического указателя научной литературы

о городе, который послужит толчком к следующему этапу пермских исследований.

2. Материалы сотен (как минимум) статей, монографий и проч., посвященных различным аспектам развития города, вполне позволяют приступить к написанию и изданию коллективной монографии (скорее всего, в трех томах), академической истории Перми.
3. Пермь существенно отстала от других уральских городов в сфере составления энциклопедических изданий. Чтобы хоть как-то соответствовать современным требованиям, необходимо планировать выпуск энциклопедического справочника Перми.
4. Восстановление полноценного функционирования историко-архивного журнала «Ретроспектива» есть способ интенсификации научно-исторических исследований к трехвековому юбилею Перми и не только.

Если в оставшиеся до празднования годы удастся реализовать намеченную здесь простую программу, то к четвертому столетию своего существования Пермь (как совокупность пермяков) подойдет во всеоружии знания, готовая дать ответы на любой исторический вызов, каковых уже немало было в ее прошлом. Отказ от реализации указанных положений будет равносителен отказу от негласного, но оттого не менее ожесточенного, соревнования с другими уральскими городами в сфере гуманитарных наук, культуры, и, в конечном счете, проигрышу в процессе формирования местной (городской, исторической) идентичности. Или, если перевести с научного на «простой пермский» язык, городской юбилей будет встречать не слишком много настоящих пермяков, которые не просто любят, но еще и понимают свой город.

Библиографический список

- [1] Преображенский А.А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII-XVIII вв. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.
- [2] Пермь. 1723-1973. Библиографический указатель. Пермь, 1973.
- [3] Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь, 1996.
- [4] Пермские губернаторы: традиции и. Пермь, 1997.
- [5] Андреев Н.В. История Пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. Екатеринбург; Пермь, 2003.
- [6] Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург; Пермь, 2003.
- [7] Городские головы города Перми: сб. статей. Пермь, 2003.
- [8] Баяндина Н.П. Пермь купеческая. Пермь, 1997.
- [9] Баяндина Н.П. Пермь торговая. Пермь, 2002.
- [10] Баяндина Н.П. Рынок – это целый мир: Пермь торговая. Пермь, 1997.
- [11] Пермь от основания до наших дней: исторические очерки / под ред. М. Г. Нечаева. М.: Книжный мир, 2000.
- [12] Пермь от основания до наших дней: ист. очерки. В 2-х тт. Пермь, 2013.

- [13] Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. Пермь, 2006.
- [14] Корчагин П.А. Пермское общество. Губернская эпоха. Пермь, 2009.
- [15] Аверина Н.Ф. Веселый городок Егошиха: краеведческий очерк. Пермь, 2005.
- [16] Аверина Н.Ф. Ворота в Сибирь: краеведческий очерк. Пермь, 2006.
- [17] Аверина Н.Ф. Пермь в эпоху Модераха. Пермь, 2006.
- [18] Аверина Н.Ф. Восставшая из пепла: краеведческий очерк, Пермь, 2012.
- [19] Аверина Н.Ф. Настоящий город: краеведческий очерк. Пермь, 2013.
- [20] Корепанов Н.С. Пермь заводская 1723-1781 гг. Серия: Очерки истории Урала. Екатеринбург, 2011.
- [21] Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. Краткий энциклопедический словарь. Пермь, 2003.
- [22] Семьянников В. Микрорайоны города Перми. Пермь, 2008.
- [23] Спешилова Е.А. Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. 2-е изд., доп. и перераб. Пермь, 2003.
- [24] История Урала. В 2-х тт. Пермь, 1963-1965. История Урала. В 2-х тт. Пермь, 1976.
- [25] Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности. Пермь, 2013.
- [26] Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001.
- [27] Магнитогорск: краткая энциклопедия. Магнитогорск, 2002.
- [28] Миасс: энциклопедический словарь. Миасс, 2003.
- [29] Каргалы, 1944-2004: энциклопедия. Магнитогорск, 2004.
- [30] Карабаш: Карабашский городской округ: краткая энциклопедия. Челябинск, 2006.
- [31] Копейск: краткая энциклопедия. Челябинск, 2007.
- [32] Трехгорный: энциклопедия. Челябинск, 2012.
- [33] Троицкий городской округ: энциклопедия. Челябинск, 2013.
- [34] Атомные города Урала: город Снежинск: энциклопедия. Екатеринбург, 2009.
- [35] Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002.
- [36] Краснотурьинск: малая краеведческая энциклопедия. Екатеринбург, 2004.
- [37] Атомные города Урала: город Лесной: энциклопедия. Екатеринбург, 2012.
- [38] Город Сыктывкар: энциклопедия. Сыктывкар, 2010.
- [39] Осинская энциклопедия. Оса, 2006.
- [40] Соликамская энциклопедия. Пермь, 2013.
- [41] Березники: энциклопедический справочник. Пермь, 2007.
- [42] В Перми появился первый историко-архивный журнал «РЕТРОспектива» // Business Class. 2007. 6 июн.
- [43] Пермский историко-архивный журнал «РЕТРОспектива» стал победителем конкурса российских краеведческих периодических изданий // Business Class. 2010. 22 мар.

Некрополь Егошихинского завода (вторая четверть XVIII века)

Г. П. Головчанский, Л. В. Романова

Археологические изыскания в историческом центре города Перми проводятся с 1991 г. Результаты исследований позволили существенно расширить наши знания в области бытовой культуры населения губернского города и предшествующего ему заводского поселка, а также скорректировать архитектурно-планировочную историю поселения. В связи с тем, что центр поселка и города с течением времени смещался, а также с тем, что на территории города находились конкретно локализованные специфические объекты, на территории исторического центра были выделены три памятника археологии: «Егошихинский медеплавильный завод, поселение», ранние слои которого относятся к 1723–1780 гг.; «Пермь Губернская, поселение» (1781 г.–XIX в.), относящийся к ранней истории губернского центра, и «Черный рынок, поселение» (80–90-е гг. XVIII в.–XIX в.), связанный с существованием «самостоятельного микрорайона Перми, отделенного в противопожарных целях от „собственно города“ широким Кунгурским переулком (ныне — Комсомольский проспект)» [1].

В 2013–2014 гг. во время производства охранных археологических мероприятий на месте предполагаемого строительства на территории памятника археологии «Пермь губернская, поселение» (XVIII–XIX вв.) отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета под руководством авторов настоящей статьи был открыт и большей частью исследован православный некрополь.

Некрополь находится в историческом центре г. Перми, менее чем в полукилометре от территории городского первопоселения — Егошихинского медеплавильного завода (1723 г.), в квартале, находящемся между ул. Пермской, М. Горького, Ленина и Н. Островского. Площадь некрополя определяется работами 2013–2014 г., с учетом того обстоятельства, что в ходе выполнения работ в том же квартале П. А. Корчагиным, Д. А. Изосимовым и А. С. Жуковским в прежние годы погребений обнаружено не было; таким образом площадь, предположительно, не превышает 5 000 м².

Некрополь был отделен от заводского поселения ныне засыпанным оврагом, размещался в границах песчаной дюны, лежащей на глинистом основании и ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Такое размещение некрополя позволяет

сделать осторожное предположение о связи с архаичной, уходящей в раннее средневековье (VIII–XIV вв.) языческой погребальной обрядностью местного коми-пермяцкого населения, размещавшего свои могильники на песчаных дюнах в отдалении, но в пределах видимости больших рек, близ небольших ручьев. Основная концентрация захоронений приходится на участки, где мощность песчаных напластований выше; там, где слои глины ближе к поверхности, количество захоронений уменьшается. В остальном похоронный обряд некрополя соответствует каноническому православному обряду.

Всего в течение двух сезонов исследовано 368 захоронений костяков разной степени сохранности. Захоронения ориентированы головой на запад (встречаются отклонения в пределах СЗ–ЮЗ), у большинства руки сложены на груди или животе, хотя встречаются отклонения, объясняемые естественными причинами разложения. В одном случае захоронение было осуществлено головой на восток. В остальных деталях обряда погребение соответствует остальным.

Подавляющее большинство захоронений (226) — детские. Захоронения производились как в гробах, так и в колодах. Некоторые гробы и колоды покрыты берестой. Погребальный инвентарь в основном сводится к медным нательным крестикам, изредка встречаются фрагменты обуви, ткани одежды и головных уборов, костяные и медные пуговицы и украшения. В качестве изголовья (подушки) обычно использована плоская дощечка. В одном случае использовано березовое полено с берестой, также в одном случае — березовый веник. Встречается также заполнение гроба стружкой (1 случай), березовыми листьями (2 случая), листьями и ветками (1 случай).

Сохранность костяков различна, это объясняется как естественными причинами (глубина захоронения, уровень грунтовых вод и т. д.), так и наличием поздних вкопов (мусорные ямы, поздние хозяйственные постройки и т. д.), непосредственно разрушивших захоронения.

Погребальный инвентарь в целом можно датировать концом XVII–XVIII вв. Главным образом он сводится к нательным крестам.

Положение крестов в погребениях — в области груди и шеи, т. е. кресты на нитяных шнурах надеты на шею. В одном случае (детское погребение) был выявлен второй крест в области бедренных костей. Всего в ходе работ было собрано 187 нательных крестов в различной степени сохранности.

Время бытования подобных крестов определено многими исследователями довольно широко с XVI до XVIII вв. Поздние переотливки встречались и в XIX в.

Кроме крестов в одном случае был найден медный литой образок с изображением Николы Можайского. Образок стоял вертикально у северной стенки гроба с левой стороны черепа.

По-видимому, погребения совершались как в саванах, так и в одежде. О последнем свидетельствует наличие пуговиц. По большей части это медные гирьковидные пуговицы с петельками. Пуговицы имели форму шарика, иногда приплюснутую или грушевидную. В одном случае поверхность пуговицы покрывал резной орнамент. Встречались также костяные пуговицы с четырьмя и пятью отверстиями. Пуговицы такой формы бытовали в XIV–XIX вв. В одном погребении костяная пуговица имела тонкий слой позолоты.

В трех случаях найдены серьги в виде капелек из голубого стекла, видимо, подвешенные к медным колечкам-застежкам. В одном детском погребении найдены фрагменты медного украшения со вставкой из зеленого ограненного стекла.

Наиболее интересны по инвентарю погребения 86 и 1526. Погребение 86 — мужское, совершенное в гробу. Помимо нательного креста в погребении был найден медный образок. Найдено также четыре довольно крупных костяных пуговицы, фрагменты сукна и белой тонкой ткани. Одна из пуговиц имела медную обкладку на лицевой стороне. К сожалению, металл сильно корродирован, виден только рельефный листовенный веноч по ободку. На ногах погребенного были кожаные туфли с каблуками и медными пряжками.

Погребение 1526 — женское, совершенное в гробу. В погребении были найдены две подвески от серег — вытянутые капельки из голубого стекла. На ногах погребенной были остатки кожаной обуви с суконным верхом. Внутри были стельки, сваланные из травы.

Вообще, обувь была встречена в 8 погребениях. В одном случае (детское погребение) обувь была полностью сшита из сукна. В трех случаях были найдены фрагменты лаптей и шнуров. И в четырех погребениях обувь была кожаной.

В одном погребении на черепе сохранилась берестяная основа кокошника и кожаный витой шнур. В одном случае на волосяном покрове женского черепа сохранились очень мелкие фрагменты ткани. К сожалению, состояние ткани было крайне неудовлетворительным и собрать фрагменты не удалось.

Некрополь изучен не полностью, ряды погребений уходят за пределы северо-западной и северо-восточной границ исследуемого участка.

Датировка и принадлежность некрополя Егошихинскому медеплавильному заводу определяется следующими соображениями:

Земли, окружавшие Егошихинский завод, находились в частном владении Строгановых. Лишь в конце 18-го века, в связи с выбором Егошихинского завода центром Пермского наместничества, была достигнута договоренность об уступке владельцами в казну как завода, так и прилегающих к нему земель. Д. Д. Смышляев пишет в своем исследовании, что на момент открытия губернского города:

«Селение заводских мастеровых находилось тогда в вышеупомянутом Разгуляе и простиралось до ручья Стикса, отделяющего ныне город от Нового кладбища. Остальная местность, занимаемая ныне городом, была покрыта вековым лесом» [5].

Тем не менее, обнаруженное кладбище нельзя соотносить с существовавшими на Строгановских землях (на которых был выстроен казенный Егошихинский завод) крестьянскими поселениями XVII–XVIII в. Ближайший населенный пункт, Ягошихинский починок, существовал (по мнению большинства исследователей) на противоположной стороне реки Егошихи (Ягошихи), там же осуществлялись захоронения. Кроме того, обращает на себя внимание находка двух католических крестиков в детских погребениях. Один из них — предположительно польский крестик начала XVIII в. Известно, что население Ягошихинского починка (известного так же как деревня Брюханова) составляли четыре

большие крестьянские семьи: Брюхановы, Верхоланцевы, Федотовы и Вередниковы. Вряд ли кто-то из них был обращен в католическую веру.

На первом известном «Плане города Перми», разработанном губернским землемером капитаном А. Е. Грубером и утвержденном, фактически одновременно с первым Генеральным планом застройки губернского города Перми, 10 января 1784 года, обозначена разбивка города на кварталы как по первоначальному плану, в соответствии с которым было начало строительство города в 1780 году, так и по утвержденному чуть позже Генеральному плану [2]. Здесь обнаруженное кладбище не указано, место предназначено рядовой застройке.

В «Очерках из истории губернского города Перми» А. А. Дмитриев дословно цитирует известие, сообщенное Я. А. Кашиным в «Пермских Губернских Ведомостях» 1864 года:

«В мае 1780 года приехал в Соликамск для устройства наместничества генерал-поручик Евгений Петрович Кашкин, определенный в должность Пермского генерал-губернатора. <...> Немедля из Соликамска генерал Кашкин с выбранными из соликамских старожилов отправился в Егосихинский завод. Он остановился в заводском доме на горе у церкви св. Петра и Павла, где жил управитель и была заводская контора. К деревянным зданиям наскоро сделали пристрой. Несколько домов начали строить вновь. В то время селение заводских мастеровых находилось около Разгуляя, сохранившего и до сих пор свое название, и простиралось до старого кладбища. Место же, где раскинулась Пермь в настоящую пору, включительно с местностью, так называемой Слудкой, было покрыто вековым лесом, представлявшим неистощимый материал для заводского употребления» [4].

Егосихинское (Ягосихинское) кладбище, связанное с ранним существованием губернской Перми, было заложено по распоряжению пермского и тобольского наместника Е. П. Кашкина на том месте, на котором существует сейчас, соответственно, оно не могло считаться старым кладбищем к моменту приезда Кашкина 1780-го года. Быть может, это единственное письменное свидетельство существования в памяти населения поздней Егосихи упоминания о старом кладбище, которое и было раскопано в 2013–2014 гг.

Таким образом, Егосихинский медеплавильный завод является единственным населенным пунктом, с которым можно соотнести обнаруженный некрополь. По-видимому, он существовал на протяжении одного–двух десятилетий с момента основания поселка завода, далее захоронения стали осуществляться на месте современного Егосихинского кладбища. К 80-м гг. XVIII в. кладбище было забыто настолько, что его существование не стало препятствием для планирования и размещения здесь кварталов рядовой застройки.

Работы 2013–2014 гг. показали также, что выделение нескольких памятников, относящихся к территориально и хронологически пересекающемуся периоду («Пермь губернская, поселение» и «Егосихинский медеплавильный завод, поселение»), не вполне корректно и требует пересмотра.

Библиографический список

- [1] Паспорт памятника археологии «Черный рынок, поселение».
- [2] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 152.
- [3] Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-гельмики XVII в. // Культура средневековой Москвы, XVII век. М., 2000. С. 326–360.
- [4] Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года. Пермь, 1889.
- [5] Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891.

Историческая память. Проблемы деконструкции и реконструкции

Т. С. Волкова, А. В. Хованская

Конструкт «историческая память» чаще всего употребляется как синоним таких различных понятий как: «социальная память», «историческое сознание», «коллективная память», «представление о прошлом». С нашей точки зрения, исторической памятью следует называть способность людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений. Таким образом, историческая память представляется частью (типом, разновидностью) социальной памяти, продуктом коллективной социальной деятельности, образцом долговременной памяти.

Потеря коллективной исторической памяти (систематического зафиксированного повествования о своем прошлом) характеризуется отсутствием гармоничной преемственности ценностей и образцов. Последствия этого легко проиллюстрировать на примерах текущих международных событий.

Нельзя не заметить, что в массовом сознании, аналогично индивидуальному сознанию, действует механизм психологической защиты (вытеснения). Из коллективной памяти стираются травматические факты (унижения и уничтожения отдельных людей и целых социальных групп). Забвение прошлого может быть также результатом сознательного манипулирования общественным сознанием, как правило, имеющим политические или идеологические основания. В процессе целенаправленного воздействия «коллективные воспоминания (накладываются) на воспоминания индивидуальные, обеспечивая <...> удобный и надежный контроль над последними» [1].

Полностью избежать идеологизации истории вряд ли возможно пока существует политика и история. События прошлого могут быть интерпретированы в поддержку политической или социальной программы. Отметим также, что идеологическая нейтральность не является гарантом объективности исторического знания. В качестве препятствий на пути к объективности могут быть названы личные пристрастия, догмы, традиции и т. п., исторически сделавшиеся вполне сознательными.

Утрата памяти о прошлом может быть связана и с естественным процессом исчезновения сведений о тех или иных явлениях и событиях из социального сознания в связи со сменой поколений [2]. Исследователи справедливо отмечают, что историческое сознание молодого поколения в обществах постиндустриального типа формируется, чаще всего, помимо влияния старшего поколения [3].

Способствовать изменению данной ситуации могут применяемые социальные и психологические технологии «автобиографической реактивации истории» (в первую очередь — исторические реконструкции) [4]. В таком случае, перед исследователями стоят не только традиционные исследовательские задачи, но и задачи «политики памяти».

Поскольку постиндустриальная эпоха предоставляет ранее неизвестные способы передачи информации и знаний в связи с техническим и технологическим прогрессом, развитием информационных систем и технологий — использование этих ресурсов является целесообразным и для формирования политики памяти.

Дигитализация информации (перевод в цифровую форму с последующей возможностью электронного поиска и категоризации) для пользователей означает переход от линейного восприятия информации к нелинейному, к гипертексту, выстраивание собственной стратегии переработки и осмысления информации).

В качестве примера можно привести осуществленные авторами данной статьи (сотрудниками Центра социально-психологических исследований ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА) в 2014 г. проекты «Это наша с тобой биография (Великая Отечественная война в самоидентификации россиян: мифологизация или новое обретение ценностей?)», «Не рвется памяти связующая нить», проведенные в рамках регионального проекта «Возрождение исторической памяти Пермского края».

Алгоритм реконструкции исторической памяти формировался с учетом изменения инструментальных и знаниевых механизмов восприятия прошлого, характерных для начала XXI века. Новизна поставленной задачи заключалась в конструировании комплексной региональной интерактивной модели репрезентации Великой Отечественной войны, включающей использование информационных технологий (карты Памяти — электронного архива Мест памяти; аудиокниги воспоминаний участников событий, записанной голосами современников) и ориентированной на внедрение этих практик в процесс социализации с целью приумножения механизмов формирования и актуализации гражданского самосознания жителей Пермского края.

Кроме того, была поставлена и вторая задача: построить модели открытого типа, создающих условия для продуктивного социального взаимодействия представителей различных поколений и социальных групп.

В качестве методологической основы для первого проекта выбран подход французского историка Пьера Нора, предложившего концепт «мест памяти» на примере французского кейса. Нора интерпретирует «места памяти» как необходимое условие формирования современного национального самоощущения, стоящее перед вызовами глобализации и медиатизации. «Места памяти» представляют собой единство духовных и материальных артефактов. Таковыми местами «национальной памяти» служат: памятники, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, погребальные речи, похвальные слова.

В контексте истории Великой Отечественной войны Места памяти — это улицы, названные в честь Героев Великой Отечественной войны; мемориальные комплексы, захоронения; памятники; мемориальные доски, посвященные Героям Войны и Тыла; экспозиции музеев по тематике Великой Отечественной войны.

В качестве научно-исследовательских методов были выбраны следующие: проблемно-хронологический; визуальная антропология; *oralhistory* (устная история); просопографический метод; ивент- и контент-анализ; мониторинг региональных сетевых сообществ в сети Интернет; геоинформационные технологии.

Студенты высших учебных заведений г. Перми (семи государственных вузов: ПГНИУ, ПГНИПУ, ПГГПУ, ПГСХА, ПГАИК, ПГМА, ПГФА) выступили в качестве субъектов и одновременно объектов исследования.

Реализация поставленных задач осуществлялась посредством поэтапного выполнения следующих мероприятий: анкетирование, фокус-группа, сбор информации о Местах памяти, верификация полученной информации, представление полученных данных в открытой информационной системе.

Анкетирование трехсот пятидесяти студентов вузов отразило самооценку состояния исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческой среде Пермского края. В целом она может быть охарактеризована как заниженная. Более 98 % опрошенных считают реконструирование исторической памяти россиян актуальной задачей. Вместе с тем сами опрошенные уверенно называют конкретные Места памяти, связанные с Великой Отечественной войной и коммеморации с ними связанные (80,3 %). Фокус-группа демонстрирует, что патриотизм, понимаемый как любовь к Родине, включен в систему ценностей современного провинциального студенчества как обязательный элемент.

Привлеченным к проекту волонтерам была дана полная свобода в выборе Мест памяти и источников (устных [5], письменных, цифровых), характеризующих их состояние. С целью уточнения информации об артефактах-местах памяти Великой Отечественной войны в Пермском крае был организован проезд более ста волонтеров в 80 населенных пунктов Пермского края. Это мероприятие позволило подтвердить \ опровергнуть утверждения информантов относительно востребованности Мест памяти, и соотношения между тем, что принято называть памятниками и Местами памяти. В результате оказалось, что часть памятников не выполняет поставленной цели — сохранения и поддержания исторической памяти.

Полученный материал о состоянии ста сорока трех Мест Памяти был формализован, систематизирован и размещен на портале «Яндекс. Народная карта» — виртуальной интерактивной карте. Предпочтение отдавалось артефактам и связанным с ними коммеморациям, изначально преследующим цель сохранения памяти.

Реализация второго проекта — «Не рвется памяти связующая нить» подразумевала сбор воспоминаний (собрано более ста пятидесяти воспоминаний, представляющих собой небольшие по объему фрагменты самых ярких впечатлений) участников Великой Отечественной войны, проживающих \ проживавших на территории Пермского края (сбор осуществлялся с 2000 г.) и озвучивание их студентами вузов.

И первый, и второй проекты были осуществлены с использованием деятельностного подхода, который оказался востребованным его участниками, так как около двух третей из них убеждены (вывод по результатам анкетирования), что для поддержания исторической памяти в адекватном состоянии нужно что-то делать, автоматически она не передается.

Итак, проблема, постулируемая данными проектами, связана с сохранением, ретрансляцией и визуализацией коллективной исторической памяти. Разработанные методики и практические рекомендации по сохранению коллективной исторической памяти в отношении Великой Отечественной войны можно рассматривать как простой и надежный способ поддержания коллективной исторической памяти, не противоречащий, а дополняющий сложившуюся в регионе систему социализации.

Библиографический список

- [1] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память.
- [2] Быкова С. И. Война и память как этические и исторические категории (на основе исследования знаний студентов) / С. И. Быкова, Л. Я. Баранова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. — Екатеринбург, 2011. — Т. 86, вып. 1. — С. 26–30.
- [3] Камынин В. Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания / В. Д. Камынин // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — Екатеринбург, 2011. — Т. 86, № 1. — С. 59–65.
- [4] Нуркова В. В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. — 2009. — № 1, Т. 2. — С. 25.
- [5] Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти.

Опыт виртуальной исторической реконструкции архитектурного облика губернской Перми кон. XIX–нач. XX вв.

А. А. Маткин

Работы по воссозданию архитектурного облика губернской Перми кон. XIX–нач. XX вв. осуществлялись в рамках проекта «Старая Пермь в 3D» в период с 2013 по 2015 гг. Автором, руководителем и спонсором проекта являлся автор данной статьи. Мною был выполнен основной объем работ по сбору, изучению и анализу исторических источников, проектированию образа моделей. Непосредственно для процесса 3D-моделирования и визуализации моделей, на возмездной основе приглашались специалисты различных профилей: 3d-программисты, архитектор, дизайнер, видеомонтажер. На различных этапах проекта состав команды изменялся. Несколько организаций и частных лиц приняли участие в частичном финансировании работ. Так, ПГГПУ и Библиотека им. Пушкина профинансировали 3d-моделирование зданий, принадлежащих этим учреждениям.

В течение двух лет были созданы архитектурные модели Главной площади Перми (ныне театральный сквер), площади Ямского (Сенного) рынка (ныне квартал с комплексом зданий ПНИПУ) и Черного рынка (ныне сквер Уральских добровольцев), а также несколько кварталов ул. Сибирской. Результаты визуализации архитектурных моделей были представлены на личном видеоканале автора статьи: www.youtube.com/user/AndreyfromPerm Публичная презентация проекта вызывала большой интерес общественности и широкий отклик в СМИ г. Перми.

В процессе работы над виртуальными реконструкциями использовались исторические источники, полученные в Государственном архиве Пермского края, Пермском краеведческом музее, Уральском филиале Российской академии живописи, ваяния и зодчества, частных коллекциях, данные из исторической и краеведческой литературы.

Основными источниками информации служили: исторические, современные карты г. Перми, чертежи отдельных зданий, результаты обмеров существующих зданий, исторические и современные фотографии и открытки, письменные источники: справочники, газеты, книги, относящиеся к указанному периоду.

Можно выделить следующие этапы работы по созданию исторической виртуальной реконструкции:

1. определение объектов виртуальной реконструкции;
2. фотофиксация и обмеры сохранившихся строений;
3. сбор, анализ, сопоставление и синтез данных различных исторических источников;
4. проектирование образа будущей модели;
5. 3d-моделирование отдельных зданий;
6. 3d-моделирование исторической городской среды (тротуары, фонари, вывески, деревья и др. растительность) и т. п.;
7. итоговая сборка модели;
8. визуализация (рендеринг) модели: создание скриншотов (иллюстраций), видеозаписей;
9. монтаж видеороликов.

После торжественного открытия губернского города в 1781 г. началась его застройка. В 1784 г. Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы создается первый генеральный план Перми. Его автором стал столичный архитектор И. Лем [1]. Согласно плану, город имел регулярную планировку: прямоугольную сеть улиц, идущих параллельно и перпендикулярно Каме и разбивающих город на прямоугольные кварталы. План предусматривал создание нескольких площадей, в том числе Главной площади, расположенной в центре города.

Строительство и расширение губернского центра активно шло при губернаторе Карле Федоровиче Модерахе в начале 19 века. Уже на карте Перми 1808 г. обозначены площади Сенного и Черного рынков. В этот период город активно застраивается в западном направлении вдоль р. Камы. Растет его население. Как следствие, возникают новые крупные торговые площади, удаленные от исторического ядра (долины р. Егошихи).

В XIX в. продолжался процесс формирования Главной площади. По ее периметру строились важные общественные и коммерческие учреждения (государственные учреждения, банки, аптека, гимназии, магазины). В центре площади размещался большой рынок, на котором торговали хлебом и различным продовольствием. В 1800 г. по распоряжению генерал-губернатора К. Ф. Модераха в верхней части Главной площади началось строительство каменного гостиного двора, вмещавшего 60 купеческих лавок. Проект был типичным для российских губернских городов. Здесь располагались мануфактурные, галантерейные,

бакалейные лавки именитых купцов [2]. Инициатором и руководителем строительства был купец И. Р. Жмаев. После победы в Отечественной войне 1812 г. в гостином дворе была возведена часовня Св. Николая Чудотворца. К 1824 г. деревянные торговые лавки были перемещены с нижней части Главной площади на площадь Черного рынка, в район нынешнего сквера Уральских добровольцев. Освободившуюся площадь рядом с гостиным двором начали использовать военные для своих плац-парадов. К 1878 г. на этом месте был выстроен каменный городской театр. В 1929 г. гостиный двор был разобран комсомольцами. На его месте был разбит Комсомольский сквер. В 1954 г. на месте, где когда-то стояла часовня, был установлен памятник В. И. Ленину.

В рамках проекта был виртуально воссоздан весь архитектурный ансамбль Главной площади Перми по состоянию на нач. XX в.

Общей чертой застройки площадей губернского города являлось наличие в их центральной части культовых строений (храмов, часовен). Так, в центре Главной площади была выстроена часовня Св. Николая Чудотворца, в центре Сенного рынка Свято-Троицкий (единоверческий храм), а в центре Черного рынка Ильинская часовня. Общей была и судьба этих зданий. В советский период (1920–1930-е гг.) все они были ликвидированы. Так, по идеологическим и политическим причинам был осуществлен разрыв с двухвековой традицией, которая связывала развитие городской застройки с православными культовыми строениями.

В процессе исторического развития городской среды изменялся облик зданий, улиц и площадей. Иногда они исчезали с карты города в ходе целенаправленных изменений, осознанного сноса или перестройки обветшавших строений. В других случаях, утрата строений происходила в результате причин экстремального характера: пожаров, наводнений, гражданской войны и т. д.

Основным строительным материалом в губернном городе были кирпич и древесина. Можно выделить три типа зданий: кирпичные, деревянные и смешанного типа. Главная площадь Перми застраивалась преимущественно кирпичными зданиями. Дома, расположенные по периметру площади Сенного рынка были преимущественно деревянными. В архитектуре площади Черного рынка были представлены здания всех типов.

К началу XX вв. Пермь не имела перспективного генерального плана — строительство велось стихийно, без соблюдения элементарных требований благоустройства [3]. Развитие промышленности, развитие железнодорожного сообщения, увеличение населения и рост торговли повлияли на городскую застройку. Часть площадей была ликвидирована, городская застройка уплотнялась. Регулярная планировка города была нарушена. Город продолжал расти в двух направлениях — западном и южном.

Главная площадь Перми продолжала играть роль культурного, административного, финансового центра города, сохраняя при этом и торговые функции.

Площадь Сенного рынка, расположенная ближе к окраине города, носила ярко выраженный торговый характер. Она делилась на две части: открытое пространство, на котором в базарные дни вели торговлю крестьяне, съезжавшиеся из окрестных деревень, и площадку, застроенную деревянными стационарными павильонами для круглогодичной торговли.

На площади «Черного рынка» были построены множество деревянных павильонов и четыре каменных. По периметру площади располагались магазины, склады и точки общественного питания. Кроме того, здесь располагалась мужская гимназия, а на горе Слудке размещалась пожарная часть с пожарной каланчой, являвшейся архитектурной доминантой этой площади.

Виртуальные реконструкции основных площадей г. Перми позволили воссоздать утраченный облик исторической застройки, дополнить представления о тех фрагментах застройки, по которым отсутствуют исторические источники, понять тенденции, существовавшие в архитектуре и планировании городского пространства в указанный исторический период. Сопоставление результатов виртуальной реконструкции с современным архитектурным обликом города, позволяет наглядно проследить процесс масштабной трансформации городской среды, понять его причины и закономерности.

Библиографический список

- [1] Пермь от основания до наших дней: ист. очерки / [А. М. Белавин и др.; под ред. М. Г. Нечаева]. — Пермь: Пушка, 2013 г., в 2-х томах, т. 1, с. 79
- [2] Баяндина Н. П. Пермь купеческая. — Пермь: Пушка, 1997 г., с. 24
- [3] Терехин А. С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь: Кн. изд-во, 1980 г., с. 44
- [4] Ф. 716, Оп. 1, Д. 149 План Сенной площади. г. Пермь
- [5] Ф. 716, Оп. 1, Д. 153. План торговых помещений на Сенном рынке
- [6] Ф. 716, Оп. 1, Д. 168. План помещений на «Черном рынке» в г. Перми

Больше жизни!

Род Матвеевых:

история семьи — история страны

В. Ф. Гладышев

В это трудно поверить, но еще в нулевых годах 21-го века на одном из старых, приговоренных к сносу домов по ул. Революции висела табличка с прежним названием улицы — Матвеева (теперь табличка хранится у автора этих строк). Ржавая табличка, вполне музейный экспонат, напоминает нам о том, что когда-то, в течение нескольких лет, бывшая улочка Садовая получила новое имя в честь видного общественного деятеля Павла Александровича Матвеева (1868–1927). Однако спустя несколько лет улица будет «репрессирована»: ее переименуют в ул. Революции. Тем самым был посмертно наказан и основатель рода; в 1930-е годы практически все члены большой семьи Матвеевых будут подвергнуты жестоким политическим репрессиям.

Внук Павла Александровича, известный пермский краевед Герман Михайлович Матвеев, рассказал нам, как, в каких обстоятельствах прорывалась к людям правда истории. Он признался, что впервые осознали необходимость и возможность реабилитации родных, только прочитав в журнале «Новый мир» эпопею Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Встретили там и упоминание о семье Матвеевых: «... У С. П. Матвеевой в одну и ту же волну, но по разным „делам“ арестовали мужа и трех братьев (и трое из четверых никогда не вернутся)». Г. М. Матвеев сообщил нам, что эти данные А. Солженицын получил от бабушки, С. П. Матвеевой, которая решилась написать ему письмо после того, как прочитала «Один день Ивана Денисовича» [1].

* * *

О начале биографии главы семейства П. А. Матвеева можно сказать двумя словами: рос подкидышем. Родителей Павел не знал, воспитывался мальчик бывшим солдатом-кантонистом, который и усыновил его. Воспитатель дослужился до приказчика, работал в богатых купеческих семьях Гавриловых и Башкирцевых. Видимо, хозяева и заметили смышленного мальчика, купцы устроили Павел сначала в мужскую гимназию, затем помогли ему во время учебы в Казанском университете. Сначала он поступил на физико-математический факультет,

но не окончил его. В 1907 году, когда Матвееву будет уже почти сорок лет, упорный пермяк вновь поступит в тот же университет, только уже на юридический факультет, и успешно окончит его.

Пять лет работал учителем в селе Слудка Пермского уезда. Однако душа требовала активной жизни, темперамент у Павла Александровича — ярко выраженный общественник. Революционной деятельностью увлекся еще в Казани, в годы студенческой «вольницы». Позднее в Красноуфимске, куда Матвеев уехал, поступив на сельскохозяйственные учительские курсы, он вступил в нелегальную организацию. За эту деятельность, за переписку с нелегалами, отбывал шестимесячное наказание в тюрьме. Это была первая и не последняя «отсидка» Павла Матвеева за свои взгляды и убеждения. Не случайно его имя называют в ряду первых пермских марксистов. В 1902 году он стал социал-демократом, членом Пермского комитета РСДРП.

Павел Матвеев участвовал и в самой шумевшей учительской демонстрации 14 мая 1905 года. В то время он работал конторщиком в управлении Пермской железной дороги.

Провести четкую грань между его просветительской и общественно-политической, «подстрекательской» деятельностью в тот период довольно трудно. Матвеев вел подобную работу и в учительском обществе, и в Союзе железнодорожников. За эти годы несколько раз подвергался тюремным заключениям и ссылкам. Официальное основание — противоправительственная пропаганда. Но этого вечного «смутьяна» и вольнодумца многие вспоминают с благодарностью, и прежде всего за то, что учил уму-разуму, за то, что помогал шире взглянуть происходящее в мире. Так, с благодарностью пишет о своем наставнике по жизни поэт и авиатор Василий Каменский:

«Неизменно жизнерадостный, всегда смеющийся, деятельный, очень опытный марксист-подпольщик П. А. Матвеев, только что освобожденный из тюрьмы, горячо встретил мое возвращение и помог устроиться таксировщиком в товарную контору железной дороги Нижнетагильского завода» [2].

О многом говорит и такой факт: в революционные годы, в критических ситуациях товарищи по партии, по подпольной работе доверяли Матвееву роль третейского судьи.

Наиболее адекватно выражает сущность целеустремленной натуры Матвеева его новая должность — правозаступник. Понятие это не совсем то, что правозащитник, но по главной своей сути и содержанию люди, занимавшиеся подобной деятельностью в разные годы, были близки. Хотя правозаступники действовали в первые годы Советской власти, а правозащитники (или «диссиденты») вышли на общественную арену в конце 1960-х. Для первых это было работой по должности, для вторых — по велению совести и по движению души. Есть еще одно сходство, сближающее два понятия. Как в первые годы после революции, так и в последние годы XX столетия, в стране Советов решались задачи строительства правового государства. . .

Павел Александрович Матвеев слыл авторитетным специалистом, посему ему была доверена должность правозаступника и в Пермском губюсте, и в Самарском (во время эвакуации, когда Пермь захватили колчаковцы).

Почти на протяжении всего 1918 года он заведовал бюро юридической помощи при Пермском горисполкоме. Осенью 1918 года он около месяца (октябрь–ноябрь) руководил городом, исполняя обязанности председателя объединенного горезездного исполкома [3].

На тот момент П. А. Матвеев был одним из первых городских руководителей, имевших высшее образование. Кто знает, если бы Павел Александрович оставался на высоком посту дольше, может удалось бы вести более грамотный, более гуманный курс на преобразования. Но его не оставили в председателях, да и, как мы увидим далее, не могли оставить большевики, люди менее грамотные, но настроенные гораздо более радикально. Люди, не привыкшие к «антимониям», как говорили в рабочей среде.

Между тем, авторитет, популярность в массах у Павла Александровича были довольно высокие. Его на многое хватает. Адвокат и преподаватель — вот основные его занятия. Не случайно мы видим П. А. Матвеев в числе первых преподавателей местного университета, студенты называли его «дедушкой пермского рабфака» (рабфак — подготовительное отделение).

Первая массовая амнистия, по случаю пятой годовщины Октябрьской революции, прошла в городе под руководством Матвеева, который, будучи помощником прокурора губернии, возглавлял отделение по организации обвинения и надзора за органами следствия и дознания. Заступив на эту должность, Павел Александрович сразу понял, насколько неохватная работа предстоит.

Выявились «чрезвычайно слабая постановка учета и отчетности у органов дознания и в местах лишения свободы». Порядка не было. И только консультациями, инструктажами тут было не обойтись.

В органы поступала масса неспециалистов, а то и вообще неграмотного народа. Неудивительно, что П. А. Матвееву пришла мысль о необходимости организации губернских юридических курсов. В числе преподавателей был, конечно, и сам заведующий курсами. В то время Матвеев преподавал еще и в совпартшколе.

Получалось так, что старого революционера в те годы часто бросали «на укрепление». И насильно это не надо было делать, поскольку Павел Александрович сам искал новых дел и был практически безотказен. И не во всем, увы, успевал доводить задуманное до конца.

Для него должность правозаступника фактически явилась делом всего его последнего, советского десятилетия жизни. Она прибавила ему авторитета — но не денег, нет, жить было очень трудно. Когда Матвеева «бросили», как члена партии для наведения порядка в Коллегию защитников, пришлось принимать специальное решение по материальной стороне дела. Коллегия адвокатов — организация хозрасчетная, на ее содержание каждый член коллегии платил по три процента от своих гонораров (за проведенные дела). А у Матвеева в ту пору дел, понятно, не вел, и гонораров тоже не имел. Поэтому губернский суд счел нужным просить все расходы на командированного в Коллегию т. Матвеева отнести на счет губисполкома. В самом деле, если бы не это решение, Матвеев должен был бы просто выйти из Коллегии, где ему было взять около 100 миллионов рублей, по февральским ценам 1923 года (такова сумма всевозможных налогов и взносов на одного адвоката).

Укрепить политически Коллегию Матвееву со временем, видимо, удалось. В апреле того же года пермские адвокаты даже приняли такое решение: «Обязать каждого члена Коллегии защитников внести по пять золотых рублей на постройку аэроплана „Защитник“» (с рассрочкой на пять месяцев).

Он пресекал нарушения профессиональной этики, способствовал укреплению дисциплины, чувству ответственности за судьбы людей. Когда-то до революции ему доверялись как третьей инстанции. И при новом строе Павел Александрович остался верен себе. Это доказывает случай с его зятем, бывшим одно время председателем президиума Коллегии защитников.

Работа Коллегии при прежнем руководстве далеко не во всем устраивала новую власть. И причина была не столько в служебном несоответствии, сколько в стиле руководства, в грубом поведении председателя. Пленум губсуда рассмотрел работу организации и посчитал, что «... Пермская коллегия защитников проникнута буржуазной идеологией, существует на средства буржуазии и защищает, главным образом, интересы последней».

Вот такой оборот приняло разбирательство. Выступал и П. А. Матвеев, и не с защитой родственника. В итоге постановлением губсуда председатель был выведен из состава президиума Коллегии. . .

Нервотрепка на этом для Матвеева не кончилась, ведь председателем избрали. . . его самого. Ни у кого, однако, не возникло даже мысли обвинить его в том, что вот-де, не пожалел и родного человека ради карьеры. Уж слишком не близки были слова: «карьерист Матвеев». Окружающие видели, что совсем другим живет этот седой большоголовый человек с мягкой улыбкой и лучистым взглядом.

За короткий срок Матвееву удалось перестроить работу специалистов по оказанию юридической помощи населению. Среди обратившихся за консультацией «„трудовой элемент“ составлял уже подавляющее большинство». Все, как говорится, в духе времени. . .

И все же не во всем соответствовал «духу времени» Павел Александрович.

Правозащитник не оставлял без внимания случаи жесткого административного нажима при проведении того или иного постановления партии. Невнимание, неуважение к личности человека и его правам более всего претило революционеру, который в далеком 1905-м разошелся на той же почве с «железным большевиком» Артемом (Сергеевым). В 1902 году, П. А. Матвеев схлестнулся в острой дискуссии с руководителем эсеровской боевой группы Григорием Гершуни, приезжавшим в Пермь в поисках своих единомышленников [4].

Однако здоровья у Павла Александровича, бывшего каторжанина, оставалось все меньше, а щадить себя он не привык (как и своих домочадцев, впрочем).

С сильными «перегибами», как тогда говорили, столкнулся Матвеев, когда его «бросили» заведовать «подотделом по отделению церкви от государства» в 21-м году. Правда, долго на этом посту он не выдержал. . .

Опытный юрист, которому власть доверяла руководящие посты, оказался честным и совестливым человеком. Он был поставлен самой судьбой перед необходимостью бороться с пережитками, с косностью. И — преодолевать непонимание русского народа, трудового элемента, с его «привычкой к произволу»

укорененной кровавой баней гражданской войны; с наивными ожиданиями «всего сразу».

Мучительные мысли приходили к адвокату и преподавателю в то самое время, когда другой либерал старой закваски, писатель, бывший для Матвеева в молодости нравственным примером, В. Г. Короленко писал, обращаясь к А. В. Луначарскому:

«Народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: „грабь награбленное!“), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, — такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других» [5].

Павел Александрович чувствовал свое духовное родство с властителями дум демократической молодежи времен своей молодости, с Короленко, с Плехановым (неслучайно вступил в плехановскую группу «Единство»). Но Матвеев был вынужден, он должен был работать с тем «человеческим материалом», которому поклялся помочь, которому хотел улучшить жизнь.

Уставая от стычек и боев на ниве права, Павел Александрович с удовольствием шел к детям; занимался в клубе «Муравейник», беседовал с первыми «фэззушниками», помогал студентам. Теплые воспоминания оставили о «дедушке пермского рабфака» бывшие ученики. Один из них, С. Г. Катаев, писал:

«Старичок средней комплекции. Серенький такой, в сереньком кургузом пиджачке. Однако в его лице с серенькой бородкой, в серых глазах было что-то энергичное, уверенное, умное, и в то же время симпатичное, отцовски доброе. . . Всегда был точен и аккуратен, не терпел расхлябанности ни в каком деле. Он превосходно знал, как нужно набивать наши головешки знаниями» [6].

Как и Короленко, старый адвокат видел, конечно, всю бездну, отделявшую мечты от действительности. И даже отмечал, что в развитии советского общества наметился нежелательный крен, он пытался «скорректировать» его. Человек общественный, он даже с больничной койки составляет для горсовета (депутатом которого постоянно избирался от рабочей Слободки) предложения в генплан по благоустройству Перми.

Много хлопотал о пуске в городе трамвая, но до открытия первого маршрута ему не суждено было дожить всего два года.

Понимая, что конец близок, Матвеев устраивает разные домашние дела, но и здесь верен себе. Павел Александрович пишет своим сыновьям и дочери записку, поразившую даже их, хорошо знавших отца. Ему хотелось бы свою часть дома (составляющую одну пятнадцатую от всей суммы) передать в пермскую бесплатную библиотеку имени Л. Н. Толстого — для организации кабинета самообразования. . .

... У памятника Павлу Матвееву мне довелось услышать однажды удивительную легенду. Словоохотливая старушка, прихожанка кладбищенского храма, рассказывала:

— Вы знаете, что этот Матвеев был, говорят, миллионером, его и порешили за то, что не хотел выдать тайну, где он спрятал свое золото...

Все смешала пермская обывательская молва... Главу почтенного семейства, который являл собой образец бескорыстного служения справедливости, причислили к подпольным миллионерам. И в то же время, можно догадаться, откуда у байки «ноги растут». Многие пермяки читали повесть «Золотой поезд», автором которой был Владимир Матвеев, сына Павла Александровича...

Когда началась гражданская война, Владимиру было 25 лет. Увлеченный идеалист, он с головой окунулся в революционную деятельность. За несколько дней до расстрела царской семьи в Пермь летит загадочная телеграмма: «Военком, Лукоянову, уполномоченному облсовета Матвееву, Королевские (номера), Сыромолотову. Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда, всю сменить. Пошлите обратно в Екатеринбург».

Телеграмма — за подписью А. Белобородова, председателя Уралсовета. Речь шла об охранниках «золотого поезда», эшелона с драгоценностями и золотым запасом, который был отправлен отступающими от Колчака большевиками в Москву. Поезд застрял в Перми. Упомянутый в телеграмме Матвеев В. П. — комендант или комиссар «поезда особого назначения», как еще называли поезд с золотом. Соблюдая строжайшую секретность, руководители Уралсовета планировали, заменив охрану поезда, перебросить ее в «дом особого назначения» — Ипатьевский особняк...

В своей книжке «Золотой поезд» — советском бестселлере — Владимир Матвеев с упоением описывает обстановку в Перми в 1918 году (до «пермской катастрофы», захвата города белыми частями):

«Глубоким снегом занесена маленькая Пермь. Она уже не тиха и не безлюдна. Все екатеринбургские учреждения разместились здесь. Тридцатитысячный гарнизон. Штаб армии. Круто хозяйничает в городе Голованов. Не хватает места для лазаретов, шесть церквей закрыты, и в них помещены школы. Не хватает квартир военным работникам — пермские купцы и чиновники поживут в публичных домах на окраине, „Сахалине“».

Пройдет два десятка лет, и сталинская власть разберется, в чем заключается «порочность» идеалов, которые исповедовал с детства Владимир Матвеев. Порочность и опасность.

Никаких богатств бывший комиссар и журналист не заработал, хоть и занимал руководящие посты, руководил крупными газетами и работал в торгпредстве. Не умел он, не приучен был искусству того, как нагревать руки.

Владимир Павлович Матвеев, объявленный «врагом народа», в 1939 году получил от родной советской власти пулю в затылок. Переиздания его популярной книжки из времен гражданской войны приносили государству сотни тысяч рублей прибыли. Вот и все его миллионы...

Обидно, что потихоньку, незаметно исчезает память о Матвеевых, об этой необычной пермской семье, из которой появились сразу несколько поистине незаурядных личностей, видных общественных деятелей.

Фактически — память о замечательном «меньшевике» (так заклеилим гонители Павла Александровича) была репрессирована вместе с сыновьями Матвеева. Каждый из сыновей — яркая личность, каждый — с трагической судьбой. Владимир Матвеев — известный писатель, журналист. Константин Матвеев — один из организаторов пермского молодежного движения, комсомола. Михаил Матвеев после освобождения работал журналистом.

Внуки П. А. Матвеева стали достойными людьми, они многого добились, руководствуясь его, Павла Александровича, жизненными принципами. Все они отличались неумной тягой к знаниям, закончили вузы, при этом выделяясь ярким общественным темпераментом; Матвеевы-младшие были участниками Великой Отечественной войны. Герман Михайлович Матвеев стал одним из основателей общества «Пермский краевед».

Так вот и получилось, что у нескольких представителей когда-то знаменитого рода Матвеевых нет даже могилки, места, куда можно придти их вспомнить. А вспоминают всех их, ставших жертвами и героями жестокого века, нередко у памятника старшему Матвееву, Павлу Александровичу. Могила его — в первом ряду почетной аллеи старинного Егошихинского Парка памяти. На памятнике — эпитафия: «От молодого поколения». Символично, что в том же квартале, но ближе к речке Егошихе, нам удалось обнаружить и скромный надгробный камень приемному отцу Павла, Матвееву Александру Матвеевичу, на котором сохранилась краткая надпись: «Из кантонистов». (7) Таким образом, судьба одного рода Матвеевых стала ярким отражением противоречивого, драматического развития российского гражданского общества и всей страны.

Библиографический список

- [1] В. Гладышев. «Автор одного произведения». Возвращенные имена. // Вечерняя Пермь. 1990. № 1.
- [2] Пермские градоначальники. // Пермь, 2008. С. 115.
- [3] В. Каменский. Путь энтузиаста // Пермь, 1968. С. 56.
- [4] Вестник Смышляевских чтений, выпуск 5 // В. Гладышев. Адвокат рабочей Слободки. Пермь. 2008.
- [5] В. Г. Короленко. Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. Москва, 1990.
- [6] Пермский рабфак. Искры памятных лет. Пермь, 1975.
- [7] В. Гладышев. Перми старинное зеркало // Пермь, 2001. С. 93.

Пермская общественность и проблема городского самоуправления (1862 г.)

С. Н. Плотников

Как известно, составной частью реформ 1860–1870-х гг. было Городовое положение 1870 г. — закон о реформе городского самоуправления в России. Несмотря на значительный интерес исследователей к этой проблеме [2, 4], реализация реформы на местах не получила должного освещения [5–7].

Подготовка реформы началась в 1862 г. По инициативе Министерства внутренних дел для выработки предложений на местах было образовано 509 комиссий [1, с. 597]. Одной из них была комиссия пермского городского общества.

Летом 1862 г. комиссия, в которую вошли старший учитель пермской мужской гимназии А. А. Поимский, учитель Д. П. Островский, инспектор мужской гимназии А. А. Залежский, купец Г. Ташлыков и др., подготовила пространную записку, в которой высказала свои соображения относительно намечавшегося преобразования городского самоуправления. Записка была найдена и впервые обработана Я. Б. Рабиновичем [5, с. 73–81]. Официально она называлась «Мнение комиссии, назначенной Пермским городским обществом для составления соображений относительно преобразования городского общественного управления» (далее — «Записка») [3].

Пермская комиссия исходила из того, что:

«вопрос об устройстве общественного городского управления на истинно разумных началах занимает без сомнения одно из важнейших мест <... > Преобразование городского общественного управления тогда только сможет вполне достигнуть своей цели, когда учреждения общей государственной администрации подвергнутся в соответствии с ним коренному радикальному изменению <... > в его удачном разрешении лежит решение великой задачи — вполне правомерного определения отношений государства к обществу, правительству к народу» [3, л. 23].

Думается, что речь идет о необходимости становления правового государства.

Циркуляр МВД содержал вопросы относительно устройства городского самоуправления, которые были сопровождаемы подробными пояснениями. Прежде изложения ответов на заданные вопросы пермская комиссия высказала свои соображения, которые сочла полезными.

Авторы «Записки» начали с изложения своего понимания истории городского самоуправления в России. По их мнению, оно вполне свободно и самостоятельно развивалось в удельно-вечевой период, но пало под тяжкими ударами собирателей русской земли. Вследствие этого, избранных людей постепенно заменили царские воеводы, и в итоге, неумолимая централизация подавила общинное начало. Это произошло до Петра Великого, который в свою очередь перенес на русскую почву иноземные учреждения, в том числе и немецкий магистрат, приносивший мало пользы уже при самом реформаторе. Магистрат «заразился» бумаготворчеством и бюрократизмом, которые, по мнению авторов «Записки», с той поры утвердились в российских присутственных местах. Екатерина I ликвидировала власть магистратов, вновь подчинив города воеводам и губернаторам. Городское самоуправление начала 1860-х гг. и члены комиссии справедливо ввели со времен Екатерины II. Таким образом, перед нами своеобразная краткая историософия российского самоуправления.

Члены пермской комиссии мыслили широко, концептуально. По их мнению, Городовое положение Екатерины II (начальная часть Жалованной грамоты городам 1785 г.) было первой попыткой образовать в России среднее сословие. Напомнив, что Екатерина II простым изданием указов об обращении сел в города основала очень много городов в России, члены комиссии охарактеризовали ее Городовое положение как одно из лучших дел царствования, которое, однако, не было успешно реализовано. Оно, по мнению авторов «Записки», являлось формой без содержания. Городское самоуправление было подавлено бюрократическим контролем. В результате формально свободное самоуправление реально стало мертвой формой. Городские общества, неопытные в канцелярских тонкостях, были связаны «по рукам и ногам» многочисленными канцелярскими формальностями, затруднявшими даже самое малое общественное дело.

«Общество же, видя бездеятельность своего управления, потеряло к нему всякое доверие <...> Все недостатки современного городского управления проистекают из этого источника, и только расширение его и освобождение от тягостного чиновничьего контроля может действительно помочь делу» [3, л. 31].

В этом и заключалась, по их мнению, сущность реформы городского самоуправления в России.

Российское городское самоуправление начала 1860-х годов, несмотря на принятие городских положений 1846 г. (для Петербурга) и 1862 г. (для Москвы), виделось пермской комиссии безрадостным и неизученным. Городские общества представляли собой лишь слабое подобие свободных самоуправляемых общин. Одной из очевидных причин этого члены комиссии считали неразвитость городских жителей, их неспособность осознать свои права и применить это сознание в жизнь. Им было также очевидно, что в своем циркуляре МВД не объяснило истинные причины неразвитости городских обществ. Члены комиссии не считали правильным предлагаемое министерством усиление роли дворянства. Они

выступали за максимально широкое городское самоуправление. Авторы «Записки» сделали важный вывод:

«Определение взаимных границ деятельности общинного самоуправления и центральной власти — задача нелегкая, но в ее успешном разрешении лежит возможность разумного устройства государственной и общественной жизни» [3, л. 29, об. л. 30].

Исходя из своего понимания прошлого и настоящего состояния городского самоуправления в России, члены пермской комиссии обосновали следующие принципы реформы городского самоуправления:

1. ликвидация излишнего контроля администрации;
2. освобождение от канцелярской рутины;
3. соответствие форм самоуправления характеру и потребностям местных обществ;
4. наделение органов местного самоуправления максимально возможными функциями.

Авторы «Записки» не сомневались в успехе городского самоуправления, избавленного от надзора губернских правлений и бюрократизма. Члены пермской комиссии указали, что в силу дефицита отведенного им времени они не смогли подробно изложить свои взгляды на реформу городского управления и ограничились определением основополагающей идеи и принципов реформы.

На основе вышеизложенных принципов в дополнение и развитие Городового положения 1846 г. пермская комиссия предложила свою программу преобразований. Она заключалась в следующем:

1. осуществление максимально возможного самоуправления городских обществ, при полной ликвидации зависимости органов самоуправления от местной администрации;
2. вмешательство центрального правительства ограничивалось наблюдением за исполнением повинностей;
3. контроль деятельности органов местного городского самоуправления должен принадлежать самому городскому обществу или избранным им представителям (местная администрация не вмешивается в действия городского общества, если они не противоречат законам);
4. городское общество осуществляет полный контроль деятельности всех финансируемых им учреждений (городской полиции, квартирной комиссии и др.);
5. выборность всех городских учреждений;
6. предоставление городским обществам полной свободы в выработке конкретных форм своего развития, не ограничивая их деятельность официальными программами и кабинетными решениями местных проблем.

Высказав свои убеждения относительно характера реформы городского самоуправления, комиссия перешла к изложению ответов на вопросы, предложенные в программе МВД. Ответы на эти вопросы полнее раскрывают взгляды авторов «Записки» на проблему местного самоуправления.

Первый вопрос гласил: «Какие условия городской жизни заключает известный город или посад?» [3, об. л. 33].

Члены комиссии понимали, что смысл данного вопроса в уяснении, соответствует ли данный населенный пункт статусу города и, соответственно, нуждается ли он в городском самоуправлении. При этом они, соглашаясь с министерством, отмечали, что основополагающие принципы городского и сельского самоуправления сходны, различия лишь в сложности форм управления. Авторы «Записки» дали ответ на этот вопрос по сформулированным министерством восьми пунктам применительно к Перми. Из ответа следовало, что город Пермь являлся отдельным городским поселением. На 1 января 1862 г. в нем, «по счетам рекрутского старосты», проживало 4380 мещан обоего пола и 1045 владельцев недвижимой собственности, в числе которых были 277 дворян и чиновников, 101 — почетных граждан и купцов, 316 мещан (не включенных в вышеназванное число 4380), 52 крестьянина, 65 священнослужителей и 234 солдата; временное жилье имели в городе до 400 крестьян и до 1600 солдат (всего до 7425 человек). Торговля была, в основном, розничная, оптовую вели 4 или 5 купцов. В 1862 г. в Перми проживали 3 купца 1-й гильдии, 12 — 2-й и 56 — 3-й. В городе было 106 каменных лавок, 162 деревянных (102 из них принадлежали городу) и 7 магазинов. Ежегодно действовали три трехдневные ярмарки, сбыт товаров на которых был очень незначителен. Город располагал одним трактиром и 23 постоянными дворами. В Перми проживали 175 ремесленников с 378 учениками и 304 подмастерьями, сбывавших свою продукцию, в основном, в Перми и лишь незначительную часть в окрестностях. В городе были две канатные фабрики (объем производства на сумму 44 965 рублей в год), две мыловаренных и свечных (на 20 000 рублей), одна фаянсовая и фарфоровая (на 30 000 рублей), четыре кожевенных (на 169 000 рублей) и «несколько других незначительных» [3, об. л. 35].

Сбыт продукции производился в Перми, частично в близлежащих городах, а также на Ирбитской и Нижегородской ярмарках (фаянсовые и кожевенные изделия). Члены комиссии считали, что, несмотря на расположение на берегу Камы, Пермь была мало развита как город. Промышленность и торговля, по их мнению, слабо развиты и ориентированы, в основном, на удовлетворение местных потребностей (основные потребители — чиновники). Внешняя торговля была почти не развита. В этом отношении Пермь являлась складским пунктом в торговле между европейской и азиатской частями России. Заводская промышленность, очень развитая в губернии, была сосредоточена исключительно в Екатеринбурге и не оказывала никакого влияния на губернский город. Авторы «Записки» сделали вывод, что некоторое развитие промышленности и торговли в Перми было следствием ее административного значения. Следовательно, в силу самостоятельного развития городские условия в Перми не сложились, они сформировались «административной обстановкой» в масштабах, дающих несомненное право на городское самоуправление.

Для понимания взглядов авторов «Записки» на проблему местного самоуправления особо важен их ответ на второй вопрос: «При каких условиях поселившиеся в городе жители должны считаться членами городского общества и на какие разряды или сословия жители эти могут быть разделены?» [3, л. 36].

По мнению членов комиссии, ответ на данный вопрос вытекал из сущности городского общества. По действовавшему законодательству целями городского общества были управление своими делами и выполнение возложенных на него государственных повинностей. Оно состояло из податных сословий, лиц «торгового слоя» и представителей «привилегированных классов» — владельцев городской недвижимости. Для авторов «Записки» было очевидно, что все вышеперечисленные «лица» должны считаться членами городского общества, как несущие городские повинности. При этом, как полагали авторы, «городскому обществу нет и надобности распадаться на сословия; здесь оно может действовать, как одно целое, так как интересы жителей должны быть одинаковы в этом отношении <...> это интересы города, где живут они» [3, л. 36, об. л. 37]. Таким образом, члены комиссии выступали за имущественный ценз и гражданское равноправие как основные принципы городского самоуправления, что и будет реализовано в Городовом положении 1870 г.

Отвечая на вопрос: «В чем состоят общественные дела городского общества и отдельных городских сословий?» [3, об. л. 37] — авторы «Записки» сразу же проявили свою правовую осведомленность. Они охарактеризовали городское общество как юридическое лицо, имеющее законные права и обязанности. Отвечая на поставленный вопрос, члены комиссии утверждали, что необходимо разделить сферы деятельности городского общества и центрального правительства. В компетенцию городского общества они отнесли все его потребности, которые разделили на две части: необходимые и произвольные. Необходимой потребностью авторы «Записки» считали благоустройство города (сюда включали освещение, чистоту улиц и площадей, противопожарные мероприятия, содействие полиции, ликвидацию нищенства, начальное образование и т. п.). Исполнение государственных повинностей (квартирной, дорожной и других в черте городских владений), содержание городского управления также считались необходимыми потребностями. К произвольным потребностям были отнесены: забота об архитектурной эстетике городских зданий, наблюдение за безопасностью принадлежащих полиции построек, распространение образования, устройство мостовых и другие потребности, которые городское общество сочло бы достойными удовлетворения и при этом не противоречащими общей государственной пользе. Предложение разделить местные потребности на необходимые и произвольные было реализовано уже в ходе земской реформы, начавшейся в 1864 г., — земские потребности были разделены на обязательные и необязательные.

Комиссия считала, что отдельные сословные дела могли иметь место применительно к податным сословиям, связанным круговой порукой, при чем обязанности этих сословий подробно определены в сословных и финансовых законах. Все прочие сословные дела, по мнению авторов «Записки», к общему городскому управлению не относились и были оговорены общими законами.

Авторы «Записки» предоставили требуемые министерством сведения по городскому хозяйству из росписи доходов и расходов пермского городского общества. Согласно этим сведениям, годовой доход города «с выгонной земли» составлял 135 р. 25 коп., со 102 лавок — 3 427 р., с весов — 880 р., с тракторов — 125 р., с кушцов — 716 р. 50 коп., с извозчиков — 750 р., с товаров, выручаемых в черте города, — 11 000 р., с контрактов — 3 500 р. и страхового сбора — 3 828 р. и 13 $\frac{1}{4}$ коп. В целом, по данной росписи годовой доход губернского города Перми в 1862 г. составлял 25 059 р. 21 $\frac{1}{4}$ коп. Соответствующие годовые расходы составляли 24 735 р. 97 $\frac{3}{4}$ коп. (отметим отсутствие дефицита городского бюджета). Расходы, в частности, предполагались на содержание городского управления — 12 000 р. 45 $\frac{3}{4}$ коп., городского имущества — 2 410 р. 87 $\frac{1}{4}$ коп., на благоустройство города — 2 228 р. 48 $\frac{1}{4}$ коп., квартирные деньги — 1 009 р. 80 $\frac{1}{2}$ коп., содержание учебных и других заведений — 943 р. 85 коп., уплату долгов — 230 р. 40 коп. и «экстраординарные меры» — 1 094 р. Запасного капитала не было. Недоимки составляли 1 690 р. 42 $\frac{3}{4}$ коп. [3, л. 40]. Заметим, что почти половина расходов предполагалась на содержание городского управления.

Следующим был вопрос: «Какие учреждения и должностные лица должны быть установлены для заведывания общественными делами?» [3, об. л. 40]. Высшее управление общественными делами авторами «Записки» возлагалось на Представительное собрание городского общества. Оно одно имело право принимать решения по общественным делам и контролировать их исполнение. Представительное собрание мыслилось членами пермской комиссии как в установленных пределах законодательное собрание. МВД предлагало составлять его из представителей сословий (по равному числу от каждого). Комиссия с этим предложением не согласилась, посчитав его несправедливым в силу разной численности городских сословий. Комиссия считала, что Представительное собрание должно быть образовано путем выбора определенного числа депутатов из общей массы населения города без различия сословий. Число депутатов должно быть определено относительно общего числа жителей. Основанием для этого может служить разделение города на части или избирательные участки. Каждая часть или участок избирают известное число депутатов. От какого числа жителей избирать одного депутата определялось в зависимости от численности населения города. Для этой цели предлагалось разделить города на три или четыре категории и для каждой определить «отношение числа депутатов к общей массе населения» [3, л. 42]. Авторы «Записки» проиллюстрировали свои выводы на примере Петербурга и Перми. Они предложили в Петербурге, где проживало примерно 250 тыс. чел., «назначить» одного депутата от тысячи жителей, «в Перми же, где собственно городских жителей до 3 тысяч, может быть один депутат от 50 человек, так чтобы вообще было не менее 50 депутатов» [3, об. л. 42]. Данный вариант комиссия сочла более простым, естественным и справедливым.

Таким образом, пермская комиссия предложила прогрессивную демократическую систему выборов. Из текста следует, что речь идет о прямых городских выборах. Вызывает сомнение утверждение о том, что более многочисленный «элемент» более заинтересован в общественных делах города. Комиссия предлагала четкое отделение городского общественного хозяйства от финансовых

отношений правительства и отдельных сословий. Представительное собрание избирало своего председателя, единственной функцией которого было наблюдение за порядком заседаний. Предполагалось, как минимум, ежемесячные заседания собрания, чтобы оно могло контролировать действия исполнительной власти и решать спорные вопросы городского самоуправления. Собрание могло созываться и чаще, для чего требовалось предложение не менее десяти его членов. В пределах своей компетенции оно было обязано принимать и рассматривать прошения членов городского общества. Собрание наделялось правом обращения к верховной власти для решения городских проблем. Копии своих постановлений оно было обязано присылать губернатору, который имел право в течение недели опротестовать их и даже остановить под свою личную ответственность, если найдет противозаконными. Подобные споры предлагалось решать в суде. Таковы основы отношений Представительного собрания города с местной администрацией. Решения собрания принимались большинством голосов, при чем для достижения кворума предлагалось необходимым присутствием $\frac{2}{3}$ депутатов. Собрание имело избранного или нанятого секретаря (по своему усмотрению). Заседания собрания должны были гласными (посредством печатания их материалов в журналах или путем допуска желающих граждан). Исполнительная власть вверялась, во-первых, городскому голове, который избирался общим собранием горожан и утверждался верховной властью. Городской голова, с одной стороны, был представителем исполнительной власти городского самоуправления, с другой — представлял правительство, и поэтому, по мнению авторов «Записки», служил посредником между обществом и государством. Через него правительство передавало городскому обществу свои распоряжения, и он же отвечал перед правительством за исполнение городом установленных законом повинностей. При отрицательном результате его обращений к городскому собранию, голова доносил об этом правительству и дальше действовал по его указаниям, при необходимости обращаясь к местной администрации. Городской голова был председателем исполнительного органа городского самоуправления — Распорядительной думы и членом Представительного собрания. В случае уклонения головы от выполнения своих обязанностей собрание ходатайствовало об увольнении его или предании суду верховной власти. Распорядительная дума формировалась под председательством городского головы из лиц, избранных из своей среды Представительным собранием. Численность Распорядительной думы определялась собранием в зависимости от объема предстоящей работы, но должна быть не менее двух человек. Члены Распорядительной думы были ответственны перед избравшим их собранием, которое имело право уволить их и предать суду. Городской голова контролировал действия членов Распорядительной думы и информировал собрание о замеченных нарушениях. Все прочие должностные лица назначались по мере надобности собранием из своей среды или из членов городского общества. Все перечисленные должностные лица, кроме городского головы, не подлежали утверждению верховной властью. В порядке информирования имена избранных лиц сообщались губернатору. Если он не соглашался с данным составом собрания, то имел право доложить об этом верховной власти и по ее решению распустить собрание. Новые выборы комиссия предлагала провести

в течение месяца. Таким образом, городское самоуправление ставилось под контроль местной и центральной власти. Все свои соображения комиссия считала возможным применить и к Перми. Часть этих предложений была реализована Городовым положением 1870 г.

Члены комиссии полагали, что «без соответственного преобразования, например, суда и полиции самое лучшее общественное устройство не принесет и половины той пользы, какой можно бы ожидать от него. Но правительство заявило уже об этих преобразованиях и потому можно надеяться на устранение этого затруднения» [3, л. 45].

Пятый вопрос министерства гласил: «При каких условиях городские обыватели имеют право голоса в выборах?» [3, об. л. 45]. Пермская комиссия назвала следующие условия:

1. возраст (например, 21 год);
2. гражданское полноправие;
3. «принадлежность» к городу в течение одного года.

Авторы «Записки» отметили, что «имущество не должно бы иметь здесь влияния, но при современном состоянии общества установление ценза имеет свои полезные стороны» [3, об. л. 45–46]. Таким образом, члены пермской комиссии не предлагали предоставления всеобщего и равного избирательного права при формировании органов городского самоуправления. Думается, что в условиях неграмотности 90 % населения губернии и его гражданской незрелости это признак скорее реализма, чем консерватизма. Предложение предоставить избирательное право образованным гражданам, то есть ввести образовательный ценз, в данной ситуации нельзя не расценить как прогрессивную меру. Воззрения членов комиссии красноречиво характеризует и теоретическая направленность на ликвидацию имущественного ценза, признанного несправедливым.

Отвечая на вопрос, кто может быть избран «в общественные должности», авторы «Записки» заявили: «Кто может избирать, тот может быть и выбранным во все должности» [3, об. л. 46–47]. Относительно способа определения дохода они предложили ввести собственное показание с предупреждением о наказании за предоставление неверных данных.

Выборы в органы пермского городского самоуправления авторы «Записки» предложили производить в октябре или январе под наблюдением городского головы и в присутствии прокурора; выборы предлагалось сделать тайными. Таким образом, члены комиссии предложили не всеобщие и неравные выборы при прямом и тайном голосовании. Авторы «Записки» предлагали избирать на два года членов Представительного собрания, Распорядительной думы и городского голову, а секретарей выбрать или назначить на три года; в отношении иных лиц — оставить в силе Положение 1846 г. Комиссия считала, что всем должностным лицам городского самоуправления должно быть назначено жалование. Но в силу скудности бюджетов городов (например, Перми) предлагалось в этом вопросе предоставить городским обществам полную свободу, в расчете на то, что при пробуждении сознания нужные средства будут найдены.

Завершая свою работу, комиссия, от имени всего пермского городского общества, выразила правительству признательность за стремление узнать общественное мнение в преддверии Великих реформ.

Таким образом, очевидно, что в «Записке», составленной комиссией пермского общества, отразилось пробуждение политического сознания местной интеллигенции. При этом «Записка» выдержана в корректных и уважительных к правительству тонах, конструктивна по содержанию. Авторы обнаружили искреннюю заинтересованность в успехе предполагаемой реформы городского самоуправления и сильное стремление содействовать ей. Ощутимы их патриотизм и неприятие нигилистических концепций. В то же время авторы «Записки» продемонстрировали самостоятельность суждений и гражданскую смелость. Они подвергли критике существующую систему городского управления и самоуправления, а также правительственную программу преобразований. Члены комиссии предложили и обосновали принципы и проект устройства городского самоуправления в России. Некоторые их предложения представляются явно нереальными применительно к тому времени, например, полный контроль городского общества над городской полицией. Успех реформы комиссией ставился в зависимость от соответствующего коренного, радикального изменения учреждений общей государственной администрации. Содержание «Записки» свидетельствует о том, что ее авторы стремились к гражданскому обществу и правовому государству. Будучи противниками имущественного ценза, в силу отсталости общества члены комиссии не предложили всеобщих и равных выборов в органы городского самоуправления. В их проекте имели место противоречия. Предложенная комиссией неосуществимая в данной ситуации полная ликвидация зависимости органов городского самоуправления от местной администрации сочеталась с допускаемой возможностью определенного вмешательства правительства и местной администрации в дела городского самоуправления, что в тех условиях было неизбежно. При всем этом осуществление данного проекта привело бы к большей демократизации общества, чем это предусматривалось планами правительства и Городовыми положениями 1862 и 1870 гг. Ряд предложений пермской комиссии, вероятно, разделяемых комиссиями других городов, был реализован.

Рассмотренный документ под названием «Мнение комиссии, назначенной Пермским городским обществом для составления соображений относительно преобразования городского общественного управления» имеет множество нюансов, которые нуждаются в дальнейшем исследовании. Важно сравнить мнение пермской комиссии с мнениями комиссий других городов. При этом думается, что и в данном рассмотрении «Записка» пермской комиссии представляет собой уникальный источник, дающий яркое представление о взглядах наших земляков на проблему городского самоуправления в эпоху Великих реформ.

Библиографический список

- [1] Вяликова Л. В. Городовое положение 1870 // Отечественная история. Энциклопедия в 5 т. М., 1994. Т. 1.
- [2] Джаншиев Г., А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. Изд. 9. СПб., 1905.
- [3] Мнение комиссии, назначенной Пермским городским обществом для составления соображений относительно преобразования городского общественного управления // РГИА. Ф. 733, оп. 48, д. 217, л. 23–49.
- [4] Нардова В. А. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. / Великие реформы в России. 1856–1874 гг. СПб., М., 1992.
- [5] Рабинович Я. Б. Круг Н. Г. Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России. Пермь, 1983.
- [6] Черныш М. И. Проведение городской реформы 1870 г. в Перми // Учен. зап. Пермского ун-та. 1961. Т. 17. Вып. 4.
- [7] Черныш М. И. Городское общественное управление и облик Перми в последней трети XIX в. // 250 лет Перми. Пермь, 1973.

Пермский городской Совет: от организации до взятия власти (1917 год)

Л. А. Обухов

Повсеместное создание Советов рабочих и солдатских депутатов после падения самодержавия во многом было вызвано сообщениями об организации в Петрограде наряду с Временным Комитетом Государственной Думы Петроградского Совета рабочих депутатов. Кроме того, не прошел бесследно и опыт революции 1905 г.: рабочие и лидеры социалистических партий помнили о роли, которую играли Советы. Это были общественные организации классового типа и с юридической точки зрения не являлись органами власти. Меньшевики и эсеры считали Советы органами политической организации масс. Большевики, после возвращения В. И. Ленина из эмиграции, выдвигают лозунг «Вся власть Советам» и заявляют, что «Советы рабочих депутатов есть единственно возможная форма революционного правительства» [1].

Как известно, в Перми существовало два Совета: Уральский (Пермский) Совет рабочих и солдатских депутатов и Пермский Совет рабочих и служащих (с 18 июля Совет рабочих и солдатских депутатов). Уральский Совет был окружным, т. е. объединял Советы Пермского округа¹, а Пермский Совет являлся городским. В литературе достаточно подробно освещена деятельность Уральского Совета², городской Совет был явно обделен вниманием исследователей. Это и понятно, вплоть до ноября 1917 г. городской Совет ничем особым себя не проявлял, он находился в тени окружного Совета. Можно во многом согласиться с оценкой городского Совета, которую дал большевик М. Н. Лукоянов в своем выступлении на губернском съезде Советов 16 декабря 1917 г.: «... городской Совет был как бы придатком Уральского окружного Совета и решал, главным образом, хозяйственные вопросы местного гарнизона» [40].

Лидеры социалистических партий сосредоточились на работе в Уралсовете, делегировав в городской Совет не особо известных представителей. Именно

---

¹Пермская губерния в организации Советов была разделена на два округа: Пермский и Екатеринбургский

²См. подробнее: Тертышный А. Т. Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (октябрь 1917–1918 г.). Свердловск. 1988; Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург. 1995.

окружной Совет явился ареной острой политической борьбы партий. Пермские большевики испытывали кадровую проблему, после размежевания единой организации РСДРП в конце мая, остро ощущался явный дефицит работников. В Екатеринбурге ситуация была обратной, там более активно себя проявил городской Совет рабочих и солдатских депутатов, а окружной образован только в июне 1917 г.

История Пермского городского Совета, тем не менее, представляет интерес, тем более, что он сыграл важную роль в установлении власти большевиков в городе в ноябре 1917 г.

Инициатива создания городского Совета исходила от Уралсовета. Норма представительства в Уралсовете была установлена один депутат от тысячи человек. Таким образом, мелкие предприятия с числом рабочих 20–30 человек лишались своего представительства в Уральском Совете, а именно такие предприятия преобладали в Перми. Поэтому и было решено организовать Пермский Совет рабочих депутатов с целью объединения в нем мелких предприятий, и уже городской Совет выберет своих представителей по установленной норме в Уральский Совет. Другой причиной создания городского Совета явилось то, что Уралсовет старался урегулировать недоразумения, возникавшие на крупных предприятиях, а проблемы мелких предприятий оставались без внимания. 24 марта 1917 г. состоялось собрание рабочих и служащих депутатов г. Перми. Исполком Уралсовета делегировал на собрание Я. И. Жандармова (меньшевик), который выступил с докладом. На собрании выступили представители завода Лесснера, мастерских земского союза, электростанции губернского земства, спичечной фабрики Миронова, служащих, работников типографий, портных. В принятой собранием резолюции отмечалось, что «Пермский городской Совет рабочих и служащих объединяет всех служащих и рабочих г. Перми и прилегающих районов. Во всех своих решениях Пермский городской Совет будет руководствоваться постановлениями Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов, куда и посылает своих выборных по 1 человеку от 1000, для чего мелкие предприятия г. Перми объединяются Пермским городским Советом рабочих и служащих по цехам и профессиям» [3]. Собрание высказалось за создание Рабочего клуба, создание секций по цехам и организацию центральной примирительной камеры в Перми, а на предприятиях согласительные комиссии. Был избран Оргкомитет из 12 человек, в котором значительное представительство имели меньшевики [4].

5 мая на собрании Совета выбирали делегатов на областной съезд Советов. Среди четырех делегатов избранных на съезд оказался и один большевик — М. П. Чернышев [5]. 25 мая состоялось последнее собрание старого Совета рабочих и служащих, поскольку Областной съезд высказалась за реорганизацию Советов по новой норме. Оргкомитет отчитался за проделанную работу за 2 месяца: создано 10 профсоюзов, организуются трудовые артели, примирительные камеры, в том числе Центральная примирительная камера, урегулировано около 20 конфликтов, приняли участие в избирательной кампании в городскую думу, Совет имеет представительство в 8 организациях (ВПК, КОБ, городская дума, исполком Уралсовета и др.) [6].

26 мая на собрании солдатских депутатов Пермского гарнизона был впервые поставлен вопрос об объединении Гарнизонного собрания и городского Совета рабочих и служащих в один орган. Это рекомендовала резолюция Уральского областного съезда Советов, проходившего 12–13 мая. Срочность этой реорганизации диктовалась тем, что на начало июня в Петрограде созывался Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и представительство на нем было установлено один делегат от двадцати пяти тысяч. Пермский городской Совет объединял 15 тыс. рабочих и служащих и поэтому не мог послать своего делегата. Гарнизон насчитывал до 40 тыс. человек. Объединение решало эту проблему и позволяло отправить двух делегатов. Собрание решило провести на следующий день экстренное заседание для решения вопроса о выборах делегатов [7]. На экстренном заседании 27 мая выступил председатель исполкома Уралсовета меньшевик А. А. Шнееров. Признавая важность реорганизации и образования единого Совета в городе он признал, что этот процесс займет длительное время, а пока необходимо срочно решить вопрос с посылкой делегата на Всероссийский съезд. После прений решили избрать одного делегата от солдат и одного от рабочих. От солдат большинством голосов избран М. И. Шварц, солдат 107 пехотного запасного полка, эсер [8]. 28 мая на собрании обновленного Совета рабочих и служащих состоялись выборы делегата на съезд. Представитель большевиков А. П. Спунде предложил отложить выборы, поскольку не все категории рабочих успели выбрать своих представителей. Но большинство собрания высказалось за выборы на этом заседании. Избранным оказался меньшевик А. М. Шулов (председатель Совета), большевик М. П. Чернышев (тов. председателя) получил всего 3 голоса из 26 [9].

Поскольку объединение Совета с Гарнизонным собранием затягивалось, это вынудило тов. председателя городского Совета М. П. Чернышева обратиться 13 июня в исполком Петроградского Совета с просьбой «указать выходы из создавшегося положения» и даже прислать комиссара [10].

16 июня Гарнизонное собрание рассмотрело вопрос о слиянии с местным Советом рабочих и служащих и признало слияние необходимым. Была избрана организационная комиссия, которой поручено в ближайшее время созвать первое организационное собрание [11].

24 июня состоялось совместное заседание Гарнизонного собрания с городским Советом, на котором обсуждалось положение об условиях слияния. Нормы представительства предлагалось установить для рабочих — 1 человек от 250, для военных — 2 от роты, мелкие команды должны объединиться. Состав Совета предполагался 120 солдат и 40 рабочих, т. е. подавляющее преобладание представителей гарнизона. Совет должен состоять из двух секций: солдатской и рабочей и ряда комиссий. Вопросы бытовые и экономические решаются раздельно на секциях. По общеполитическим вопросам созываются общие собрания. В Совете предлагалось представительство социалистических партий: по 2 представителя от большевиков, меньшевиков, эсеров, от военной организации эсеров и от профсоюзов, не вошедших в Совет самостоятельно. Предлагалось привлекать для работы в комиссиях «полезных работников». Исполком Совета предлагался из 22 членов, из которых 4 представители социалистических партий. Число военных в исполкоме — 13, не военных — 9. Президиум

исполкома из 6 человек. При выборах делегата на окружной съезд Советов была отклонена кандидатура А. Е. Ремейко (Тихомиров) от рабочих, поскольку он не имел соответствующего мандата, вошел в состав Совета от 170 человек, а не от 250 как положено. Рабочим предложено избрать другого человека. На собрании принято решение отменить, намеченный на 25 июня, молебен и парад войск по случаю начавшегося наступления русской армии, тем более, что это противоречило постановлению окружного Совета и Гарнизонного собрания о недопустимости манифестации [12]. Тем не менее Пермский и Мотовилихинский комитеты большевиков и Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов организовали демонстрацию 25 июня. Демонстрация, против которой высказались окружной и городской Советы, Гарнизонный комитет, комитеты меньшевиков и эсеров, спровоцировала нападение части солдат гарнизона на манифестантов, прежде всего военнослужащих украинских рот, недовольных антивоенными призывами в условиях начавшегося наступления русской армии.

Наконец 18 июля состоялось первое общее собрание Совета. На собрании присутствовали представители от 33 организаций рабочих и служащих и трех запасных полков местного гарнизона. Основным вопросом собрания было избрание исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. От рабочей секции предложен список из 6 человек с расчетом, чтобы в него вошли по 2 представителя от партийных групп меньшевиков, большевиков и эсеров. Это помимо того, что эти партии делегировали по одному представителю в состав исполкома. Таким образом искусственно насаждалась партийность, по крайней мере в руководящих советских органах. Представленный от рабочей секции список должен быть одобрен собранием. Собрание решило голосовать не за список в целом, а поименно. В результате большевик И. С. Сухобрус оказался забаллотирован. Итоги голосования дают представление о соотношении сил в Совете: меньшевики А. М. Шулов и А. А. Герасимов избраны большинством голосов при 15 и 8 воздержавшихся соответственно, эсеры И. Я. Пономарев и В. Н. Воронов тоже большинством при 4 и 11 воздержавшихся. Большевик М. П. Чернышев избран большинством голосов при 78 воздержавшихся, т. е. почти половина депутатов воздержалась. И. С. Сухобрус получил лишь 9 голосов «за», остальные против. Такие результаты голосования не устроили большевиков и М. П. Чернышев заявил, что не может работать в исполкоме при сложившейся ситуации и покинул собрание. На первом собрании по предложению М. И. Шварца скорректировали представительство от солдат в исполкоме: вместо четырех представителей от каждого полка решили ограничиться тремя, чтобы дать возможность мелким нестроевым командам иметь своего представителя в исполкоме, а два оставшиеся места предоставить кандидатам, предложенным Оргкомитетом [13, 14]. Председателем исполкома городского Совета избран А. М. Шулов, тов. председателя прапорщик И. А. Григорьев (меньшевик) и прапорщик Л. Белевич (эсер), секретарем А. А. Герасимов [15]. Большевики пользовались значительным влиянием в рабочей секции, но в солдатской преобладали эсеры, большой поддержкой пользовались меньшевики, а большевиков, первое время, не было вообще.

На следующий день состоялось первое заседание исполкома городского Совета, на котором выбирался президиум исполкома. Но поскольку не было

представителей от нестроевых команд и от рабочей курии, избрана только часть президиума временно: А. М. Шулов (председатель), И. А. Григорьев (тов. председателя), А. А. Герасимов (секретарь) и И. Я. Пономарев (казначей), т. е. полное преобладание меньшевиков. Исполком обсудил вопрос о помещении для Совета и выразил пожелание занять помещение Комитета общественной безопасности (КОБ) «дождавшись его естественной смерти» [16]. Даже умеренные социалисты признали, что КОБ, игравший столь важную роль в начале революции и который они активно поддерживали, не смог конкурировать с Советами, утратил свой авторитет, влияние и с ним уже мало кто считался.

На заседании принято предложение доложить Совету о допущении представителей большевиков в исполком, чтобы не нарушать права рабочих, посланных большевиков и права рабочей курии, избравшей их своими представителями. Рассмотрен и такой острый вопрос, как двойное представительство в Совете эсеров: два представителя от партии эсеров и два представителя от военной организации эсеров. Исполком высказался за то, чтобы либо предоставить всем партиям представительство в Совете по четыре человека, или оставить по два, тогда военная организация эсеров не имеет права посылать от себя представителей. Решили обсудить эту ситуацию на общем собрании Совета. Исполком рассмотрел вопрос, который выходил за рамки его компетенции: по внеочередному заявлению Деменева о кумышкварении в с. Елово постановили: командировать одного представителя исполкома, по два солдата от каждого полка и одного представителя от исполкома Уралсовета. Причем некоторые из выступавших предлагали даже послать роту солдат для проведения облавы, но исполком на это не пошел [16]. Вероятно, сведения о кумышкварении были получены от солдат, вернувшихся с сельхоз работ. Но этот вопрос скорее относился к полномочиям Уралсовета, т. к. Елово находилось в Осинском уезде, а в Осе были свой Совет рабочих депутатов и Гарнизонный комитет.

Только в конце июля городской Совет окончательно структурировался: исполком пополнился представителями от рабочей секции, были утверждены членами исполкома от большевиков М. П. Чернышев и И. С. Сухобрус. Эсеры попытались увеличить свое представительство в исполкоме. И. Я. Пономарев предложил увеличить представительство эсеров до двух человек, чтобы «уравновесить голоса», поскольку социал-демократы имеют в исполкоме двух представителей: один от большевиков и один от меньшевиков. Но предложение И. Я. Пономарева отклонено большинством Совета, т. к. «представительство от партийных организаций дается не для „уравновешивания“ или „перевеса“, а для представительства различных идейных течений среди демократии. „Большевики“ и „меньшевики“ не являются одной партией, а двумя резко обособленными течениями. Такого деления у эсеров нет, поэтому и представлены в исполкоме в единственном числе» [17]. 1 августа вновь избранный исполком городского Совета избрал президиум. Председателем стал И. А. Григорьев, 1-м тов. председателя А. М. Шулов, 2-м тов. председателя представитель эсеров [17].

Городской Совет оказывал помощь в решении такого важного вопроса, как обеспечение города продовольствием. 1 августа на заседании исполкома был заслушан доклад председателя городского продовольственного комитета прапорщика В. Замятина. Исполком решил назначать от воинских частей патрулей

в помощь и для контроля милиции в торговые дни под наблюдением дежурного члена исполкома. На собрании Совета 8 августа в состав городского продовольственного комитета были избраны три представителя от запасных полков и пять от профсоюзов [18, 20].

На заседании исполкома 7 августа впервые был поставлен на обсуждение вопрос о «соединении» Мотовилихинского и городского Советов рабочих и солдатских депутатов. Решено назначить день (10 августа) и обсудить этот вопрос с представителями исполкомов Мотовилихи и Уралсовета [19]. Однако обсуждение этого вопроса постоянно откладывалось, по мнению руководителей Совета были более насущные дела.

Рост антивоенных настроений не обошел и части Пермского гарнизона. Регулярно отправлялись на фронт маршевые роты, но приходившее им на смену пополнение уступало по качеству предыдущему. Солдаты стали открыто отказываться идти воевать. Так, полковой комитет 107-го полка принял постановление о нежелании идти на фронт и решил направить своего представителя прапорщика И. А. Григорьева в Казань к командующему округом для выяснения вопроса о выступлении полка на фронт. Исполком городского Совета высказался в поддержку данной поездки. Аналогичное решение принял и 162-й полк [19, 21]. В то же время, исполком Совета высказался в поддержку «Займа свободы».

Безусловно, не мог городской Совет остаться в стороне в вопросе о выборах в городское самоуправление, назначенных на 15 августа, тем более, что ряд членов исполкома входили в кандидатские списки социалистических партий. Совет призвал население города голосовать за списки социалистических партий (меньшевиков, большевиков и эсеров), не отдавая предпочтения какой-либо одной из них [20].

Бурную дискуссию на одном из заседаний Совета вызвал вопрос о проверке военнообязанных, в том числе рабочих Мотовилихинского завода. У многих солдат бытовало мнение, что часть рабочих незаконно укрывается от призыва в армию на заводах, выполняющих военные заказы. Несмотря на то, что тов. председателя Совета А. М. Шулов заявил, что проверка военнообязанных на Мотовилихинском заводе не в компетенции городского Совета, а в Уралсовете подобная комиссия имеется, и в ее состав входит и представитель исполкома городского Совета, большинство высказалось за создание комиссии по проверке военнообязанных при городском Совете. Выступавшие на собрании солдаты высказали явное недоверие деятельности комиссии при Уралсовете [20].

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов предложил Советам на местах устроить 27 и 28 августа праздник в ознаменование полугодовщины революции. Исполком Пермского городского Совета 24 августа обсудив телеграмму Петросовета поддержал предложение большевика М. П. Чернышева — ничего не устраивать впредь до выяснения положения связанного со сдачей Риги, ограничиваясь только митингами, на которых все речи должны быть посвящены печальным событиям на фронте с призывом к солдатам и рабочим напрячь все силы для ликвидации прорыва [22]. Т. е. большевик М. П. Чернышев занял позицию, близкую к революционному оборончеству.

Городской Совет участвовал в разрешении трудовых конфликтов на предприятиях города, стараясь не доводить дело до открытого противостояния. Так, в ответ на заявление союза тружеников «Иглы» о том, что милиция «чинит препятствия стачечным пикетам», Совет направил отношение в адрес начальника милиции о неправомерности подобных действий. Совет сумел разрешить конфликт на спичечной фабрике Миронова [23, 24]. В сентябре исполком пытался разрешить конфликт в компании «Зингер». Служащие компании приняли участие во Всероссийской забастовке, но когда они забастовку прекратили и выразили желание продолжать работу, часть служащих была уволена по причине того, что деятельность компании «по сложившимся обстоятельствам ликвидируется». По предложению И. С. Сухобруса для решения вопроса это дело передавалось комиссии, организованной исполкомом, в которую вошел и И. С. Сухобрус [25]. Если на небольших предприятиях Совет своими силами улаживал возникавшие конфликты, то для урегулирования ситуации на сравнительно крупных предприятиях вопрос передавался в окружной Совет, либо решался совместно с представителями округа и другими организациями. Для решения вопроса о забастовке в Алафузовских мастерских исполком городского Совета предложил Уралсовету созвать совещание из представителей окружного и городского Советов, государственного контроля, губернского комиссара, начальника гарнизона, профсоюза рабочих мастерских, доверенного Алафузовых и представителей интендантского ведомства. Столь представительное совещание было вызвано тем, что мастерские получили крупный заказ на пошив обмундирования, а рабочие потребовали 10 % прибавки к зарплате. В ответ администрация объявила о расчете и прекращении работ. Соединенное заседание различных организаций 27 августа, обсудив ситуацию, высказалось за то, чтобы правление мастерских в ближайшие дни решило вопрос и прекратило забастовку [22, 26, 27].

Резко активизировалась деятельность Советов, особенно окружного, в период борьбы с корниловщиной. Городской Совет самостоятельной роли практически не играл, полностью солидаризовавшись с позицией Уралсовета. 28 августа на митинге, организованном исполкомом городского Совета под председательством А. М. Шулова выступали, в основном, представители Уралсовета и социалистических партий. Все ораторы призывали к единству в деле борьбы с Корниловым. Но большевики в то же время заявляли, что не верят в искренность меньшевиков в их призывы к объединению, обвиняя последних вместе с эсерами в том, что «они косвенным образом способствовали развитию контрреволюции своим братанием с буржуазией». Меньшевики в ответ считали ложными заявления большевиков о стремлении к единению: «Рознь идет из рядов большевиков» [28]. Митинг, вместо того, чтобы сплотить социалистов в борьбе с Корниловым, фактически углубил раскол между меньшевиками и большевиками. Эсеры явно качнулись влево, заявив, что «спасти Россию может только социалистическое министерство без буржуазного элемента». Некоторые эсеры даже высказались в поддержку перехода власти в руки Советов [28]. Большевики стремились использовать в своих интересах противоречия между меньшевиками и эсерами, поддерживая эсеров по некоторым вопросам, создавая предпосылки для совместных выступлений в будущем.

На следующий день состоялось заседание с участием представителей окружного, городского, Мотовилихинского, Балашихинского Советов рабочих и солдатских депутатов, исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, комитетов социалистических партий, на котором обсуждалось выступление генерала Корнилова. Присутствовали также представители и командиры 107-го, 123-го и 164-го запасных полков, начальник 17-й запасной бригады, начальник гарнизона, губернский комиссар, представители профсоюзов и участкового Совета ст. Пермь II. По обсуждении вопроса представители фракций меньшевиков, большевиков и эсеров предложили свои резолюции. В результате была принята резолюция фракции эсеров с некоторыми поправками:

«... Вся революционная демократия должна объединиться в общем стремлении положить свои силы на защиту революции, действуя в полном согласии с Временным правительством и с Центральными Органами революционной демократии. Собрание находит, что вся полнота власти в Пермском округе по борьбе с контрреволюцией переходит в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в лице исполкомов, пополненных по одному представителю от полковых комитетов, железнодорожного союза, городского исполкома, исполкомов Мотовилихинского, Балашихинского Советов, городского демократического самоуправления, ЦБ профсоюзов, Мотовилихинской дружины, социалистических партий — меньшевиков, большевиков, эсеров, представителей заводских комитетов 5 районов (Мотовилихинского, Заимки, Балашихинского, городского, железнодорожного)» [26].

Позиция пермских большевиков, поддержавших резолюцию, призывавшую действовать «в полном согласии с Временным правительством», явно противоречила точке зрения В. И. Ленина, который писал:

«Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость» [29].

Из числа участников заседания был образован «Исполнительный орган» в количестве 7 человек. В его состав были избраны лидер пермских меньшевиков, председатель исполкома окружного Совета А. А. Шнееров, один из лидеров эсеров И. В. Бабушкин и большевик М. Н. Лукоянов. В «Исполнительный орган» вошел и губернский комиссар Б. А. Турчевич. Уже 30 августа был заслушан доклад о мерах, предпринятых «Исполнительным органом». В частности под охрану были взяты различные учреждения в городе, установлен контроль над телеграфом и телефоном, опечатаны оружейные склады, приняты меры по устранению некоторых представителей командного состава и т. д. [26]. В тот же день исполняющий должность начальника Пермского гарнизона издал приказ, в котором отмечалось, что в полки и управление 17-й запасной бригады демократическими организациями командуются особые комиссары.

«Главная обязанность комиссаров предупреждать и пресекать всякие контрреволюционные попытки, направленные к посягательству на свободу и завоевания революции. В деле борьбы с контрреволюцией начальствующие лица не могут предпринимать никаких решительных действий и издавать приказы без согласия и одобрения комиссаров. Выдача боевых патронов из боевых цейхгаузов может быть проводима только с разрешения комиссаров» [30].

В Пермском гарнизоне имели место попытки самочинных арестов ряда офицеров, но представители Совета постарались успокоить солдат, устранив некоторых офицеров или отправив их в командировку. Несмотря на принимаемые меры по борьбе с контрреволюцией, большевистская газета «Уральский рабочий» критически оценивала деятельность «Исполнительного органа»:

«По мере получения успокоительных телеграмм деятельность комитета с самого начала далеко не бурная все затихает и в настоящее время почти сошла на нет» [31].

Заседания исполкома городского Совета проходили достаточно регулярно. На них рассматривались самые разные вопросы городской жизни. В чем-то исполком дублировал, а порой и пытался контролировать городскую управу. Например, в сентябре исполком решил запросить управу о том, как выполнено решение о закрытии домов терпимости [32].

Одним из наиболее важных вопросов являлось снабжение города продовольственными и промышленными товарами, борьба со спекуляцией. Исполком неоднократно заслушивал председателя городской продовольственной управы В. Замятина. Так на заседании исполкома 14 сентября для борьбы со спекуляцией решено при помощи вооруженной силы устраивать облавы против спекулянтов, организовать при продовольственной управе унтер-офицерский караул при участии одного члена исполкома. Караул должен был следить за продажей хлеба и других продуктов, составлять акты в случае нарушений и передавать виновных суду [33].

О росте антивоенных настроений осенью 1917 г. свидетельствует заявление солдат 11-й рабочей роты о том, что «на фронт они не пойдут» и их должны отправить домой. На собрании, между прочим, звучали возгласы: «Дайте нам царя». Исполком поручил следственной комиссии разобраться в ситуации на месте [34].

В условиях нарастания кризиса в стране исполком городского Совета стремился установить контакты с Советами других регионов для координации действий. Так, член исполкома Ровнов в сентябре был командирован на три недели в Нижний Новгород и Москву «по делам сношений с иногородними Советами по общеполитическим и организационным вопросам текущего момента». На заседании исполкома 27 сентября рассмотрена телеграмма Выборгского Совета с просьбой поддержать обращение к ЦИК о созыве Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Исполком в принципе поддержал это обращение и решил вынести его на обсуждение общего собрания [34].

Пермь, как административный центр губернии и, соответственно, городской Совет, судя по всему, пользовались авторитетом в соседней Вятской губернии. Об этом свидетельствуют факты командирования членов исполкома в соседнюю губернию для разрешения возникавших там конфликтов. Так 7 октября исполком заслушал доклад Сухобруса и Федорова о поездке в Вятку для улаживания конфликта между командным составом и солдатами призыва 1895 и 1896 гг. 19 октября исполком заслушал доклад Федорова о поездке с командой солдат в Глазов для ликвидации возникших там беспорядков [35].

Городской Совет уделял немалое внимание культурно-просветительной работе среди солдат гарнизона и, особенно, ликвидации неграмотности. При исполкоме была создана культурно-просветительная комиссия, подобные комиссии существовали и в запасных полках. На совместных заседаниях комиссий в начале октября было принято решение об открытии школ грамоты для солдат Пермского гарнизона, причем обучение рекомендовалось сделать обязательным. Кроме того, решено просить Совет обратиться с ходатайством к начальнику гарнизона не отправлять учителей школ грамоты на фронт [36].

9 октября состоялось общее собрание городского Совета, второе после собрания в июне. Все попытки ранее созвать общее собрание оканчивались неудачей из-за отсутствия кворума. Причины подобного явления руководители Совета видели в равнодушии солдатских и рабочих масс к деятельности Совета, неверие в его возможности. И городской Совет давал к этому основания. Даже товарищ председателя исполкома меньшевик А. М. Шулов признал, что деятельность Совета «постепенно замирает» [37]. Подобное отношение было и к заседаниям исполкома, но там, как правило, кворум все же собирался. Чтобы исправить ситуацию исполком по предложению председателя И. А. Григорьева принял решение за каждое пропущенное заседание взыскивать в пользу исполкома по 5 рублей [34].

Доклад о деятельности исполкома на собрании был очень кратким, поэтому решили устроить специальное заседание для заслушивания отчета. В докладе отмечалось, что исполком потратил много сил для поиска муки для выпечки белого хлеба солдатам гарнизона. Это, что, попытка задобрить солдат и обеспечить себе поддержку? Или же результат преобладания в исполкоме представителей гарнизона? Скорее всего, последнее. Военные больше заботились о собственном благополучии, чем решали вопросы, связанные с жизнью города, а тем более страны. Это и понятно, подавляющая часть военнослужащих не являлись жителями города, в силу обстоятельств они временно казались в Перми поэтому проблемы города, его перспективы мало интересовали солдат. В докладе вновь поднят вопрос о ненормальном двойном представительстве партии эсеров в Совете и исполкоме (4 представителя: 2 от партии и 2 от военной организации), который так и не был решен, поскольку его могло решить только общее собрание Совета, а таковые не состоялись. Особенно резкой критике деятельность исполкома подверглась в выступлении большевика В. И. Решетникова, который заявил, что «исполком не имеет своей политической линии поведения, является не политическим лидером масс, а простой канцелярией». По его мнению, кроме отклика на корниловский мятеж исполком ничем себя не проявил, сосредоточив свои усилия на материальных вещах

(розыск муки, квартир, средств). В качестве примера активной деятельности Советов В. И. Решетников привел Казань, Екатеринбург и др. города. Исполком не разрешил, кардинального, с точки зрения большевиков, вопроса об объединении Мотовилихинского и Пермского Советов. «Если Пермский Совет умирает, значит виноваты в этом руководящие комитетом меньшевики и эсеры», сделал вывод В. И. Решетников [37].

Представители меньшевиков и эсеров в ответ заявили, что «линия политического поведения у исполкома есть, только она иная, чем у большевиков». Материальные вещи (мука, квартиры и пр.), по их мнению, сейчас играют огромную роль и действуют сильнее всяких резолюций [37].

Соотношение сил в городском Совете показали выборы делегатов на окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: эсеры получили 66 голосов, меньшевики — 22, большевики — 16. Соответственно на съезд избраны 29 эсеров, 9 меньшевиков и 6 большевиков. После выборов делегатов остальные вопросы повестки дня, в том числе вопрос о слиянии городского, Мотовилихинского и Балашихинского Советов, отложены на следующее заседание [37].

Партийный состав съезда, проходившего 12–16 октября, свидетельствовал о соотношении сил в Пермском округе: эсеровская фракция насчитывала 57 делегатов, меньшевики — 56, большевики — 4848. Шансов получить большинство в окружном Совете в ближайшем будущем у большевиков не было. Для этого нужно было получить поддержку большинства Советов округа и снова созвать съезд. Совершенно иная ситуация была в Екатеринбургском округе, где съезд проходит в эти же дни, там большевистская фракция насчитывала 80 человек из 110 делегатов [39]. В этой ситуации большевики, как заявил М. Н. Лукоянов на «губернском» съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 16 декабря, решили «создать из городского Совета опорный пункт» [40]. Для этого необходимо было добиться скорейшего переизбрания Совета и объединить его с большевистскими Советами Мотовилихи и завода Балашевой.

Состав городского Совета пополнялся представителями других партий, возникавших в Перми. Так, 17 октября исполком рассмотрел обращение Еврейской социал-демократической рабочей партии Поалей Цион, просивших предоставить им два места в Совете и решил допустить одного представителя партии на общие собрания Совета [41].

Наращение недовольства среди широких масс, грозившее вылиться в открытые выступления и погромы, которые имели место в ряде городов, побудил городской Совет к формированию особой роты в распоряжении исполкома и начальника милиции. 21 октября исполком, обсудив этот вопрос, решил сформировать такую роту в 300 человек во главе с офицером, «которая должна защищать интересы завоеваний революции». Роту предлагалось именовать «революционным отрядом». Командирам полков и полковым комитетам предлагалось назначить в этот отряд по 100 человек из каждого полка лучших солдат, желательно из эвакуированных георгиевских кавалеров. В дальнейшем предполагалось пополнять из этого отряда кадр милиции [42]. Но, как известно, все эти структуры, как и «Комитет по борьбе с анархией», созданный при губернском комиссаре и в ряде уездных городов, оказались малоэффективны.

26 октября в Перми были получены сообщения о захвате большевиками власти в Петрограде. На следующий день в городе создан Революционный комитет из представителей меньшевиков, большевиков и эсеров. 28 октября состоялось соединенное заседание Советов, представителей общественных организаций и всех социалистических партий и фракций, президиумов полковых комитетов. Значительным большинством голосов на заседании принята следующая резолюция:

«Петроградский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, захвативший государственную власть, являющийся представителем меньшинства российской демократии против воли Всероссийского Совета крестьянских депутатов и армейских комитетов, пытается силой установить диктатуру меньшинства, что ведет к гражданской войне, угрозе срыва Учредительного собрания. Собрание полагает, что революционной демократии не может быть навязана воля меньшинства, и им будет признана только такая власть, которая опирается на большинство революционной демократии. Важнейшей задачей на местах считает борьбу с контрреволюцией и сохранение революционного порядка. Так как коалиционное Временное правительство не отвечает требованиям революционной демократии, необходимо создание однородной демократической власти путем соглашения всех социалистических партий с центральными органами демократии и других революционных и демократических организаций. До создания центральной власти, власть на местах переходит в руки Революционного комитета, созданного из представителей всех революционных и демократических организаций. Над всеми местными губернскими правительственными учреждениями устанавливается контроль Революционного комитета.

Никакой отсрочки Учредительного Собрания. Вся власть Учредительному Собранию!» [43].

30 октября вопрос о текущем моменте был рассмотрен на собрании городского Совета. Меньшевики и эсеры выступили с осуждением большевиков и поддержали резолюцию объединенного заседания. Выступивший от большевиков В. И. Решетников назвал меньшевиков и эсеров банкротами, изменившими пролетариату и предложил резолюцию, одобрявшую захват власти большевиками. В результате резолюция большевиков получила 35 голосов, а резолюция меньшевиков и эсеров 68 [43, 44]. На собрании по требованию большевиков, которое поддержал исполком, было принято решение о переизбрании Совета в пятидневный срок. Почему эсеровское большинство пошло на переизбрание Совета? Вероятно, они были уверены в своей победе. Кроме того, усилились противоречия эсеров со второй по численности в Совете фракцией меньшевиков и они рассчитывали на их поражение. Безусловно, состав Совета уже не отражал настроений масс и перевыборы должны были поднять его авторитет и влияние. Время для перевыборов было выбрано явно неудачно: неопределенность с вопросом о власти в центре и пьяный погром 4–6 ноября в Перми.

В связи с резким обострением продовольственного вопроса и нехваткой товаров первой необходимости 7 ноября состоялось частное совещание вновь

избранного городского Совета, которое решило провести в Перми поголовный обыск для учета всех продуктов и товаров первой необходимости в ближайшие дни [45].

9 ноября состоялось организационное собрание переизбранного Совета под председательством В. И. Решетникова. Был рассмотрен протокол совещания Совета от 7 ноября. Собрание признало необходимым существование Красной Гвардии для охраны города, создание комиссии по реорганизации милиции, поскольку та не смогла предотвратить пьяного погрома, и проведение переписи продуктов. По вопросу о продовольствии и учете продуктов возникла дискуссия. Часть депутатов (большевики Шумайлов и Силантьев) выступили за проведение повальных обысков. Но меньшевики и эсеры, которых поддерживали большевики А. А. Анишев и Н. Г. Толмачев, возражали. Было принято предложение городского головы А. Е. Ширяева о проведении учета продуктов и товаров первой необходимости, но проводить не повальные обыски, а по ордерам комиссии городской управы и Революционного комитета. На собрании состоялись выборы исполкома в составе 18 человек: 10 большевиков, 7 эсеров и 1 меньшевик [46, 47].

10 ноября на заседании исполкома избрали временный президиум, поскольку не было кворума: председатель В. И. Решетников, товарищи председателя И. С. Сухобрус и Кудрицкий (эсер), секретарь М. П. Чернышев. 11 ноября удалось собрать кворум. Большевики предложили избрать президиум на началах пропорциональности, что давало фракциям меньшевиков и эсеров два места из шести, но большевики не возражали и против трех представителей. Однако эсеры заявили, что ввиду преобладания в Совете большевиков они в президиум не войдут, но в исполкоме работать не отказываются [47].

Очередное собрание городского Совета состоялось 14 ноября. Противостояние между меньшевиками и эсерами с одной стороны, и большевиками с другой проявилось уже при обсуждении вопроса о повестке дня. Меньшевики И. И. Емельянов, Д. Х. Брусин предлагали обсудить, прежде всего, вопрос о текущем моменте. Большевики А. Л. Борчанинов и Н. Г. Толмачев считали более важным вопрос о слиянии Советов. Большинством голосов принимается решение обсудить вопрос о текущем моменте. С докладом от большевиков выступил В. И. Решетников. Он заявил, что большевиков ненавидят за то, что они не шли на соглашательство, в отличие от меньшевиков и эсеров. В стране существуют две основные силы: буржуазия и большевики, а между ними «путаются, колеблются, шарахаются те, кто не имеет твердости в политике». По мнению В. И. Решетникова, «большевики дали то, что народ сильнее всего жаждет — перемирие на фронте, контроль над производством. Раздавить большевиков, значит раздавить всю революционную стихию, а такой силы нет ни у кого» [48]. Выступивший от меньшевиков Д. Х. Брусин охарактеризовал слова В. И. Решетникова о том, что «мы переживаем сейчас наиболее блестящий период русской революции» как «издевательство, стыд и срам... большевики убивая одну войну, затевают другую». И. И. Емельянов заявил, что нужна власть, опирающаяся на все слои населения и такой властью являются органы общественного самоуправления. На голосование были поставлены две резолюции: большевиков и эсеров, которых поддержали меньшевики. Эсеры

выступили за организацию министерства из всех социалистических партий, включая большевиков. Большинством в два голоса принимается резолюция большевиков о переходе власти в руки Совета. После голосования меньшевики и эсеры выступили с протестом по поводу того, что нет списка членов Совета и невозможно установить количество депутатов, а потому возможны злоупотребления при голосовании. Большинство высказалось за пересмотр принятого решения по текущему моменту на следующем собрании, мандатной комиссии закончить учет всех депутатов и выдать именные карточки для голосования. Перед закрытием собрания большевики предложили решить вопрос об объединении Советов, но меньшевики и эсеры высказались за то, чтобы отложить решение этого вопроса. Когда большевики все же настояли на своем, оказалось, что уже нет кворума [48–50].

17 ноября заседание городского Совета продолжилось. Представитель мандатной комиссии сообщил, что выдано 145 мандатов членам Совета. Со стороны большевиков последовали протесты против некоторых депутатов. Так, А. Л. Борчанинов выступил против присутствия в Совете делегатов от служащих, которые являются «контрреволюционным чиновничеством». Возникли споры о порядке работы: меньшевики и эсеры настаивали на обсуждении первым вопроса о текущем моменте, большевики считали более важным вопрос о слиянии Советов. По мнению А. Л. Борчанинова советская организация в Перми должна быть построена по типу столичной. Его поддержал В. И. Решетников, заявивший, что Мотовилихинский и Балашихинский заводы соответствуют районам Петрограда. «Слияние Советов даст силу как моральную, так и материальную» [51]. А. К. Фефилов (эсер) и А. М. Шулов (меньшевик) возражали большевикам, считая, что Мотовилихинский и Балашихинский заводы не районы Перми, а самостоятельные селения. Противники слияния полагали, что оно нужно большевикам, чтобы «перекроить Уралсовет». Они считали, что объединение Советов возможно, но без слияния, проводя совместные заседания по текущему моменту и другим важным вопросам [51]. Слияние Советов нужно было большевикам по политическим мотивам, чтобы усилить свое влияние, поскольку Мотовилихинский и Балашихинский Советы были большевистскими. Административные и экономические факторы роли не играли. Об этом свидетельствует и то, что позднее, при советской власти, попытки включить Мотовилиху в состав Перми предпринимались неоднократно, но не очень успешно. Только в 1938 г. Мотовилиха окончательно вошла в состав Перми.

При голосовании вопроса о слиянии Советов большевики получили большинство, одна часть эсеров поддержала большевиков, другая воздержалась. Только меньшевики последовательно выступили против. При обсуждении вопроса о текущем моменте и переходе власти в руки Совета, резолюция большевиков незначительным большинством в 5–6 голосов была отклонена. Страсти накалились, в зале поднялся шум. Чтобы успокоить депутатов-большевиков В. И. Решетников заявил, что на следующем совместном заседании 20 ноября, когда в состав Совета войдут представители Мотовилихинского и Балашихинского Советов решение будет иным. Бурное заседание продолжалось до трех часов ночи [51, 52].

20 ноября состоялось заседание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов, правда от Балашихинского Совета присутствовало всего два представителя и то с правом совещательного голоса «в целях ознакомления с вопросом о слиянии».

Большевик Г. И. Мясников, выступивший от имени Мотовилихинского Совета, заявил о необходимости слияния Советов и создания на их основе власти в Перми. В. И. Решетников снова привел в качестве примера Петроград и предложил избрать исполком, которому поручить взять власть в Перми. Его поддержал Н. Г. Толмачев, заявивший, что вопрос о власти требует немедленного решения, поскольку «властью мнит себя городское самоуправление». Большевикам резко возражали меньшевики. Так, В. Ф. Якубов подчеркнул, что нужно укреплять не власть Советов, а дело революции. «Мы не имеем права брать власть. В городское самоуправление выбирало все население, а в Советы только рабочие и солдаты». Его поддержал Д. Х. Брусин, отметивший, что «нет народовластия в стране, если нет уважения к местному самоуправлению. У нас нет необходимого опыта управления губернией. Фактически власть и так в руках народа». Компромиссную позицию занял представитель эсеров В. Н. Волович (в будущем левый эсер), заявивший, что губернское земство выражает интересы крестьянства, а в городе и окрестностях «пусть власть принадлежит Советам» [53].

Несмотря на протесты меньшевиков и эсеров на этом заседании состоялись выборы объединенного исполкома из 25 человек. В результате большевики получили 12 мест, эсеры — 10, меньшевики — 3. Попытка большевиков принять наказ членам исполкома не получила поддержки меньшевиков и эсеров, отказавшихся обсуждать этот вопрос, ссылаясь на позднее время [53].

23 ноября состоялось решающее заседание объединенного Пермского и Мотовилихинского Советов (представители Балашихинского Совета отсутствовали), на котором решался вопрос об организации власти. После выступления представителей фракций на голосование были поставлены две резолюции: большевиков и эсеров, которых поддержали меньшевики. Большинством 111 (по другим данным 110) против 57 принята резолюция большевиков о доверии Совнаркому и взятии власти в Перми в руки Совета. Меньшевики заявили протест, поскольку результаты голосования показали отсутствие кворума, т. к. при решении такого важного вопроса необходимо присутствие 2/3 от общего состава, т. е. 200 человек. На что председатель собрания А. Л. Борчанинов ответил, что он считает и половину всего состава кворумом и предложил перейти к следующему вопросу [54–56].

Решение городского Совета во многом носило декларативный характер, говорить о том, что Совет с 23 ноября обладал всей полнотой власти в городе, нет оснований. Продолжала свою деятельность городская Дума и управа, а также милиция, подчинявшаяся управе. Формально сохранил свою должность и губернский комиссар свергнутого Временного правительства, функционировал эсеро-меньшевицкий окружной Совет рабочих и солдатских депутатов, резко негативную позицию по отношению к захвату власти большевиками занимал губернский Совет крестьянских депутатов. Установление полновластия городского Совета затянулось до начала января 1918 г.

Библиографический список

- [1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 107.
- [2] Пролетарское знамя. 1917. 23 декабря.
- [3] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 апреля.
- [4] Пермская жизнь. 1917. 29 марта.
- [5] Пермская жизнь. 1917. 9 мая.
- [6] Пермская жизнь. 1917. 28 мая.
- [7] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 31 мая.
- [8] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июня.
- [9] Пермская жизнь. 1917. 30 мая.
- [10] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 452. Л. 18.
- [11] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 июня.
- [12] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 июля.
- [13] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 июля.
- [14] Пермская жизнь. 1917. 22 июля.
- [15] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 27 июля.
- [16] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 1 августа.
- [17] Пермская жизнь. 1917. 4 августа.
- [18] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 августа.
- [19] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 августа.
- [20] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 августа.
- [21] Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов. 1983. С. 110.
- [22] Пермская жизнь. 1917. 1 сентября.
- [23] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 1 сентября.
- [24] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 сентября.
- [25] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11.
- [26] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 сентября.
- [27] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 сентября.
- [28] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 3 сентября.
- [29] Ленин В. И. Полн. Собр. соч. Т. 34. С. 120.
- [30] 1917 год в Пермской губернии: сб. документов. — Пермь, 2007. С. 145.
- [31] Уральский рабочий. 1917. 10 сентября.
- [32] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- [33] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- [34] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- [35] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 24.
- [36] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14, 21, 24 октября.
- [37] Пермская жизнь. 1917. 12 октября.
- [38] Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17, 27, 28 октября.
- [39] Уральская жизнь. 1917. 15, 28 октября.
- [40] Пролетарское знамя. 1917. 23 декабря.
- [41] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- [42] ГАПК. Ф. р-726. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–25.

- [43] Народная воля. 1917. 2 ноября.
- [44] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 3 ноября.
- [45] Пролетарское знамя. 1917. 10 ноября.
- [46] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 12, 14 ноября.
- [47] Пролетарское знамя. 1917. 14 ноября.
- [48] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 17 ноября.
- [49] Пермская жизнь. 1917. 16 ноября.
- [50] Пролетарское знамя. 1917. 19 ноября.
- [51] Пермский вестник Временного правительства. 1917. 23 ноября.
- [52] Пермская жизнь. 1917. 19 ноября.
- [53] Пермский губернский вестник. 1917. 30 ноября.
- [54] Пермский губернский вестник. 1917. 1 декабря.
- [55] Народная воля. 1917. 25 ноября.
- [56] Пермская жизнь. 1917. 25 ноября.

Опыт городского самоуправления Перми в организации работы главных муниципальных предприятий (1905–1916 гг.)

О. В. Ярома

Изучение исторического опыта городского самоуправления несомненно будет способствовать повышению эффективности работы самоуправления на современном этапе. Особый интерес представляет в данном случае опыт городских властей в сфере организации крупных предприятий. Городские сооружения и предприятия составляли главную статью дохода городского бюджета. Наиболее крупными и значимыми из них являлись водопроводы и электростанции. Их сооружение и содержание требовали от города значительных средств.

В начале XX в. территориальный и количественный рост Перми потребовал улучшения городской инфраструктуры, что способствовало бы повышению качества городской жизни для всех слоев населения.

В 1905–1906 гг. городское управление Перми несло большие расходы, связанные со строительством общего городского водопровода, который в будущем стал одним из высокодоходных предприятий. Автором проекта был инженер Н. П. Зимин, строитель Московского водопровода и его заведующий в 1890–1893 гг. [1, с. 22] Водопроводным вопросом занималась специальная комиссия. В целях экономии она предложила ограничиться веткой из р. Светлой, что сокращало расходы на 30 %. Средства на строительство предполагалось получить путем займов — у Общества взаимного страхования и Нижегородско-Самарского земельного банка. Главным источником покрытия расходов была плата за воду и лишь потом — общие средства города [2, с. 2]. Для завершения строительства приходилось неоднократно брать займы у частных лиц [3, с. 3].

Были разработаны условия присоединения водопровода к городской сети. Интересным в данном случае является то, что город задумал осуществить строительство водопровода хозяйственным путем без отдачи концессии частным предпринимателям. Современники видели в этом новую попытку муниципализации общественных предприятий [4, с. 4]. Заведование водопроводом было возложено на электротехника Б. Ю. Гецена, в чьем ведении находилась и элек-

тростанция. Дума разработала Правила пользования водопроводом [5, с. 3].

В 1908 г. управа начала разрабатывать проект второй магистральной водопроводной трубы от р. Светлой [6, с. 170–171]. Разрешение на водопроводные ответвления получили учреждения и частные лица: полицейское управление, городская управа, домовладельцы Тупицыны, женская гимназия, земская больница [6, с. 197–199]. В дальнейшем этот список увеличился. Вторая водопроводная магистраль обошлась дороже, чем рассчитывали, на 10 %. Водопроводная комиссия обвиняла в этом техника, руководившего проведением труб [6, с. 287].

В 1910 г. в Перми было 15 водозаборных будок, 231 пожарный гидрант, 56 частных, 13 учрежденческих и индивидуальных ответвлений. Летом 1912 г. водопровод был расширен до ул. Петропавловской, Соликамской, Камышловской и Биармской [7, с. 3]. В 1912 г. продолжилось расширение водопроводной сети за счет строительства магистрали по Петропавловской и Осинской улицам [8, об. л. 147].

Недостаток воды в р. Светлой подвигнул городскую управу в 1914 г. предпринять работы на р. Егошихе. Разведка установила богатые водою места в ее верховьях. В глубоком грунте было заложено 22 скважины, построена водоносная станция, и сооружение нового водопровода началось осенью 1915 г. Благодаря мягкой зиме, работы проводились непрерывно и к концу апреля 1916 г. завершились. В начале июня была построена вторая водоносная станция [9, с. 3].

Обстановка на пермской электростанции, существующей с 1902 г., в 1906 г. начала ухудшаться [8, с. 212]. Наблюдался постоянный перерасход средств. В начале 1909 г. Б. Ю. Гецен выступил на заседании думы с подробным докладом о состоянии электростанции и об улучшении ситуации на ней [10, с. 9].

Проверял электростанцию в 1909 г. приглашенный специалист профессор Вульф, пришедший к неутешительным выводам: перегрузка, неудачное расширение, теснота и небезопасность машинного зала, сырость. ЛЭП по Сибирской и Торговой работала также с перегрузкой, но половина уличных фонарей не действовала. С помощью электричества освещался только центр города — 14 улиц. Заимка, Слободка, Разгуляй, жилища за Казанской заставой освещались керосиновыми фонарями [7, с. 3].

В 1908 г. $\text{кВ}\cdot\text{ч}$ в Перми стоил $4\frac{1}{5}$ коп. вместо $3\frac{1}{2}$ из-за перерасхода на дрова. С сентября по постановлению думы счетчики электроэнергии приобретались абонентами в собственность [6, с. 210]. В 1909 г. станция перешла на каменный уголь, что привело к снижению расходов на 70 %. Но, в целом, в указанном году электростанция принесла только убытки. Генераторы постоянного тока были в плохом состоянии, использовался некачественный уголь, большой персонал станции был недостаточно опытным. Б. Ю. Гецен уехал в отпуск и не ознакомился с докладом Вульфа. Без него было решено принять меры по реорганизации электростанции и сменить руководство [10, с. 317–320].

В 1910–1914 гг. увеличилось количество абонентов пермской электростанции, число электроламп и уличных фонарей. Всего к концу этого периода в городе было 21 тыс. ламп накаливания. Цены на электроэнергию повышались для всех, кроме школ, учреждений здравоохранения, театра, продовольственных предприятий.

В 1910 г. доходность от водопровода возросла на 30 %, от электростанции город снова получил доход. В 1911 г. картина несколько изменилась: прибыль от водопровода вся ушла на займы, а от электростанции сократилась вдвое.

В 1911 г. Пермская дума более определенно заговорила о строительстве канализации и расширении электростанции. Доходность последней должна была возрасти вдвое. От канализации ожидалось первоначально 90 000 р. дохода [11, л. 124–125].

На электростанции была частично расширена сеть проводов переменного тока, что улучшило уличное освещение [11, л. 148]. Но станция нуждалась в новом здании или перестройке старого. При мощности машин постоянного тока 600 КВт, при максимальной нагрузке 550 КВт, станция имела в резерве не более 500 КВт. К осени нагрузка возрастала до 600 КВт и приходилось гасить половину уличных фонарей [11, л. 270]. Перестройка здания стоила вдвое меньше, чем строительство нового [11, л. 271]. Станцию оставили на старом месте, на ее нужды дума разрешила заем [7, с. 3]. На самой станции теперь поддерживался образцовый порядок, благодаря новому инженеру В. Саковскому [8, л. 294]. С целью подготовки кадров для обслуживания электростанции при Екатерино-Петровском техническом училище были открыты электромеханические и строительные курсы. Дальнейшему улучшению станции помешала Первая Мировая война [7, с. 3].

Проект канализации был рассчитан на 130 тыс. чел. [12, л. 126 с об.]. Реки Пермянку и Медведку планировалось заключить в каналы и устроить дренажную систему. Эффективности работы канализации должны были способствовать благоприятные топографические условия Перми — хорошие уклоны улиц [12, л. 127–128].

Инженер А. Е. Ширяев начал нивелировку городской территории. Инженер А. Н. Кузнецов, представитель Торгово-Комиссионного АО, занимавшегося устройством и финансированием городских предприятий, получил от Пермской думы на полгода опцион на представление проекта трамвая, канализации, расширения водопровода и электростанции стоимостью 6 млн. р. либо путем концессии на 60 лет, либо с помощью займа на 49 лет [12, л. 123–124]. Проект договора с АО выработали на соединенном заседании управа и финансовая комиссия [8, об. л. 83]. Большинство гласных считало, что канализация Перми гораздо нужнее, чем трамвай [8, л. 86].

Война отодвинула осуществление задуманных пермскими властями проектов. В 1916 г. канализационные работы проводились на Сибирской, начиная от Пермской улицы к Сибирской заставе до Вознесенской. Работали местные землекопы и беженцы, но рабочих рук не хватало. От ул. Монастырской трубы были уложены еще в 1915 г. Намечено было делать боковые ответвления по ул. Екатерининской [14, с. 2]. Из-за дождей в июле работы стали еще более медленными: приходилось откачивать воду из канав и восстанавливать размыты [15, с. 3].

Задолженности потребителей за воду и электроэнергию были характерны и для прошлого столетия. Особенно они возросли в годы войны. В феврале городская управа Перми через газету просила абонентов электростанции и водопровода уплатить за декабрь 1915 г. не позднее 10 февраля, в противном

случае Технический отдел управы отсоединит должников от осветительной сети и водопроводной магистрали [16, с. 1]. В 1916 г. от масштабных работ по канализации город отказался [17, с. 3].

Таким образом, рост городского населения и территории в 1905–нач. 1917 г. поставил перед органами местного самоуправления проблему расширения водопровода и электростанции. Эксплуатировались они с переменным успехом, который зависел от субъективного фактора (персонала, заведующего станцией), работы технических отделов управ. Цены на воду и электричество в Перми соответствовали общероссийским. Проблема качества коммунальных услуг была актуальна и в начале XX в. [18, с. 3].

В плане функционирования коммунального хозяйства Пермь выгодно отличалась даже от столичных городов. Так, в годы Первой Мировой войны в Москве, несмотря на рост населения в связи с наплывом беженцев, почти не проводилось работ по усилению мощности водопроводных сооружений и, вследствие чрезмерной эксплуатации существующих, городские власти оказались перед угрозой срыва водоснабжения [19, с. 71]. В Перми же работы по расширению водопровода идут в 1914–1916 гг. постоянно, и число аварий сопоставимо с мирным временем. Обеспечение бесперебойной работы муниципальных предприятий в условиях войны городские деятели считали одной из главных своих задач. Несомненно, если бы не Первая мировая война и последовавшие за ней события, пермское коммунальное хозяйство явилось бы одним из самых динамично развивающихся в российской провинции.

Библиографический список

- [1] Григорьева И.И. История создания централизованного водоснабжения Москвы. // ЖКХ. 2004. -№ 6.
- [2] Пермские губернские ведомости. – 1905 г., № 49.
- [3] Пермские губернские ведомости. – 1906 г., № 43.
- [4] Пермские губернские ведомости. – 1906 г., № 109.
- [5] Пермские губернские ведомости. – 1906 г., № 273.
- [6] Журналы Пермской городской думы за 1908 г.
- [7] Черныш, М.М. Путешествие по Старой Перми. Вечерняя Пермь. – 1985 г., № 229.
- [8] Государственный Архив Пермского края (далее - ГАПК). Ф. 512. оп. 1. д. 444.
- [9] Пермские ведомости. – 1916 г., № 95.
- [10] Журналы Пермской городской думы за 1909 г.
- [11] ГАПК. Ф. 88. оп. 1. д. 24.
- [12] ГАПК. Ф. 512. оп. 1. д. 445.
- [13] Журналы Пермской городской думы за 1911 г.
- [14] Пермские ведомости. – 1916 г., № 139.
- [15] Пермские ведомости. – 1916 г., № 156.
- [16] Пермские ведомости. – 1916 г., № 30.
- [17] Пермские ведомости. – 1916 г., № 77.
- [18] Пермские губернские ведомости. – 1906 г., № 62.
- [19] Вяликова Л.В. Из истории Московского городского самоуправления (1912 г.- февраль 1917 г.) // Отечественная история, 1989. - № 3

Это принципиально: о некоторых вопросах подготовки к 300-летию Перми

Р. Э. Ласкаржевский

История Перми довольно солидно освещена в литературе, как научно-исторической, так и научно-популярной. Для примера можно указать многотомный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», выпущенный в начале XX века, в котором пятый том, посвященный Уралу и Приуралью, дает основные исторические сведения о Перми. Последующие издания дополняют, разжижают и расцветивают эти сведения. Тем не менее из сегодняшнего отдаления эти издания, в первую очередь книга В. С. Верхоланцева «Город Пермь, его прошлое, настоящее и будущее» (первое издание — 1913 год, переиздание — 1994 год) и В. Михайлюка «Город мой Пермь» представляют просветительский интерес и просто увлекательное чтение. Книга В. Михайлюка издана к 250-летию города и послужила как бы итогом нешуточной научной дискуссии о возрасте Перми. С одной стороны, доктор исторических наук, ректор ПГУ Ф. И. Горовой отстаивал версию отсчета истории Перми как города, с указа Екатерины II от 16 ноября 1780 года о назначении губернского города Пермского наместничества с наименованием оного Пермь. Свою версию Горовой опубликовал в 1970 году в первом выпуске «Уральского археологического ежегодника». Однако большинство пермской интеллигентской тусовки, привыкшее считать основание Перми с 1723 года, с организации Егошихинского медеплавильного завода, встретило идею Горового в штыки. Оппозиционеров возглавил Борис Назаровский, корифей пермской журналистики, друживший еще с Аркадием Гайдаром, директор Пермского книжного издательства и член обкома КПСС. Он написал статью, которая, хоть и не была опубликована тогда, но широко ходила по рукам и приклеила публикации Горового ярлык «антидокторская». Кроме статьи Назаровский написал три жалобы в горком КПСС с обоснованием идеологической вредности мнения Горового. Горком должен был подытожить дискуссию с учетом областных политических интересов. Увертюрой для подведения итогов стала специальная конференция летом 1972 года. Но Назаровский умер в марте этого года, причем, как утверждают близко знавшие его люди, не без воздействия нервоотрепки вокруг проблемы возраста Перми. Горовой после

смерти основного оппонента поступил по-джентельменски, не стал выступать на конференции, но, видимо, нервы тоже потрепал, так как сотрудники его же кафедры в Пермском госуниверситете выступили против его утверждений. По этой причине или по другим профессор Горовой скончался в июне 1973 года всего на 56-м году жизни. А горком КПСС утвердил возраст Перми в 250 лет, что и было отпраздновано в декабре 1973 года.

Казалось бы, все точки над *i* расставлены. Но в 1993 году в Перми отметили всего 212-летие. Это было в первый и последний раз. Мотивы такого «выскока» еще требуют изучения. Но сама тема возраста Перми вроде бы исчерпалась. Тем не менее в 2000-е годы наблюдается всплеск публикаций про возраст Перми, усилившийся к 290-летию. Это статья «Пермь начиналась с Гайвы...» (Вечерняя Пермь, 6 июня 2000 г.), книга П. А. Корчагина «Губернская столица Пермь» (2005-й год), статья П. Ильина «Сколько лет Перми?» (Местное время, 10 июня 2009 г.); статьи В. Ивашкевича в газете «Новый компаньон» (16 июля 2010 г.) и журнале «Аэропорт Пермь» (декабрь 2012 г.), пятый смышляевский сборник (январь 2013) и другие публикации.

Новых фактических данных они почти не прибавляют, но усиливают иной аспект обсуждения темы: «А что же считать фактом основания города?» Тысячелетие Казани обосновали нахождением соответствующих монет при раскопках. Если брать за основу наличие древних поселений на территории нынешней Перми, то ей можно начислить и 40 тысяч лет. Если брать за основу первые письменные упоминания, как в случае Москвы, или факт первых поселений, как принято в США, то начало Перми переходит, по разным источникам, на 1614–1647 годы, а возраст города — за 400 лет. Если отгалкиваться от становления Перми как торгового и транспортного центра, то рождением города надо считать строительство Егошихинского завода и возраст, соответственно, 290 лет. Ну, а если брать за основу царственное указание с первым наименованием города «Пермь», то возраст города окажется всего 233 года.

При всей приведенной разногласии в общем-то выкристаллизовывается мнение, что критерием возраста Перми должно стать становление ее как торгово-транспортного узла, которое началось с 1723 года и подчеркнуто в описании академика Георги при посещении города (тогда еще Егошихи) в 1773 году:

«Егошиха — настоящий горный городок <...> заключает в себе более 400 домов. На рынке до 100 торговых лавок <...> значение это поддерживается проходящей через завод дорогой из России в Сибирь.»

Есть еще один аспект в документах об истории города. Они сообщают разные факты об его основании и развитии, но вплоть до 1923 года не переводят их на тему юбилеев. Поэтому с подачи опытного историка и краеведа В. Ивашкевича автор пролистал подшивку губернской газеты «Звезда» за 1923 год, чтобы поискать следы празднования 200-летнего юбилея, который основательно отмечался в соседнем Екатеринбурге, тоже «родившемся» в 1723 году. И такие следы обнаружили в виде двух статей Вадима Александровича Кондакова, географа и краеведа, работавшего в Перми в 1922–30-х гг., а в 1932–47 гг. руководившего кафедрой географии в Пермском пединституте

наряду с работой в других городах. Почему-то эти статьи не упоминаются в публикациях 1970–2013 годов, хотя, например, в работе П. А. Корчагина «Дискуссионные вопросы ранней истории Перми» от 2005 года библиография насчитывает 36 наименований. А выступления Кондакова характерны обоснованностью, четкостью, краткостью и ясностью стиля.

В статье «200-летие Перми» в номере от 23 марта, Кондаков аргументированно и однозначно предлагает считать рождением Перми 1723 год:

«Официальное открытие города состоялось 16 октября 1781 года. И, конечно, вследствие этого момент возникновения, зарождения города несколько не передвинулся: Пермь выросла естественно вследствие благоприятного географического положения из завода Егошихи, построенного в 1723 году „по открытию в здешних местах медных руд“. Ведь не моментом регистрации определяется возраст, а моментом рождения.

Поскольку это так, в текущем 1923 году Пермь может и должна отметить 200 лет своего существования».

Однако никаких следов юбилейных мероприятий в дальнейших выпусках газеты нет. Явилось ли это следствием интриг соседнего Екатеринбурга, к концу года ставшего губернским городом, в то время как Пермь до 1938 года понизилась до уровня окружного центра (а в 1932–34 гг. — районного), или результатом общего подавления краеведения в СССР, сейчас сказать трудно, хотя вопрос любопытный.

Но прошедшие девяносто лет приближают нас к новому круглому юбилею, 300-летию. Хорошо бы использовать его как дополнительную возможность решить перезревшие городские проблемы: перенос зоопарка, облагораживание набережной и эспланады, устройство художественной галереи и реконструкция оперного театра, строительство нового моста через Каму и ремонт нынешнего муниципального, строительство современного аэропорта и железнодорожного вокзала, мусороперерабатывающего завода и крематория, организация политехнического музея на базе исторических зданий Мотовилихинских заводов и образцов пермских технических достижений, открытие плавательного бассейна в Кировском районе.

Дел невпроворот, пора их планировать и выполнять. Наряду со строительно-техническими проблемами необходимо поставить труднейшую задачу — приучить население города к элементарной чистоте. Это кажется невыполнимым, но, как говаривал В. Ленин «трудное не есть невозможное». Ключ в последовательности и нацеленности на многолетний труд.

Некоторые институциональные аспекты первого кино в Перми

В. В. Устюгова

Начало изучения кино в городах России положила книга В. Ватолина о синематеке в Сибири. Сегодня существуют исследования о возникновении кинематографа в Москве, Петербурге, Казани. На западе исследовательский интерес давно перенесен с изучения кино на изучение киносеанса, кинозала, публики. В настоящей статье хотелось бы коснуться некоторых институциональных аспектов появления и распространения первого кино в Перми.

Первое кино в российской провинции появилось через полгода после знаменитого показа братьев Люмьер на Бульваре Капуцинок в декабре 1895 года. В мае 1896 оно демонстрируется в летних садах Москвы и Петербурга, летом показывается на Нижегородской выставке, осенью демонстратор С. Маржецкий провозит его по городам Урала и Сибири, проделывая беспрецедентный вояж в истории кино. В Перми сеансы состоялись в доме В. Ковальского на Сибирской улице. На премьере были показаны картины Люмьера, а также российские коронационные торжества и сцены, снятые на улицах Москвы и Петербурга.

Первоначально кинематограф гостил в Перми в балаганах, музеях-паноптикумах, показывался в летних садах и цирках. Раннее кино американский историк и теоретик кино Том Ганнинг называет «кинематографом аттракционов». Публика ходила не на фильм, а на киноаппарат, кино входило в эстетику дикувинного, чудесного, небывалого, как чудеса иллюзии, люди-монстры и пр.

Первый стационарный балаган в Перми строится в 1907 году. Примечательно, что в Америке тогда начинается никель-одеоновый бум, повсеместное распространение дешевых кинотеатров, где было шумно, душно, но куда ходили все слои населения. Возможно пермский одеон получает такое название в честь американских никель-одеонов, хотя скорее всего в честь парижского «Одеона», поскольку массовая культура стремилась подражать образцам высокой культуры. Деревянный, собирающий многолюдную толпу, принимающий гастроли малороссийских артистов, пермский «Одеон», однако, вскоре сгорел. С 1908 года начинается кинематографический бум в Перми, появляется сразу три кинотеатра, в последующие годы они растут, как грибы после дождя.

Спад кинематографической предприимчивости произошел в 1910–1911 годах. Поводом для этого послужил страшный пожар, случившийся в 1911 года

на станции Бологое по Николаевской железной дороге. Пожар в деревянном иллюзионе унес около 100 человеческих жизней. В связи с этим были приняты меры к осмотру кинотеатров и закрытию наиболее пожароопасных. Председатель Совета министров П. А. Столыпин отдал распоряжение о доставлении ему подробных донесений о случившемся и производстве строжайшего расследования причин пожара.

В Перми закрываются «Модерн», «Прогресс» (также в результате пожара), «Аполло», «Иллюзион». В 1910–1912 годах в Перми постоянно действовал только один кинотеатр «Триумф». С самого начала организации электро-театров самое пристальное внимание уделяли пожарной безопасности. Передвижные иллюзионы и первые кинематографы открывались, как правило, в деревянных и малопригодных к тому помещениях складов, амбаров, магазинов. Современники очень живописно описывают в своих мемуарах, как в бывших трактирах, жилых квартирах забивали окна, снимали двери с петель, ставили деревянные скамейки, вывешивали тряпку-декорацию с изображением пирамид или знойных красавиц и начинали «крутить».

Например, пермский электро-театр «Иллюзион» по Оханской улице размещал 200 человек, имел один выход, «тем более, что лестница не шире полутора аршин и довольно крута», писала пресса [1]. Работали кинематографы с 17:00 (в будни) и 13:00 (в праздники) до 23–24:00. В дальнейшем сформировались некоторые стандарты в организации электро-театров. Дела по их открытию в ГАПК включают набор документов (прошение на имя губернатора, план постройки, направляемый в строительное отделение губернского правления, извещение казначейства, записка в полицейское управление о праве демонстрации картин и пр.). В процедуре открытия новых театров особые требования предъявлялись к безопасности их жизнедеятельности. Топка печей должна была заканчиваться не менее, чем за 2 часа до начала сеансов, на чердаке устанавливался резервуар с водой, имелись пожарный кран, вентиляция, плакаты о выходах и курении. Иными словами, «в техническом, пожарном и гигиеническом отношении все должно быть соблюдено» [2].

Электро-театры раннего типа сменились театрами «кинематографического ампира». Таковы были в Перми театр «Триумф», открывшийся первоначально в здании Инженерного товарищества, затем в специально выстроенном доме И. М. Журавлева по Покровской, театр «Аполло» по Кунгурскому проспекту, куда впоследствии по очереди переезжали «Модерн», «Мираж» и пр. Это были театры со швейцаром у входа, драпировками в зале. Появление фойе, гардероба, других удобств «для публики», как пишет Ю. Г. Цивьян, будет связано с преднамеренным ритуалом похода в кино на полнометражную драму. В фойе появляются удобные кресла для ожидания, механическая музыка или целые оркестры, пальмы и прочие элементы обстановки в стиле модерн.

Информацию о владельцах пермских иллюзионов и их социальной принадлежности позволяют воссоздать архивные источники. В основном владельцами иллюзионов были мещане или купцы, причем не обязательно коренные жители Перми. Провинция дублировала ситуацию с частновладельческим кинематографом, когда кинофабрики открывали театральные костюмеры, подрядчики, колбасники, содержатели шантанов и пр. Когда в начале 1910-х случился

кинокризис, начался отток средств и предпринимательской инициативы из кинематографического бизнеса обратно в аптечный, банный, колбасный. Владелец земельного участка, на котором размещался «Прогресс», Семен Зенков, после пожара в театре, открыл на этом месте бани.

Вместе с тем истинной причиной кризиса начала 1910-х был кризис кинематографа как технического аттракциона, который перестал удовлетворять самим фактом демонстрации на белом полотне движущихся изображений. «Киноаттракцион» превратился в кино «нарративной интеграции», научился рассказывать истории и привлекать более широкую, культурную публику.

Интересным институциональным аспектом существования кино являлась цензура. В 1900-е в России действовал запрет на картины евангельского и духовного содержания, а также на фильмы с участием членов императорской семьи. Цензурные ограничения относились не к съемкам, а к проекции этих фильмов. Цензура была озабочена семиотической пертурбацией, которую могли внести в придворную хронику фильмы, оказавшиеся по соседству. В дальнейшем владельцем кинотеатров обязывали соблюдать композиционные правила составления программ, устраивать перерывы¹.

«Парижский жанр», пикантные картины шли, судя по отзывам современников, почти без ограничений, объявлялись программы «только для взрослых». При выпуске картин «конверт с четвертным» билетом, ужин решали все дело, и чиновник «для особых поручений» лент никогда не смотрел. На местах было строже и, как вспоминал Я. Жданов, чем меньше был городишко, тем строже «начальство». Из нескольких городов их даже высылали со скандалами, в сопровождении жандармов. Об инсценировках Чехова автор замечал:

«Если картина „Предложение“ обычно не вызвала возражений, то „Не в духе“ воспринималась, как оскорбление полиции, а „Хирургия“ — как глумление над духовенством» [3].

Динамика цен составляла от 15–30 коп. в балаганные театры до 1 р. 50 коп. на «Царь Иван Васильевич Грозный (Дочь Пскова)» в исполнении Шалапина в 1915 году. В феврале 1916 года был введен налог на билеты. По истечении года со дня введения налога на все виды увеселений в России, в пермской губернской хронике констатировалось:

«По данным ведомства учреждений Императрицы Марии, военный налог не только не вызвал уменьшения посещаемости театров и кинематографов, но наоборот, за последний год, во всей империи открывалось громадное количество новых увеселительных заведений» [4].

В годы войны все первые полосы губернских газет заполнили киноафиши. В источниках и литературе фигурируют колоссальные цифры численности электро-театров по всей стране, их посещаемости, доходов частной кинопромышленности. В 1915 году в кинозалы было продано 180 миллионов билетов

¹ См. подр.: Цивьян Ю. Г. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России 1896–1930.

при численности населения в 170. Индустрия киноразвлечений была одной из самых динамично развивающихся экономик периода первой мировой войны.

Киносезонность вносила коррективы в привычный цикл жизни горожанина. «Начало века» корректировало «Лето Господне» православной жизни, размеренно и осмысленно совершавшейся в течение года. Великий пост уже мало влиял на характер и содержание кинематографических мероприятий, особенно чувствовались эти «нравственные поправки» в военные годы. Во время начала Великого поста реклама кинематографов становилась менее навязчивой, не занимала первых полос газетных изданий. Однако кинематографические сеансы не прекращались, активно функционировали все пермские кинематографы и в них демонстрировались те же сенсационные «Драмы на самолете», те же грандиозные «Мертвые хватки», те же «Львицы Парижа» и фарсы «Как обманывают жен». В последнюю строгую неделю Поста в кинотеатрах шла военная хроника и научно-образовательные картины, картины демонстрировались без музыки и наружного освещения кинотеатров.

Таким образом, «кино приходит в город». Атракционы вытесняются кинотеатрами. Частновладельческий дореволюционный кинематограф выстаивал ось «фабрика–прокатные конторы–кинотеатры», зачастую театры заключали соглашения непосредственно с киноателе, как «Мираж» с И. Ермольевым, «Триумф» с А. Ханжонковым и «Колибри» с А. Дранковым. В провинции издаются и выписываются кинематографические журналы. Утверждается современная формула киносеанса, связанная с посещением полнометражного фильма, ритуалом похода в кинематограф, правилами поведения в кинотеатре, эстетическим восприятием кино.

Библиографический список

- [1] Хроника. Электро-театры // Пермские губернские ведомости. 1908. 5 марта. № 52.
- [2] Из протокола совещания техников Строительного отделения губернского правления по прошению В.И. Москвина об открытии кинематографа в Кушвинском заводе Верхотурского уезда // ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 59. Л. 3, 19.
- [3] Жданов Я.А. По России с киноговорящими картинами // Кабинет отечественного кино ВГИК. Инф. № 26016. Там же. Л. 1-2.
- [4] Увеселения и военный налог // Пермская жизнь. 1917. 25 янв. № 336.

Опыт реализации социальной инициативы «Неизвестная Пермь» (к вопросу о развитии патриотизма и гражданственности)

В. Р. Шаяхметова, О. Ю. Обухова

В современной системе образования сложилась система организации и проведения различных мероприятий по проблемам патриотического воспитания и гражданского образования. Вместе с тем для эффективного функционирования системы патриотического воспитания в образовательных учреждениях сделано еще не все, остается ряд проблем, требующих решения.

Современная ситуация в России и в мире свидетельствует о том, что экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества и девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на общественное сознание большей части молодежи, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Все более заметна постепенная утрата российским обществом традиционного патриотического сознания, утрачено истинное значение и понимание интернационализма. Отдельные представители СМИ, общественных организаций и молодежных объединений подвергают сомнению величие подвига старшего поколения в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Присутствует реальная опасность расширения националистических идей в подростковой и молодежной среде.

Для преодоления негативных тенденций необходимо ликвидировать идеологические, социально-политические, духовно-нравственные стереотипы, мешающие сформировать соответствующие действительности оценки событий и явлений. Героические события Великой Отечественной войны, выдающиеся достижения страны в области политики, экономики, науки, культуры и спорта еще сохранили качества нравственных идеалов, что создает реальные предпосылки для разработки комплекса мероприятий по патриотическому воспитанию и гражданскому образованию подростков и молодежи.

Духовное возрождение требует формирования у подрастающего поколения таких базовых национальных ценностей, как патриотизм, социальная солидар-

ность, гражданственность, труд и творчество, непрерывное образование. Сфера патриотического и гражданского воспитания молодежи определяется как приоритетная в современной государственной молодежной политике.

Современное пространство среднего и высшего образования способно формировать у молодого поколения гражданской позиции, потребности в духовно-нравственном совершенствовании, уважения к историко-культурному наследию своего региона и России в целом. Патриотизм как чувство и действие людей, патриотизм и гражданственность как общечеловеческие ценности занимают важное место в системе образования и воспитания учреждений г. Перми.

Учителя Лицея № 4, преподаватели ПГГПУ и профсоюзная организация работников ПГГПУ предложили проект «Неизвестная Пермь», который получил финансовую поддержку краевой администрации. Главной целью проекта стала целенаправленная работа педагогического сообщества Перми по воспитанию граждан демократического государства, обладающих чувством уважения к истории своего региона, способных самоидентифицировать себя как жителей города Перми — культурно-исторического центра Прикамья.

Среди задач проекта «Неизвестная Пермь» были следующие: расширение воспитательного потенциала образовательных учреждений города Перми за счет целенаправленной патриотической и краеведческой образовательной деятельности; привлечение к процессу патриотического воспитания общественных организаций, родителей, заинтересованных представителей городского социума; расширение краеведческой деятельности по раскрытию «белых пятен» истории Перми и Пермского края усилиями школьников и студентов; создание эффективного имиджа Перми и Пермского края с последующим закреплением молодежи в данном регионе; развитие поисковых и учебно-исследовательских навыков у школьников и студентов в процессе краеведческой деятельности.

Участники проекта — учителя и преподаватели обладают высоким уровнем компетентности в соответствующих предметных областях знания и методах обучения; общей культурой, определяющей характер и стиль педагогической деятельности, влияющей на успешность предлагаемого проекта. Группа волонтеров проекта была сформирована из числа учащихся 7–8 классов Лицея № 4 и студентов ПГГПУ, многие из которых мотивированы на активную поисково-краеведческую деятельность.

В рамках данного проекта были реализованы следующие направления:

- создан сайт «Неизвестная Пермь: сайт для подростков и молодежи Перми» для расширения аудитории, информационного поля реализации проекта (представлены визуальные экскурсии по улицам города; презентации, посвященные известным деятелям Перми, без которых современный облик Перми представить невозможно, например, архитектору М. Футлику);
- проведены методические семинары для волонтеров с целью обучения навыкам поисковой и учебно-исследовательской деятельности;
- на базе кафедры философии и общественных наук ПГГПУ (зав. кафедрой, к. ф. н., доцент А. А. Краузе) проведена педагогическая студия учителей школ и преподавателей ПГГПУ в рамках Международной конференции «Компаративистский подход в образовании» по проблемам

организации современного образования с последующим изданием материалов, выступлений и статей участников в журнале «Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета»;

- организована поисковая деятельность школьников и студентов в следующих направлениях: «Имена неизвестных пермяков, оставивших свой след в истории Перми и России», «Старая и современная Пермь» (соотнесение исторического облика Перми, стоящих перед Пермским краем задач), «Уходящая натура» (фотосъемка старых, разрушающихся и утрачиваемых зданий Перми);
- проведены экскурсии («Пермская Заимка», «Сибирская улица — центр исторической Перми», «Егошихинский некрополь», «Мотовилиха — спутник Перми», «Город моторостроителей — Свердловский район» и др.), лекторий «Неизвестная Пермь» для старшеклассников и студентов. Экскурсоводом выступил доцент кафедры философии и общественных наук ПГГПУ В. А. Порозов;
- проведена краевая конференция «Неизвестная Пермь» с участием школьников, студентов, учителей и преподавателей на базе кафедры философии и общественных наук ПГГПУ. По итогам работы конференции был издан сборник «Неизвестная Пермь».

Несмотря на успешное завершение проекта в декабре 2014 года, педагоги и волонтеры намерены продолжить работу по выполнению новых направлений деятельности, а именно: проведение педагогических форумов и создание педагогических площадок на базе Лицея №4 г. и ПГГПУ для рассмотрения возможности дальнейшей апробации результатов проекта в образовательных учреждениях. Рассматривается участие группы учеников Лицея №4 совместно со студентами-историками ПГГПУ в археологической экспедиции на Рождественское городище Карагайского района летом 2015 года.

В качестве возможных результатов подобной педагогической деятельности мы ожидаем становление таких личностных характеристик школьников и студентов, как: российская гражданская идентичность, патриотизм, уважение и интерес к истории Перми и Пермского края, креативность и инновационная деятельность; готовность к сотрудничеству, способность осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и поисково-познавательную деятельность. Духовное возрождение нации невозможно без становления высоко нравственного, творческого, компетентного гражданина, принимающего судьбу своей малой Родины и страны как свою личную; гражданина, осознающего ответственность за настоящее и будущее, страны; гражданина, подготовленного к жизненному самоопределению.

Неизвестные страницы города Перми

Д. Закиров, М. Мухамедшин

Наш многонациональный город Пермь, где живут в дружбе и во взаимопонимании более 100 народностей, скоро отметит 295-летие своего основания.

Над историей города работают много историков-исследователей научных организаций, ряда кафедр высших учебных заведений, краеведы и публицисты. Появляются новые имена, до сих пор неизвестных личностей, прославивших наш город, поднявших авторитет, известность, имидж в российском и международном масштабах.

Татары, коренные жители края, по численности занимают в крае и Перми второе место после русских живут на Урале с VIII века. Велика роль татар и башкир, близкого нашему народу, в становлении и развитии города, которая сегодня недостаточно исследована историками и краеведами.

Нами проведены исторические исследования и выявлены многочисленные факты, которые до сих пор не были освещены в публикациях краеведов, касающихся предпринимательской, просветительской и благотворительной деятельности татар и башкир города Перми в XIX и начале XX века.

«На том месте, где расположена современная Пермь, в прошлом господствовали леса, в которых было в изобилии зверей и дичи, а реки были полны рыбы. Поселения человека встречались преимущественно в северо-восточной части современного города, точнее, у устья реки Чусовой, а затем в более позднюю эпоху, стала заселяться юго-западная часть города населением, пришедшим из районов Камской Булгарии.

После покорения Иваном Грозным Казани, жившие при устье реки Муллы муллинские татары-башкиры увидев силу русских, подчинились ей и платили на каждого человека одну беличью шкурку» [1].

Перейдя «в подданство под Российский скипетр» татарское население взяло на себя определенное обязательство и получило некоторые гарантии, в частности, «теми их землями повелено владеть им по прежнему», татары и башкиры получили царскую грамоту на пользование своей землей [1].

Как известно, история нашего города связана с созданием Егошихинского завода. По описанию самого основателя Г. В. Геннина, потребности в руде Его-

шихинского, и затем Мотовилихинского заводов обеспечивали Тасим Маметов из татарской деревни Кояново из своих рудников, затем его сын Исмагил Тасимов. У них была самая качественная руда. Тасим Маметов был на приеме у царя Петра I, его сын Исмагил, продолжая дело своего отца — у императрицы Екатерины II, предлагал на свои деньги создать подобие кадетского корпуса для подготовки сведущих руководителей, т. е. выделять на содержание предполагаемой школы, жертвовать по полуполушке с пуда добываемой им руды, что составляет около 2 250 руб. в год. Впоследствии на деньги Исмагила Тасимова был открыт Санкт-Петербургский горный институт [2].

Прославил наш город князь Дмитрий Петрович Максutow — хозяин Русской Америки — главный правитель Российских колоний в Америке [3].

Развивалось предпринимательство. «Фирма „Тимкин с сыновьями“», известная в Перми с 1865 года, имела магазины на Черном рынке в Перми и в Полазненском заводе. Вел торговлю суконными, шелковыми, шерстяными, бумажными товарами, ватой и пряжей. Его квартира располагалась на углу ул. Торговой и Долматовской. Двухэтажный дом с высоким каменным нижним этажом и деревянным верхним, красиво отделанным дранкой, расположенный по Торговой, 38, был построен примерно в конце XIX века.

Мануфактурный магазин Хавы Багаутдиновны Тимкиной. Торговля существовала с 1865 года. Торговала суконными, шелковыми, шерстяными, бумажными товарами, шерстью, ватой и пряжей. Есть примечание: по пятницам по случаю молитвы магазин закрыт от 11 до 1 ч. дня.

Известен купец Биктагиров Мухамед Нахибович, его фирма существовала с 1881 года, занимался торговлей свежими и сухими фруктами, бакалейными, колониальными, парфюмерными товарами, съестными припасами и табачными изделиями, парниковыми огурцами и сливочным маслом из своего имения Оханского уезда Пермской губернии. Магазины располагались в г. Перми по ул. Торговой, Красноуфимской, на углу ул. Покровской и Кунгурской [7].

Братья Агафуровы — Гумер, Абзаметдин, Абдальдин — были очень богатыми и известными в России кушцами, которые много жертвовали на благотворительность. Если в 1898 году торговый дом «Братья Агафуровы» имел оптовые склады и магазины в Екатеринбурге, Перми, на Ирбитской ярмарке, их фирмы были еще в Тюмени, Варшаве, Москве и в других городах [7].

Очень состоятельным купцом был Зиганьша Ибатуллин; торговал мануфактурными, галантерейными товарами и офицерскими вещами. Он не раз избирался членом Городской думы и состоял членом многих обществ. Кроме домов на Осинской улице, у Ибатуллина было еще здание на Покровской (Ленина), 87. Во всех его домах находили приют служители мечети и мусульманских обществ. Рядом с мечетью по Осинскому проулку стоят два двухэтажных полукаменных дома № 7 и № 9, также принадлежавших купцу Зиганьше Ибатуллину, в которых действовало мусульманское благотворительное и просветительское общество города Перми, где хозяин был председателем; при обществе имелась переплетно-футлярная учебная мастерская для детей бедных мусульман [8].

Согласно журналу Пермской городской думы за 1901 г., крестьянам Роману Денисовичу Юрпалову и Ахматсафу Гадальшину Хасанову разрешено открыть в 1901 г. постоялые дворы: первому во 2-й части г. Перми по Ирбитской (ныне

ул. А. Матросова) улице, в собственном доме и второму — по Екатерининской улице в доме Винокурова. (Основание: ГАПО. Ф. печ. изд. Инв. № 22 032. стр. 78). В том же издании за 1907 г. опубликовано, что г-ну Бикмухаметову были сданы в аренду городские торговые помещения — лавки в корпусе № 16 на Черном рынке за 900 руб. в год на 3 года при условии переделки лавки по указанию Управы собственным его счетом с тем, что все устройства, по возведении их, поступают в пользу города бесплатно [5].

Ряд интересных рекламных материалов опубликован в ежегодных справочниках по Пермской губернии. По данным генеральной проверки торговых предприятий и личных промысловых занятий, в г. Перми на Сенном рынке за 1907 г. содержат 28 предприятий, принадлежавшие татарам и башкирам.

В конце XIX и в начале XX века стали появляться богатые купцы, количество татар и башкир, проживающих в городе, выросло, при этом росло этническое самосознание народа, тяга к знанию и образованию. Усилилась потребность в образованных и грамотных национальных кадрах.

В 1901 году на деньги богатых купцов было начато, а в 1903 году закончено строительство мечети, которое велось по проекту архитектора А. И. Ожегова.

В справочной книге «Вся Пермь» за 1911 год на с. 120–122 [12] представлены промышленные и торговые предприятия г. Перми, где 65 торговых и промышленных предприятий принадлежат татарам и башкирам.

Мусульмане стали открывать свои общества и библиотеки. «Пермские губернские ведомости» в 1908 году сообщали, что «в доме Звездакова на Осинской, 10 а открыто „культурно-экономическое и благотворительное общество мусульман города Перми и уезда Джамгыяти-хайрия“. Председатель общества — Гайнуллин» [12].

Общество содействовало в решении культурных и экономических проблем среди мусульманского населения города, занимаясь также благотворительной деятельностью. Одной из своих задач общество ставило подготовку грамотных служащих из татар. Выявляли способных людей и поддерживали их в дальнейшем. Общество помогало татарам и башкирам получить хорошее образование, например, руководители общества, узнав об одаренности шакирда Хусаина Мавлютова, будущего крупного революционного деятеля, отдали его учиться в городскую русскую школу, затем в 1911 г. он был послан в казанскую русско-татарскую учительскую школу. Ежемесячно он получал от общества «Джамгыяти-хайрия» пятирублевую стипендию [6].

Среди мусульман были образованные люди и ученые, занимающиеся научными исследованиями. В 1910 году пермский имам Латфулла Байчурин издает книгу «Дэлиил икътикадия» [12]. Появляется интерес к сценической культуре, первым себя проявил в этой области Локман Аитов.

С повышением состоятельности татарских и башкирских купцов появляется интерес к знаниям, растет их самосознание появляется желание помочь своим сородичам. Инициаторами общества благотворительности всегда выступали члены городской думы — купцы Зиганша Ибатуллин, Тимкины и другие.

В домах № 7, 9 по Осинскому проулку, принадлежавшие купцу Зиганше Ибатуллину, открывается мусульманское благотворительное просветительское общество города Перми, в котором он был председателем, имелась переплетно-

футлярная учебная мастерская для детей бедных мусульман. В том же доме в 1908 году открыта мусульманская библиотека [12].

В 1909 году на втором этаже дома № 62 по Торговой улице открыто двухклассное мужское училище и бесплатные вечерние курсы для мужчин от 16 лет и старше. Угол ул. Пермская (Кирова), 74 и Оханская (Газеты «Звезда»), 21, занимала Интернациональная гимназия (частная женская гимназия Зиновьевой) [5]. В гимназии преподавали замечательные люди, наряду с начальным образованием воспитанницы получали навыки различных швейных и рукодельных работ, рисования и чистописания. Учились в гимназии дочь башкирского купца Фатиха Тимкина, дочь татарского купца Мкразия Агафурова, Рива Ширман — еврейка, Ксан Порядня — украинка, Вера Верхоланцева — дочь русского купца. Сейчас здание на углу ул. Кирова и «Газеты Звезда» занято Крайкомпрофсоюзом работников культуры и образования [5].

До революции в городе Перми было до десятка татарских школ-медресе, где обучение проходило на татарском, арабском, русском языках.

Кроме того, общественными деятелями уделяется большое внимание не только благотворительному, но и экономическому, культурному развитию, создается культурно-экономическое общество мусульман. Ниже приводится обоснование появлению такого общества, опубликованное [12]:

«Последние годы XIX века, как известно, были весьма неблагоприятны в экономическом отношении для трудящегося населения вообще, для мусульманского же в особенности. Среди последнего, благодаря слабой его приспособленности и весьма низкому уровню развития, стало распространяться нищенство. Это обстоятельство и побудило более чуткую часть мусульманского прогрессивного общества придти на помощь населению, не имеющему ни средств и ни общественной инициативы. Помощь населению, по мнению общества, должна выразиться главным образом в распространении знаний как общеобразовательных, так и профессиональных».

В силу этого инициаторы общества в 1908 году представляли на утверждение администрации устав общества, каковой и быть утвержден 7 июня 1908 г. По утверждению устава избрано правление, которое, прежде всего, взялось за организацию ремесленной учебно-показательной школы. 6 января 1909 года была, наконец, открыта по столярному делу ремесленная школа в деревне Кояново Пермского уезда, в 25 верстах от города, в помещении бывшего этапного здания, пожертвованного Пермским уездным земством под ремесленную школу Пермского мусульманского культурно-экономического и благотворительного общества, средствами и частью помощью земства:

«Особенно помощью земства дала возможность поставить дело на прочную ногу. В дальнейшем, с осени 1911 года, предполагалось ввести корзиночное ремесло, отсутствующее здесь около Перми, Это ремесло будет выгодно как для школы, так и для обучающихся. Корзиночным ремеслом, как известно, в Вятской губернии существуют целые деревни, равным образом и здесь это занятие со временем может стать особенно выгодным» [4, 12].

В списке учеников ремесленной школы и представлены два представителя из деревни Кояново, родственники известного коммерсанта и мецената нашего

времени Андрея Равелевича Кузьева, Кузьев Мулахмет, Кузьев Фасахутдин — возраст 14 лет, время поступления Мулахмета 1 октября 1910 года, год учения один, Фасахутдина 1 января 1910 год, 2 года обучения [4].

Список членов общества значительный, объединяет за 1910 год 165 человек [5]. В архивных материалах [4] представлены получаемые газеты и журналы мусульманским обществом за 1910 год. 13 наименований газет — из Турции, Китая, Петербурга, Казани, Астрахани, Оренбурга, Бахчисарая, и Пермские губернские вестн. 9 наименований журналов из Турции, Тифлиса, Парижа, Оренбурга, Уфы, Казани и Самары, Пермская Земская неделя.

Библиографический список

- [1] Аверина Н. Веселый городок Егошиха. Пермское книжное издательство, 2005, 317 с.
- [2] Рахимов Ж., Рахимов Н. Мэгьдэниче Тасимовлар. Татарстан, 1992. № 7–8, 9–10.
- [3] Рокот В. Князь Русской Америки Д. П. Максудов, М.: ЗАО «Центр-полиграф», 2007. 351 с.
- [4] Архивная справка ГОУ «Государственный архив Пермской области», фонд печатное издание. Дело 6287 лист 3–5, лист 6–9, лист 10–13, лист 14–17, лист 18–21.
- [5] Спешилова Е. Старая Пермь: дома, улицы, люди. 1723–1917. Пермь, изд. «Курсив», 1999, 580 с.
- [6] Исхаков В. А. Хусаин Мавлютов, Пермь, 1961, 36 с.
- [7] Список владельцев недвижимых имуществ г.Перми // Пермь, 1989. — с. 6–8, 42, 72, 75/ГАПО. Ф. печ. изд. № 891.
- [8] Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1912, 1913, 1914, 1915, 1916, 1917 г. Издание Пермского статистического комитета.
- [9] Архивная справка № 145 от 21.03.2008 ГОУ «Государственный архив Пермской области».
- [10] Верхние Муллы // Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии Т.1 Пермь. 1873. с.262. Историческая справка.
- [11] Закиров Д. Г. Татары и башкиры Перми (об историческом вкладе татар и башкир Перми в становление и развитие города): Историко-публицистическое и научное издание — Пермь: ОАО «ИПК Звезда», 2008 — 496 с.
- [12] Вся Пермь на 1911 г. Издание Мацкевича, Пермь: Электротипография В. А. Чердынцевой, 1911 г. 159 с.
- [13] Страницы истории земли Пермской в 2-х частях/Пермь, «Книжный мир», 1997, 334 с.
- [14] Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми / Пермь, 1995, 210 с.
- [15] Труды Пермской ученой архивной комиссии (ПУАК) Пермь, 1893.
- [16] Шумилов Е. Н. Из истории ранней русской колонизации Западного Урала в XV–XVIII веках. Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. — Пермь, 1955. — 211 с.

Духовное завещание первого выпускника Пермского университета В. В. Молодцова

Н. А. Князева

В октябре 2016 года Пермский классический университет будет отмечать свое столетие. В юбилейные дни принято вспоминать основателей вуза, первых профессоров, студентов. Я хочу рассказать о моем друге, студенте первого набора 1916 года Василии Васильевиче Молодцове.

Василий Васильевич Молодцов родился в Москве 24 апреля (по новому стилю) 1899 года. В 1901-ом семья переезжает в Феодосию, где маленький Вася становится свидетелем трагических событий 1905 года. Хотя ему было всего 6 лет, но он запомнил и еврейские погромы, организованные украинскими националистами, и восставший броненосец «Потемкин», наделавший немало шума в городе. В 1906 году семья переехала на Урал на Исовские прииски. Детство мальчика прошло в сказочно-чудесном мире уральской природы, воспетой Д. Н. Маминым-Сибиряком и П. П. Бажовым. Наверное, именно в этот период в нем проснулась искра поэтического восприятия мира.

В 1909 году Васю отправляют в реальное училище в Пермь. В годы учения он написал свои первые стихи и рассказы. В 1916 году юноша закончил училище и поступил на службу в Государственный банк. О своих коллегах Василий Васильевич будет вспоминать с большим уважением:

«Мне нравились своей солидностью, аккуратностью, постоянством многие старые банковские служащие. Это были вполне интеллигентные люди. Ко мне, юнцу, они относились с уважением. Всегда помогали в работе. Я запомнил их на всю жизнь. Представляю себе каждого: от курьера до управляющего этим солидным учреждением. В банке я нашел хорошо подобранную библиотеку с книгами по истории Перми».

В октябре 1916 года в Перми открывается университет, и Молодцов становится студентом историко-филологического факультета. Но занятия прервала революция и гражданская война. Студенты были призваны в армию Колчака.

Это произошло в декабре 1918 года. Василия Васильевича определили в артиллерию. Но в боях он так и не принял участия, так как в апреле 1919 года был возвращен в банк, готовящийся к эвакуации. Она началась в конце июня, когда Красная армия была на подступах к городу. Предстояло ехать в Барнаул. Чиновники банка вместе со своими семьями погрузились в товарные вагоны, и начались скитания по Сибири. Только весной 1920 года банк, а вместе с ним и чиновник Молодцов, вернулись в Пермь. Воспоминания об этом страшном годе, как и о других периодах жизни, Василий Васильевич передал в Государственный архив Пермского края, архив Пермского краеведческого музея и архив Пермского университета.

После гражданской войны началось восстановление разрушенного войной хозяйства. Начал вновь работать университет. Молодцов продолжает занятия. Они проходили по вечерам, а днем Василий Васильевич работал в банке до осени 1923 года. Затем он поступает учителем русского языка и литературы в финансово-экономический техникум, где работает до 1940 года. А затем переходит на ту же должность в школу № 1 поселка Нижняя Курья. В эту школу его пригласила Татьяна Петровна Кольфгауз, бывшая в то время директором. С ней Василий Васильевич учился в университете.

Мирную жизнь учителя прервала война. Поселок Нижняя Курья принял эвакуированных из Ленинграда и других советских городов. Так среди учеников Молодцова оказался будущий народный артист России Игорь Дмитриев, который через сорок лет в одном из писем к учителю написал следующее:

«Позже, уже взрослым умом, я смог понять и оценить великие усилия людей, которые учили и воспитывали нас. Я благодарен судьбе, что среди моих наставников в детские годы был прекрасный человек и педагог Василий Васильевич Молодцов. Это он открыл для меня чудесный родник русской литературы, ему первому я признался, что хочу служить искусству. Я благодарен ему за то, что все последующие годы он следил за моей работой и находил время отвечать на мои письма».

В марте 1942 года Молодцов ушел на фронт и только в феврале 1946 года снова вернулся к учительскому столу. Его назначили на должность директора школы № 19. Сначала эта школа располагалась в бараке. Потом в 1951 году Василий Васильевич добился постройки нового каменного четырехэтажного здания. Оно служит местной детворе и по сей день. Под руководством директора началось озеленение школьной площадки. Юннаты школы разбили сад, в котором выращивали разнообразные растения. Дважды школа была участницей ВДНХ в Москве. Юные садоводы получили 13 медалей за свой труд. В школе постоянно звучала музыка, работали два хора, старшеклассников и начальных классов. Ребята занимались в литературном, драматическом, библиотечном, художественном, математическом, историческом и других кружках. Педагоги вместе с учащимися вели большую природоохранную работу. Общей темой коллектива была тема «Эстетическое воспитание школьников». Каждый год проводились экскурсии и походы по родному краю, конкурсы чтецов.

В 2001 году в литературной гостиной микрорайона Судозавод решили возродить молодцовскую традицию детских конкурсов. В конкурсе приняли участие

дети школ № 1, 19, 71. Учащиеся читали стихи Пушкина, Блока, пермских поэтов и, конечно, Молодцова.

В школе № 19 в пятидесятые годы проводился ежегодный праздник «За честь школы», на котором подводились итоги года. В 1952 году школе было присвоено имя Н. В. Гоголя, а Василий Васильевич получил значок «Отличник народного образования».

Педагоги школы ежегодно принимали участие в педагогических чтениях, а самым активным участником был сам директор. Большое значение придавал Молодцов лекторской работе среди населения. Он выступал как член общества «Знание» и общества охраны природы. 15 апреля 1960 года Василию Васильевичу Молодцову было присвоено высокое звание заслуженного учителя РСФСР.

С сентября 1962 года учитель вышел на пенсию, но продолжал работать с детьми. Он вел факультативы по русскому искусству XIX века в своей родной школе и интернате № 3. Двадцать пять лет он работал в детском саде № 276. Педагог водил воспитанников на экскурсии в лес, на Каму, читал с ними стихи русских поэтов, сочинял сам стихи для ребятшек.

В последние годы своей жизни Василий Васильевич много писал. У него есть интереснейшие воспоминания о разных периодах жизни. Вот перечень некоторых из них: «В реальном училище», «Пермский университет. 1916–1925 гг.», «Пермь — фронтовой город», «Пермские зарисовки», «На Исовских приисках» и др. Благодаря этим воспоминаниям краеведа мы можем представить, какой была Пермь начала XX века. Богатейшие россыпи воспоминаний и педагогических раздумий сосредоточены в его богатейшем эпистолярном наследии. А оно обширно. Только у меня сохранилось 624 письма. В них заветы русского интеллигента будущим поколениям.

Василий Васильевич тяжело переживал то, что происходило в стране и литературе 90-х годов XX века. В одном из последних писем он вспомнил речь С. А. Венгерова «В чем очарование русской литературы XIX века?», произнесенную в октябре 1911 года на праздновании столетнего юбилея Общества любителей Российской Словесности. «Литература находится в теснейшей связи с общою духовной жизнью страны», — писал Молодцов, цитируя Венгерова. «Как же сегодня тяжело литературе и литераторам, когда страна духовно обнищала?.. Для русского читателя русская литература всегда была одной из тех святынь, в общении с которой он становился и чище, и лучше».

Умер Василий Васильевич 10 февраля 1996 года, не дожив всего трех лет до своего столетия. Юбилей педагога отмечала общественность Нижней Курьи уже без него. На здании школы № 19 была открыта доска, посвященная директору Молодцову. Игорь Дмитриев посвятил учителю гастрольи своего петербургского театра имени Акимова. Ученица и друг Молодцова Елизавета Ивановна Мельниченко создала в Нижней Курье литературную гостиную, которая продолжает просветительские традиции педагога.

Профессор пермского университета Владимир Иванович Качуровский, оценивая деятельность Василия Васильевича, назвал его пермским Сухомлинским. А мне кажется, что это не совсем правильно. Молодцов — единственный и неповторимый. Высокая духовность и свет этого удивительного человека продолжают питать тех, кто знал его.

Уникальность памятника первой в Перми Богородицкой церковно-приходской школы

Л. В. Мамаева

От истории первой в Перми церковно-приходской Богородицкой школы-памятника захватывает дух.

Благодаря празднованию 400-летия Дома Романовых в 2013 году, коллективу Православной классической гимназии, которая наследует историю Богородицкой школы, удалось восстановить статус школы как памятника, связанного с событиями 17 октября 1888 г. — чудодейственного спасения Царской Семьи Александра III на железнодорожной станции «Борки» азово-харьковского направления.

С Богородицкой школой-памятником связаны имена выдающихся пермяков и граждан Российской Империи, которые заслуженно стали Почетными попечителями этой школы:

- св. прав. Иоанна Кронштадтского,
- обер-прокурора Св. Синода Константина Петровича Победоносцева,
- Ивана Ивановича и Елизаветы Ивановны Любимовых,
- Александра Бонавентуровича Турчевича,
- Александра Дмитриевича Городцова,
- Павла Николаевича Серебренникова,
- прот. Евграфа Матвеевича Кудрявцева,
- бессменного старосты Рождество-Богородицкого храма в течение 35 лет Кондратия Андрияновича Сорокина

и еще более 150 имен пермских благотворителей значатся в архивных документах по благоустройству и строительству Дома для Богородицкой школы —

Дома, ставшего прижизненным памятником благотворительной деятельности наших земляков.

Дом для Богородицкой школы — это памятник бескорыстного труда многих людей. Именно в этом заключается уникальность Богородицкого Дома как памятника. И это единственный памятник в Перми, посвященный прижизненной благотворительной деятельности участников его строительства.

В царской России благотворительная деятельность была в почете. За выдающиеся заслуги в этой области присваивалось высокое звание *Почетного Потомственного гражданина Российской Империи*. Этого звания были удостоены и члены Рождество-Богородицкого попечительства, причастные к строительству Богородицкого Дома. Это:

- Кондратий Андрианович Сорокин и его сын Василий Кондратьевич,
- Иван Иванович Любимов,
- Петр Александрович Вологдин,
- Базанов Дементий Фомич,
- Жирнов Павел Степанович,
- Кропачев Александр Павлович,
- Насонов Василий Михайлович.

Но Богородицкий Дом есть еще одновременно памятник благотворительной деятельности и Павла Николаевича Серебренникова. Не имея больших материальных средств на пожертвования, он все богатство своей души вложил в дело строительства Богородицкого Дома. А почетные звания обошли его как-то стороной.

Тогда простые люди, прихожане храма Рождества Пресвятой Богородицы, в знак благодарности присвоили новому залу для народных чтений имя Павла Николаевича Серебренникова. Об этом свидетельствует памятный адрес, некогда украшавший этот зал.

Богородицкий Дом для всего коллектива Православной гимназии это не просто архитектурный памятник. Значимость этого *дома* для нас заключается в том, что он был построен для первой в Перми церковно-приходской школы [1]. *Дом* этот, несмотря на период забвения, равный почти столетию, хранил свою неповторимую атмосферу, вопреки неоднократным реконструкциям различных квартирантов, хранил свой уют, свою историю до нашего времени.

История строительства *дома* свидетельствует о том, что выстроен он на фундаменте милосердия и сострадания к ближним, благодаря активной деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства о бедных под председательством П. Н. Серебренникова. Само попечительство было открыто «в память вековой годовщины» Рождество-Богородицкой церкви 27 декабря 1889 года. Главной задачей попечительства было: «направить дело благотворительности на истинный путь». Попечительство призывало помогать

не «профессиональным нищим», а тем, «кто, находясь в бедственном положении, ищет работы, стыдясь в тоже время надеть на себя кошель и протянуть руку во имя Христа», поэтому *истинная христианская разумная благотворительность* представлялась совету как возможность дать бедным людям трудиться и особенно как «забота об образовании и нравственном воспитании детей бедных родителей» [2]. Теперь основной заботой приходского попечительства стало устройство школы для детей-девочек.

Как Богородицкая школа была основана на идее благотворительности, так и «дом для нее был построен только благодаря добрым и отзывчивым на чужие нужды людям» [3]. Действительно, пермяки щедро жертвовали на благое дело: кто деньгами и строительными материалами, кто земельным участком (как Кондратий Андриянович Сорокин), кто своим бескорыстным трудом (как архитектор Александр Бонавентурович Турчевич). Всего в Списке пожертвователей на постройку школы Градо-Пермского Рождество-Богородицкого Попечительства указано более ста фамилий. Следует отметить, что жертвователи были люди разного вероисповедания, например, А. Б. Турчевич был католиком.

Таким образом, *дом* для Богородицкой школы с момента своего основания стал истинным памятником *благотворительства* [4].

Но история *благотворительства* не закончилась строительством *дома*, она только начиналась. Этому *дому* суждено было стать центром благотворительной деятельности Рождества-Богородицкого попечительства, которое частным одновременным пожертвованиям предпочло постоянное и регулярное вспоможение нуждающимся в виде оказания помощи в приобретении знаний и необходимых профессиональных навыков. Для этого попечительство взяло на себя полное обеспечение учебного процесса в церковно-приходской школе, где обучение и учебные пособия были бесплатными, а особо нуждающиеся получали бесплатно завтрак, обед, ужин и необходимую одежду. Бесплатным было обучение в рукодельно-ремесленном и певческом классах.

Благотворительные идеи успешно реализовывались попечительством, ставились новые цели, для реализации которых помещение Богородицкой школы стало тесным. В 1903 году попечительство решилось на расширение здания школы. Уже в первом проекте здания архитектор А. Б. Турчевич старался учесть все предложения Рождество-Богородицкого попечительства, и здание было спроектировано таким образом, что позволяло вести учебный процесс и просветительскую деятельность одновременно, без ущерба одного другому. Просторные учебные классы были спланированы на втором этаже, а первый этаж был предусмотрен для народных просветительских чтений и благотворительных праздников: *Рождественских елок* и *Пасхальных розговин*.

В результате реконструкции под руководством А. Б. Турчевича *дом* обогатился тремя классами на первом этаже и концертным залом на втором, что позволило активизировать и расширить благотворительную деятельность Рождество-Богородицкому попечительству в *доме* Богородицкой школы.

Уже в первый год после открытия в *доме* началась богатая событиями просветительская деятельность: 27 октября — день открытия, а уже 3 ноября проводятся первые *народные чтения* [5], которые впоследствии стали проходить регулярно, а не как первоначально дважды в неделю. Народные чтения

носили религиозно-нравственный и просветительский характер и предназначались не только для взрослой аудитории, но и для детской: по Царским дням для мальчиков [6], а по Богородицким праздникам для девочек [7]. В программу народных чтений наряду с лекциями включались музыкальные номера, которые впоследствии стали отдельной концертной частью чтений. Именно на одном из таких вечеров в *доме* дебютировал Александр Дмитриевич Городцов, известный организатор народных хоров в Пермской губернии [8]. В концертной программе принимали участие музыканты — любители из Пермского музыкального кружка и профессионалы со своими учениками, церковные хоровые коллективы и народные певческие хоры. Народные чтения проводились бесплатно, спрос на них был исключительно высок. Для регулирования наполняемости аудитории организаторы чтений заблаговременно распространяли входные билеты [5].

С целью удовлетворения всех предложений лекторов — священников и преподавателей разных учебных заведений Перми — и спроса огромной аудитории в 1899 году в Богородицком *доме* было организовано Пушкинское общество содействия народному образованию [9].

В год новоселья Богородицкой школы 29 декабря организуется и проводится *благотворительная елка* с подарками и праздничным столом для «беднейших из бедных» детей [10]. К празднику готовились «всем миром»: девочки-ученицы Богородицкой школы в «дни благотворительности» мастерили своими руками подарки для гостей (шили рубашки, вязали носки и рукавицы). Материалами их обеспечивали попечительство и жертвователи, которые читали объявления о предстоящей подготовке к празднику на страницах «Пермских губернских Ведомостей», там же публиковались списки благотворителей с перечнем их даров.

29 декабря *дом* принимал гостей, которых с улицы приводили постовые, другие нуждающиеся приходили по пригласительным билетам, заранее доставленным им по указанию Рождество-Богородицкого попечительства теми же служителями порядка. Гости в рваной и грязной одежде, их переодевали в доброе благословленное платье, а уходили они в новых пальто и валенках. На празднике для гостей были приготовлены лакомства и приглашенные могли угощаться без ограничений, им даже позволялось уносить гостинцы с собой. Таких благотворительных елок в *доме* было проведено три, количество гостей превышало 250 человек. Позже Рождественские елки не проводились так пышно. Совет попечительства принял решение об организации столовой для бедных, так как, по данным «Пермских губернских Ведомостей», счел приоритетным накормить большее число голодающих вместо развлечения ограниченного количества детей [11]. Но традиция Рождественских елок продолжалась в Богородицком *доме* для учениц церковно-приходской школы и их гостей.

Великий пост в Богородицкой школе был также ознаменован «днями благотворительности» и сбором пожертвований на *Пасхальные розговины* [12]. Заметим, это был *первый опыт детской благотворительности*. В день Святого Воскресения в *доме* с восьми часов утра принимались гости и угощались различными яствами.

Молва о праздниках в пермской Богородицкой школе разлетелась далеко за пределы Пермской губернии. Согласно данным статистики в 1898 и 1899 годах

на Рождественские и Пасхальные праздники прибывали из Казани, Поволжья и прочих неурожайных мест [13].

Дом Богородицкой школы является, несомненно, памятником *благотворительства* и в этом огромная заслуга П. Н. Серебrenникова и его сторонников. Во время одного из юбилеев П. Н. Серебrenникова в приветственной речи ему скажут:

«Богородицкая школа — ваше детище. Вы часто посещаете ее, следите за здоровьем, образованием, воспитанием детей. Ваше желание, Ваше стремление дать детям образование и воспитание истинно христианское.

Забывая об образовании детей, Вы стараетесь дать сильное духовное просвещение и взрослым, для чего устраиваете в школе чтения, пение, курсы». И далее: «Эта школа <...> была единственной образцовой школой во всей Пермской губернии. Даже в путеводителях по городу экскурсантам рекомендовалось посетить ее, как достопримечательность Перми» [14].

Традиции Богородицкой школы не остались в прошлом, они возрождаются и существуют благодаря стараниям гимназистов и педагогов пермской православной классической гимназии. Усилиями учеников и их родителей, педагогов воссоздана история школы и организован школьный мемориальный музей, воспринимаемый как *дом* широких культурно-социальных контактов и творческой деятельности, как центр и сосредоточие духовного обогащения, непосредственного соприкосновения с ценностями прошлого и настоящего.

Библиографический список

- [1] ПГВ, № 93, 1888.
- [2] Краткий очерк развития деятельности Градо-Пермского Рождество-Богородицкого приходского попечительства с основания его по настоящий 1896 год (первое пятилетие) и отчет за прошлый 1895 год / Сост. П. Н. Серебrenников. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1896.
- [3] ПГВ, № 230, 29. 10. 1896.
- [4] ПГВ, № 278, 23. 12. 1899.
- [5] ПГВ, № 236, 05. 11. 1896.
- [6] ПГВ, № 253, 28. 11. 1896; ПГВ, № 255, 25. 11. 1898.
- [7] ПГВ, № 246, 17. 11. 1896; ПГВ, № 248, 14. 11. 1898.
- [8] ПГВ, № 247, 19. 11. 1896; ПГВ, № 252, 26. 11. 1896.
- [9] ПГВ, № 41, 20. 02. 1899; ПГВ, № 50, 05. 03. 1899; ПГВ, № 62, 19. 03. 1899; ПГВ, № 70, 30. 03. 1899.
- [10] ПГВ, № 277, 31. 12. 1896; ПГВ, № 264, 06. 12. 1898.
- [11] ПГВ, № 272, 16. 12. 1899.
- [12] ПГВ, № 64, 1898; ПГВ, № 68, 1898; ПГВ, № 69, 1898; ПГВ, № 74, 1898; ПГВ, № 76, 1898.
- [13] ПГВ, № 78, 10. 04. 1898; ПГВ, № 264, 06. 12. 1898; ПГВ, № 87, 25. 04. 1899.
- [14] Кашихин Л. С. Школа — памятник. «Молодая гвардия» 1993, 16 января.

Общественные музеи: история и современное состояние

В. С. Колбас

Недавнее прошлое: во всех школах, в учреждениях и на предприятиях были свои «красные» уголки или «музеи», где из вырезок из книг и журналов (чаще — из «Огонька») или политиздатовских выставок создавались экспозиции, посвященные И. В. Сталину, в более близкое к нам время — массово — В. И. Ленину, или в честь какого-либо героя-революционера, или знаменитого земляка (во множестве — в школах в честь имени, которое носила пионерская дружина или пионерский отряд).

В 1930-е годы, когда власть установила государственное регулирование в деятельности краеведов, оно приобрело производственное направление, единственно которое и приветствовалось. Поэтому стал не нужен первый на Урале литературно-театральный музей, насчитывающий более 20 тысяч экспонатов, созданный профессором Пермского государственного университета Павлом Степановичем Богословским. Часть экспонатов вернули владельцам, часть осела в других музеях и архивах, часть разошлась по рукам (у меня есть несколько книг и документов этого пропавшего музея).

В условиях политической «оттепели» 1960-х годов произошел качественный рост в краеведческом движении и в организации и деятельности общественных музеев. В шестидесятые и последующие годы стали популярны походы студентов и школьников по местам боевой и трудовой славы, а музеи — исторические, литературные, геологические и пр., и пр. — росли как грибы после дождя, хотя, конечно, заделы по их организации и сбору экспонатов были сделаны раньше, еще в предыдущее десятилетие.

Именно тогда появился краеведческий музей в Очере, созданный Александром Васильевичем Нецветаевым; музей истории Балатово в пермской школе № 102 (его создала учитель истории Анастасия Ивановна Попова); Музей истории Дзержинского (в настоящее время — Индустриального района) города Перми по инициативе старых коммунистов, ветеранов Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн Сергея Игнатьевича Носкова, Анатолия Николаевича Третьякова, который стал первым директором музея, и их единомышленников; литературный музей «Родное Прикамье», открытый в пермской школе № 109 благодаря деятельности учителя литературы Дмитрия

Архиповича Красноперова при активной поддержке писателя Евгения Андреевича Пермяка (Н. Ф. Непряхин-Виссов); музей защитников полуострова Ханко (русское название Гангут) в пермской школе № 132 (руководитель — учитель географии Надежда Владимировна Токарева); Музей истории Пермского государственного университета (директор — Александр Сергеевич Стабровский); Музей комсомола Прикамья в доме в Перми, где жил Аркадий Петрович Гайдар (Н. Ф. Голиков) (руководитель — Людмила Викторовна Масалкина).

Возникали музеи и на предприятиях областного центра — на Мотовилихинском заводе (музеем руководили Михаил Вольфович Ротфельд, Вера Анатольевна Мишланова, ныне его возглавляет Евгений Геннадьевич Ашихмин), на заводе имени Ф. Э. Дзержинского (хранитель — Нина Федоровна Ефимова), на заводе имени Я. М. Свердлова, которым долгие годы руководила Татьяна Игоревна Силина, а также в военных учебных заведениях, в частности, в Пермском военном Краснознаменном институте ракетных войск имени Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова, Пермском военном авиационно-техническом училище имени Ленинского комсомола.

И многие—многие другие.

Эти музеи стали центрами патриотического (и не только военного!) воспитания подрастающего поколения, центрами притяжения и сосредоточения краеведческих сил, местом сбора ветеранов. В музеях принимали в пионеры и в комсомольцы, в члены КПСС, здесь проводились встречи с ветеранами, сюда приводили молодых рабочих, студентов-первокурсников и учащихся школ и техникумов, привозили знаменитых гостей из других городов страны и редкие в то время иностранные делегации. Словом, общественные музеи были востребованы, и работали в них энтузиасты.

К сожалению, главная проблема общественных музеев — непрофессионализм их создателей и помощников. Начиная от сбора историко-архивных материалов, когда из общего корпуса изымались самые ценные вещи, что вело к раскассированию оставшейся часть личного фонда и нарушало единство сложившейся частной коллекции) и до их хранения (многие материалы и документы погибали от неправильного хранения и / или любительской реставрации и переплета, как это произошло, например, с библиотекой Музея истории Индустриального района: прошло более трех десятков лет, а книги там до сих пор не просохли от клея и практически погублены), и экспонирования (подлинники выставлялись в витрины, их тексты выгорали на свету, приклеачивались гвоздями или приклеивались на щелочной клей).

Самая же большая беда случилась с общественными музеями на рубеже веков, накануне и в период так называемой «перестройки». Большинство музеев просто стали обременительны новым хозяевам и владельцам. И от них отказывались. Экспозиции разрушались, собранные трудами энтузиастов документы и материалы безжалостно выбрасывались и / или расхищались. Это, например, произошло с геологической коллекцией на станции детского и юношеского туризма и экскурсий города Соликамска.

Одним из первых погиб музей истории Балатова в школе № 102 еще в бытность директором заслуженного учителя РСФСР, кавалера ордена Октябрьской революции Юрия Петровича Онянова. Экспонаты и макет Балатова просто

выбросили на чердак. Спустя годы, Ю. П. Онянов, выйдя на пенсию, начал собирать материалы и создал Музей истории народного образования Пермской области (он располагался в Перми на станции юных техников у Центрального колхозного рынка). Создатель умер — материалы, как утверждают свидетели, вывезли на свалку. Правда, часть стендов, попала в Дом учителя.

Музей «Родное Прикамье». После ухода на пенсию Дмитрия Архиповича Красноперова в музее начали проводить уроки, а чуть позже демонтировали и экспозицию (якобы на период ремонта). 109-я школа не только потеряла музей, она утратила и имя писателя Павла Петровича Бажова, присвоенного ей решением Совета Министров РСФСР.

Давно нет Музея истории комсомола Прикамья. Часть фондов перешла в Пермский областной краеведческий музей, часть — в Музей истории Индустриального района города Перми, кое-что вернули владельцам — дарителям экспонатов, многое оказалось никому не нужными.

Уничтожены музеи военных образовательных учреждений (таких как ВКИУ и ВАТУ) и многих промышленных предприятий.

Так, ликвидирован музей лесокombината «Красный Октябрь». А некогда он был по количеству экспонатов и по экспозиционной площади одним из крупнейших в Перми и Пермском крае. На территории «Красного Октября», рядом со зданием заводоуправления, где располагался Балашовский комитет РСДРП, которое в настоящее время находится в руинированном состоянии, а это памятник (!) истории местного значения, была интересная экспозиция техники: макет боевых аэросаней, часть опоры Камского моста, образцы производственного оборудования. Не знаю, что от него осталось. Попытка основателя музея Бориса Федотовича Субботина воссоздать техническую выставку около 102-й школы города Перми успехом не увенчалась. Частный музей Б. Ф. Субботина, который возник из остатков заводского музея, на государственную поддержку вряд ли может рассчитывать.

Нет больше и Музея истории завода имени Ф. Э. Дзержинского (ЗиД). Часть архивных документов попала в личный фонд кандидата исторических наук, бывшего директора архива Пермского обкома КПСС (в настоящее время — Пермский государственный архив новейшей истории) Вадима Григорьевича Светлакова. И, как говорится, слава Богу! О судьбе остальных документов и экспонатов ничего не известно.

Трудная судьба сложилась у музея истории Дзержинского района города Перми. Последние ветераны, стоявшие у его истоков, вообще собирались все выбросить на свалку. Но Бог милывал. Усилиями нового поколения краеведов музей был воссоздан, но уже как Музей истории Индустриального района (руководители — Лариса Яковлевна Шарафутдинова, Беатриса Алексеевна Колшакова, Екатерина Викторовна Шашурина, Андрей Павлович Зиновьев), большая часть документов из его фондов передана в Государственный архив Пермского края. В настоящее время состояние и статус музея истории Индустриального района города Перми не совсем понятны.

А вот экспонаты музея пермской школы № 35, открытой еще до Великой Отечественной войны, Алефтина Степановна Корниевская передала в Государственный архив Пермского края. Не худший вариант, прямо скажем.

Успешно функционирует музей в Очере. Теперь он носит имя основателя музея Александра Васильевича Нецветаева и является муниципальным.

Перебрался из-за аварийного состояния «поповского дома», где, как считается, в детстве жил искусствовед Николай Николаевич Серебренников, в новое помещение Музей истории Пермского района, в становлении которого большая заслуга Иды Шаиховны Русаковой.

Пережил реконструкцию и обновил экспозицию музей Пермнефтеоргсинтеза (руководитель — Елена Николаевна Домовитова, дочь писателя-фронтовика Николая Федоровича Домовитова).

Жив и продолжает деятельность музей истории радио (руководитель — Михаил Васильевич Левин).

Пережив в XX столетии «лихие» 90-е, российское общество начало осознавать себя частью большого исторического прошлого. На рубеже тысячелетий возрождается интерес к истории и к краеведению (кстати, в 1930-е годы первые репрессии коснулись академической истории и прокатились по краеведению).

Несмотря на позитивные процессы, общественные музеи умирают.

Так, например, странные телодвижения отмечены вокруг Музея истории пермского моторостроения ОАО «Пермский моторный завод» и Музея истории Пермского государственного университета (ПГУ).

Но возникает вопрос: нужны ли общественные музеи в наше время? Ответ, по моему мнению, должен быть однозначный: нужны. Они могут стать (и исторический опыт об этом свидетельствует) консолидирующими центрами современного российского общества (пусть даже на региональном, местном уровне). Но я против того, чтобы они превращались в хранилища непонятно кем и зачем собранных вещей. Главное же, как мне представляется, заключается в другом: пока руководители предприятий, учреждений и организаций, равно как и руководители музеев не будут нести персональной ответственности за сами музеи и хранимые в них ценности, документы и экспонаты, даже вновь созданные общественные музеи не избежат грустной участи своих предшественников.

Но хочется верить в лучшее.

О проблеме создания Литературного музея в Перми

М. В. Левин

Надо сказать, что наши «властители умов» никуда не пропали. Они есть. Их даже стало больше, чем ранее, в конце прошлого века. Прозаики растут как грибы, опережая поэтов. Издаются даже в Москве. Другое дело, что мы их теперь просто не знаем, не видим. Литературной критики практически нет. Книги издаются малыми тиражами. Бюро пропаганды при писательской организации прекратило свою работу. Никаких литературных вечеров, при наличии у писателей своего зала, не проводится. Правда, иногда издается у писателей своя газета, да альманах «Литературная Пермь» ежегодно выходит. Но — опять малые тиражи.

Так что писатели есть. А самое главное — они *были*. Вот про тех, кто *были*, мы уже почти забыли. Ладно, про Виктора Астафьева нам напоминают ежегодные малые Астафьевские чтения, которые вот уже более десяти лет проводят в Чусовом. Есть там и дом-музей Астафьевых. Есть и литературный музей.

Повезло и Василию Каменскому. Его мемориальный музей в Троице работает надежно. Да в Березниках стоит на улице в полный рост Алексей Решетов, с которым можно рядом постоять и даже похлопать его по плечу. Есть в Перми на доме, где жил Лев Правдин, мемориальная доска. Правда, ее теперь плохо видно из-за приделанной лестницы. Есть в Перми на доме, где жил Виктор Астафьев, мемориальная доска. Но и она потерялась в рекламных изысках.

Литературная жизнь Перми требует своего отображения. В 20–30-е годы прошлого века на базе педагогического института существовал в круглом зале литературно-театральный музей, который создал профессор Павел Степанович Богословский. Там было экспонатов до 18 тысяч экземпляров. Но — уехал Богословский, была война — и куда-то все пропало.

В 1961 году Римская, тогда директор издательства, выходила с предложением о создании литературного музея. Был даже создан оргкомитет. Но... увя. Не получился музей. Правда, при издательстве в коридоре выставлялись экземпляры книг, изданных этим пермским книжным издательством. Но исчезло издательство и книги куда-то пропали. Говорят, лежат в запасниках краеведческого музея.

Был в пермской школе № 109 (Индустриальный район) созданный краеведом Красноперовым музей литературы. Но, как всегда, не стало человека — не стало и музея.

Был в начале двухтысячных литературный отдел при краеведческом государственном музее. Но недолго жила экспозиция на Сибирской. Года три. Отдела нет. Правда, около двадцати тысяч предметов, которые могли бы стать основой литературного музея, хранятся в запасниках, но — нет помещения. Вот ведь какая беда. В огромном городе не могут найти помещение под литературный музей. Или не хотят.

Лет десять назад, еще когда секретарствовала в Союзе писателей Татьяна Соколова, я лично набрал пятьдесят экземпляров книг, выпущенных Пермским книжным издательством в разные годы двадцатого века, и привез их в Союз. Отдал и сказал, что это им для создания музея пермской литературы. И пообещал, что потом еще привезу, поскольку у меня богатая коллекция пермских книг. Но потом я не привез, поскольку благое дело сразу же было изувечено. Откуда-то натащили всякой беллетристики (кому что дома не нужно) и завалили всю комнату и даже зал этими разными книжками. Увы, литературного музея пермской книги опять не получилось.

Да и не получится, поскольку такие дела на одном энтузиазме не делаются. Только государственный подход может дать результат. Только официальный статус. Иного не дано.

А значит надо писать, говорить, вносить, убеждать. . . Кто будет это делать? Одна Наталья Леонидовна Нохрина, работница музея, не сможет. И первыми должны быть сами писатели.

Историческое пространство города — Экология духа пермяков

Т. А. Дорош

Исторический форум в Перми — большое событие. Оглядываясь назад, можно сказать, что в летопись города за 20 лет несколько примечательных событий вписал и Пермский благотворительный фонд имени доктора Федора Граля.

Два слова об этой общественной организации. Это было небольшое общество людей, пытавшихся делать хорошее дело. В результате в Перми появился памятник доктору Гралю, который 40 лет лечил жителей в начале XIX века, оставил по себе совсем особую память, как о человеке, который показал пример служения людям. Проект памятника был народным, и через семь лет в День города памятник был открыт, стал символом Добра, Милосердия, Любви к ближнему. С помощью добровольцев Фонда также были восстановлены 240 памятников на Егошихинском кладбище. В память о замечательных просветительницах сестрах Циммерман, так незаслуженно забытых, появился памятник на Егошихинском кладбище. О сестрах есть рассказ в книге В. Гладышева «Чехов и Пермь». Открыты мемориальные доски в честь А. П. Чехова (на здании быв. Дворянского собрания) и в честь сестер Циммерман (на здании быв. гимназии, ныне фармучилища). Фондом немало сделано для увековечения незаслуженно забытых исторических деятелей, таких, как начальник горных заводов С. А. Стрельман, соратник Н. Г. Славянова, и генерал В. О. Капель (он был женат на дочери Стрельмана). В 2009 году фондом вместе с Военно-историческим клубом и краеведами Перми на грант администрации Перми создан памятник участникам Первой Мировой и Гражданской войн. В 2012 году фонд имени Граля принимал участие в организации акций «Общая память» и в честь 200-летия Отечественной войны 1812 года. Наконец, в 2012–2013 гг. в Перми проведены Гралевские чтения, есть надежда, что такие чтения будут регулярными и в Пермском институте повышения квалификации работников здравоохранения. Вот так работает сегодня имя Граля, «святого доктора».

Несколько слов об историческом пространстве нашего города. В городе многие улицы названы именами организаторов и непосредственных участников массового террора. Мы прошли сложный исторический путь. С учетом новых знаний, документов, ранее недоступных, сейчас люди оценивают по-другому

некоторые исторические события, и, возможно, поэтому, ради мирного будущего в повестку дня встала проблема изменения названий ряда городских улиц. Спешка здесь не нужна, нужно обсудить проблему (хотя разговоры ведутся об этом очень давно!), рассказать всю правду людям. Только в одном случае, мы считаем, с улицей и остановкой, которые до сих пор носят имя Розалии Землячки, — дело срочное.

Что собой представляет эта революционерка, широко известно. Вот что пишет о об этом Уральская историческая энциклопедия:

«Р. С. Землячка (Залкинд), 1876–1947):

... В годы гражд. войны — начальник политотд. 8-й и 13-й арм. С нояб. 1920 секретарь Крымского ОК РКП(б), вместе с Б. Куном осуществляла массовые репрессии по отношению к добровольно (при официальном обещании свободы) сдавшимся в плен белым офицерам, солдатам, а также их семьям, мирному нас., в результате к-рых погибло несколько десятков тыс. чел. В 20–30-е — на парт. и сов. работе, в т. ч. в должности секр. Мотовилихинского РК ВКП(б) (1926–27). В 1939–43 — чл. ЦК ВКП(б), зам. предс. СНК СССР, в дальнейшем зам. предс. КПК при ЦК ВКП(б). Делегат XI–XVIII съездов партии. Деп. ВС СССР 1–2-го созывов. Награждена 2 орд. Ленина и орд. Кр. Зн» [1].

В последние годы опубликованы мемуары, в том числе и видных революционеров, партийных деятелей. Например:

1. Мирсаид Султан-Галиев. Избранные труды. Казань: Издательство «Гасыр». Приложение к журналу «Гасырлар авазы — Эхо веков». 1998.
2. Ланда Р. Г. Мирсаид Султан-Галиев. Вопросы истории. — 1999. № 8. — с. 53–70.

Образ «железной» Землячки встает с этих страниц, прямо скажем, отталкивающий. Много говорить на эту тему не буду. Об этом были и публикации в прессе, и опросы жителей. [2] Появляются и документы о «славной» деятельности Р. С. Землячки на Урале. [3]

Отвечу на вопрос: «где же эти новые документы, разоблачающие Землячку»? Было бы желание, а найти документы не так уж и сложно. Вот только некоторые из них (список далеко не полный, в интернете публикаций гораздо больше):

1. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. докторов ист. наук Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. — М.: Терра-Книжный клуб, 2004. — 512 с.
2. Раздел 2. В Крыму // Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл. и комм. д. и. н. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2009. — С. 173–236. — 448 с. — (Белая Россия). — 3000 экз.

3. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 гг. / Ред. В. В. Крестьянников. — Севастополь, 2005. — 294 с.
4. Сапожников А. Л. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков // Крымский архив : журнал. — 2001. — № 7. — С. 200–231.

Появились исследования, проливающие свет на кровавые события гражданского противостояния:

1. Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 гг. — Киев: МАУП, 2005. — 480 с.
2. Бобков А. А. Красный террор в Крыму. 1920–1921 годы // Белая Россия: опыт исторической регроспекции. Мат-лы межд. науч. конф. в Севастополе / Отв. ред. А. В. Терещук. — СПб.: Посев, 2002.
3. Быкова Т. Б. Красный террор в Крыму // Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст.: Історичні нариси / Отв. ред. В. А. Смолий; НАН України; Інститут історії України. — Киев: Наукова думка, 2002. — С. 191–206.
4. Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. — СПб.: СПб ВМИ, 2004. — 282 с.
5. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. — Симферополь: Антиква, 2008. — 728 с.
6. Ишин А. В. Трагические страницы «третьего большевизма». Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо» (10 декабря 2012).
7. Мельгунов С. П. Красный террор в России. — 2-е изд. — New York: Brandy, 1979. — 204 с.
8. Панова А. В. Расправа матросов Черноморского флота над офицерским составом // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: журнал. — 2010. — Т. 126.
9. Соколов Д. В. Карающая рука пролетариата. Деятельность органов ЧК в Крыму в 1920–1921 гг. // Белая гвардия: альманах / Гл. ред. В. Ж. Цветков. — М.: Посев, 2008. — Т. 10. — С. 244–247.
10. Соколов Д. В. Крым большевистский. Год 1919-й. Сайт «Белое дело»
11. Соколов Д. В. Очерки по истории политических репрессий в Крыму (1917–1941 гг.): сб. ст. — Севастополь: Телескоп, 2009. — 59 с.
12. Соколов Д. В. Ревкомы Крыма как средство осуществления политики массового террора // Белая гвардия: альманах / Гл. ред. В. Ж. Цветков. — М.: Посев, 2008. — Т. 10. — С. 242–244.

Назовем произведения художественной литературы, посвященные этим событиям (и это далеко не все):

1. Сергеев-Ценский С. Н. Линия убийцы.
2. Вересаев В. В. В тушике.
3. Малышкин А. Г. Севастополь.
4. Сельвинский И. Л. О, юность моя!
5. Домбровский А. И. Красная Таврида.
6. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ.
7. Шмелев И. С. Солнце мёртвых.
8. Стихи Демьяна Бедного, Максимилиана Волошина.
9. Аун Ранд Мы живые.

В Москве и других городах улицы, носившие имя Р. Землячки, давно переименованы. Почему Пермь — исключение? Нельзя, чтобы каждый день миллион раз звучало имя Розалии Землячки, это сводит на нет духовную экологию нашего города.

Для остановки жителями предлагается название «Аэродромная». Название историческое, так как на этом месте был аэродром местных линий.

Библиографический список

- [1] Уральская историческая энциклопедия. — УрОРАН, Институт истории и археологии. Екатеринбург: Академкнига. Гл. Ред. В. В. Алексеев. 2000.
- [2] Открытое письмо главе г. Перми «Имя на карте города». (М. Н. Степанов, А. В. Жохов, В. Гладышев, протоиерей Алексей Марченко и др. — Православная Пермь, №6-2006.
- [3] Заявление Уполномоченному окротдела ГПУ... — ГАНИ ф. 1109 оп. 1. д. 95.

Тайны пермского речного танка

М. Л. Гриф

Как известно, у нас в Перми (с 1940 по 1957 гг. — г. Молотов) в годы Великой Отечественной Войны выпускалась самая разная продукция оборонного назначения. Это и артиллерийские орудия Мотовилихи, и авиационные моторы завода им. Сталина, и транспортно-десантные аэросани комбината «Красный Октябрь», и полевые телефонные аппараты завода № 629 (сейчас ОАО «Телта»), и взрыватели к различным боеприпасам и сами боеприпасы завода им. Дзержинского и патефонного завода № 260, эвакуированного в наш город из Владимира. На предприятиях химической промышленности изготавливали сырье для производства взрывчатки, зажигательных смесей и порохов. На заводе № 98 им. С. М. Кирова производились заряды твердого топлива для реактивных снарядов знаменитых «Катюш». Молотовские железнодорожники отправили на фронт несколько бронепоездов собственной постройки. Даже стрелковое оружие и боевые самолеты у нас делали. Эвакуированный в г. Молотов артиллерийский НИИ-13 Народного комиссариата вооружения разрабатывал новые образцы оружия, а бакинститут отправлял на фронт и в госпитали противотифозную сыворотку. Вполне вероятно, что там велись работы не только по оборонительным, но и по наступательным средствам бактериологической войны. . . Реальную историю всех этих предприятий и учреждений еще предстоит написать нынешнему и будущим поколениям историков и краеведов.

Сейчас же мы обратимся к истории еще одного предприятия, расположенного в нашем городе, и внесшего заметный вклад в создание арсенала Победы. В настоящее время оно в том виде, в котором работало при Советской власти, больше не существует, поэтому о его подвиге в годы Великой Отечественной войны как-то меньше вспоминают по сравнению с ныне действующими нашими промышленными гигантами. Речь идет о судостроительном заводе № 344 — так в годы войны назывался завод «Кама», ведущий свое начало от Пермской судовой верфи, заложенной на правом берегу нашей великой реки в далеком 1929 г.³

---

³В качестве источника для данной статьи автор использовал, главным образом, документальные материалы архивного фонда р-1212 ОАО «Судостроительный завод „Кама“» за 1939–1946 гг., хранящегося в ГКБУ «Государственный архив Пермского края». Следует отметить тот факт, что часть документов этого фонда, начиная с 1940 г. все еще засекречена. Кроме того, была использована военно-историческая и военно-техническая литература, а также ресурсы сети Интернет. К сожалению, в силу ряда причин документы партийной организации судостроительного завода «Кама» за 1942–1947 гг., хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории (фонд № 2010) пока не исследованы.

Первоначально Пермская верфь предназначалась для постройки сугубо мирных буксирных пароходов, которых до войны было построено 135 единиц. Эти буксиры эксплуатировались на различных реках СССР, были надежными и неприхотливыми. В 1935 г. на Пермской судовой верфи был построен первый полностью сварной буксир. Кроме буксирных пароходов Пермская судовой верфь выпускала различные плавсредства меньшего размера — катера и баржи.

В 1936 г. Пермской судовой верфи был дан первый оборонный заказ — изготовление противолодочных и противоторпедных сетей, которые предназначались для защиты портов и военно-морских баз от нападения соответствующих боевых средств противника. Предполагалось, что военно-сетевая продукция станет основной для судозавода № 344, и в 1940 г. там не было построено ни одного судна. В связи с прекращением судостроения на заводе № 344 его покинули многие специалисты и рабочие-судостроители, а тем, что остались, пришлось пере-квалифицироваться на другие специальности. Что же касается военно-сетевой продукции, то судозавод выпускал ее как в годы войны, так и долгое время после нее. К противолодочным и противоторпедным добавились противодиверсионные сети и ручные тральные лебедки для мобилизованных тральщиков. Работники завода изобрели не имеющий мировых аналогов специальный станок по плетению звеньев противолодочных сетей. В конце 1990-х гг. эти сети стали закупать иностранные компании (Италия, Франция) в качестве противокамнепадных. По данным одного из бывших работников ССЗ «Кама», пожелавшего остаться анонимным, эти сети, вероятно, до сих пор выпускаются. Бывший генеральный директор «Камы» Григорий Галицкий запатентовал этот станок и организовал специальное предприятие для изготовления такой продукции.

С началом Великой Отечественной войны на Молотовский судостроительный завод № 344 было эвакуировано оборудование нескольких заводов Наркомата боеприпасов из центральных районов страны, и предприятие приступило к производству 85-мм зенитных снарядов («изделие 485») и деталей реактивных снарядов М-13 («изделие 125») для знаменитых боевых машин реактивной артиллерии БМ-13 «Катюша». Всего за годы войны рабочие судозавода № 344 изготовили более 1 200 тыс. снарядов.

В 1941–1942 гг. в советской судостроительной промышленности сложилось крайне тяжелое положение с изготовлением речных бронированных катеров (БКА), на долю которых выпала наибольшая тяжесть ведения боевых действий на реках и в некоторых приморских районах. Недаром именно эти небольшие корабли получили прозвище «речных танков». Однако, как и советские сухопутные танки, БКА несли большие потери, которые необходимо было восполнять. Но из основных судостроительных заводов, строивших до войны БКА, в распоряжении Наркомата судостроительной промышленности остался только один завод № 340 в г. Зеленодольске Татарской АССР. Поэтому Государственным комитетом обороны СССР было принято решение организовать выпуск малых речных БКА так называемого «днепровского типа» проекта № 1125 на Молотовском судостроительном заводе № 344.

Малые вооруженные корабли для ведения боевых действий на реках, озерах и в прибрежных районах появились в начале XX века сначала даже не в составе российского ВМФ, а в составе инженерных войск российской Армии.

Дело в том, что до 1914 года все береговые крепости России принадлежали Военному ведомству. А отношения между ним и Морским ведомством были, мягко говоря, сложными. В такой ситуации командованию крепостей не приходилось особо рассчитывать на флот, и оно завело свои флотилии.

Естественно, броненосцы и крейсера Военному ведомству были не нужны. Зато каждая береговая крепость имела свои транспорты — вооруженные пароходы, малые и средние минные заградители и даже подводные лодки.

С началом Первой мировой войны Главное военно-инженерное управление (ГВИУ) спроектировало и построило для сухопутных войск девять речных бронекатеров или (так их именовали в ту пору) канонерок ГВИУ. Они имели нормальное водоизмещение — 21 т, а полное — 30 т, осадку 0,5–0,75 м. Два бензиновых мотора мощностью по 80 л. с. позволяли развивать скорость 12,5 узла. Вооружение состояло из двух 76-мм горных пушек образца 1909 года на тумбовых установках со щитами и двух пулеметов «Максим» в башнях с шестимиллиметровой броней.

Повоевать с немцами канонеркам ГВИУ не довелось. Зато они нашли широкое применение в период Гражданской войны. Четыре корабля в июне–июле 1919 года успешно действовали на Ладоге, а с августа — на Онежском озере. Остальные пять канонерских лодок в июне 1918-го по железной дороге были отправлены в Нижний Новгород, вошли в состав Волжской военной флотилии и в сентябре 1918-го приняли участие в боях под Казанью.

Весной 1919 года три канонерские лодки ушли на Каму для борьбы с войсками Колчака, а две перевезли по железной дороге на Дон. В связи с наступлением Деникина эти корабли вновь перебросили на Волгу, где они нашли применение при обороне Царицына.

Здесь можно вспомнить и о бронекатерах типа «Барс», построенных в 1919 г. на Пермских пушечных заводах при колчаковской власти. Всего таких катеров «японского типа», было построено шесть единиц: «Барс», «Кугуар», «Пантера», «Рысь», «Тигр», «Ягуар». Это был первый опыт строительства (именно строительства, а не переделки) боевых кораблей на предприятии нашего города.

После гражданской войны интерес к речным бронекатерам возродился в связи с вооруженным конфликтом 1929 г. на Китайско-Восточной железной дороге, когда в них возникла острая необходимость.

12 ноября 1931 года командование Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ) утвердило техническое задание на два типа бронекатеров. Большой бронекатер для реки Амур предполагалось вооружить двумя 76-мм орудиями в башнях, а малый для Днепра («днепровский тип») — одним таким же орудием. Кроме того, на катерах планировалось установить по две башенки с 7,62-мм пулеметами. Осадка большого катера — не менее 70 см, а малого — 45 см. Бронекатера должны были вписываться в железнодорожные габариты СССР при транспортировке по железной дороге на открытой платформе. 22 июня 1932 года это техническое задание выдали «Ленречсудопроекту». Тогда же были выбраны типы башен и пушек (от танка Т-28), а также моторов (ГАМ-34 — модификация авиационного мотора АМ-34). В октябре 1932 года «Ленречсудопроект» завершил работу. Большой бронекатер получил название «Проект 1 124», а малый — «Проект 1 125». Они были очень близки по конструкции.

Первые серии катеров обоих проектов оснащались двигателями ГАМ-34БП. Малый бронекатер имел – один двигатель. Максимальная мощность двигателей (800 л. с. у ГАМ-34 БП и 850 л. с. у ГАМ-34 БС) достигалась при 1 850 об/мин. Именно тогда катера могли набрать самый полный ход. Причем движение на максимальной скорости соответствовало режиму, переходному от водоизмещающего хода к глиссированию.

С 1942 года большинство бронекатеров проекта 1 125 оснащалось импортными четырехтактными двигателями «Холл–Скотт» мощностью 900 л. с. и «Паккард» мощностью 1 200 л. с. Они были гораздо надежнее ГАМ-34, но требовали более высокой квалификации обслуживающего персонала и лучшего бензина (марки Б-87 и Б-100). Эти моторы СССР получал от союзников по программе ленд-лиза.

Первоначально бронекатера вооружались 76-мм танковыми пушками образца 1927/32 года длиной 16,5 калибра в башнях от танка Т-28. Однако в начале 1938 г. выпуск этих орудий на Кировском заводе был прекращен. Но в 1937–1938 годах тот же завод серийно производил 76-мм танковые пушки Л-10 длиной 24 калибра. Они были установлены на нескольких катерах в тех же башнях.

Следует отметить, что максимальный угол возвышения упомянутых танковых пушек не превышал 250. Соответственно на него были рассчитаны и башни от Т-28. Ведь танки предназначались в основном для поражения целей огнем прямой наводкой. Речной же бронекатер имел очень малую высоту линии огня над водой, а потому при стрельбе прямой наводкой возникало очень большое непоражаемое пространство, закрытое берегом, лесом, кустарником, строениями и т. д. Вот почему в 1938–1939 годах специально для бронекатеров проектов 1 124 и 1 125 создали башню «МУ», допускавшую угол возвышения 700 для 76-мм пушки ⁴.

В 1939 году на Кировском заводе в «МУ» установили пушку Л-10. Башня с этим орудием прошла полигонные испытания на Артиллерийском научно-исследовательском опытном полигоне. Результаты оказались неудовлетворительными. Тем не менее, судостроительный завод № 340 в Зеленодольске к концу 1939 г. завершил постройку бронекатера, вооруженного Л-10. В начале 1940-го его предполагалось испытать в Севастополе.

На исходе 1938 года Кировский завод свернул производство пушек Л-10, зато освоил серийный выпуск 76-мм орудий Л-11. Фактически это была та же Л-10, только со стволом, удлинненным до 30 калибров, и теперь в башню «МУ» стали устанавливать Л-11. Угол возвышения (700°) не изменился, но в башне пришлось сделать дополнительное подкрепление, поскольку отдача у Л-11 по сравнению с Л-10 была несколько больше. Однако пушки Л-10 и Л-11 получили лишь несколько бронекатеров.

В 1942 году бронекатера проекта 1 125 начали вооружать пушками Ф-34, установленными в башнях от танков Т-34. Они, впрочем, обладали максимальным углом возвышения 250°. Периодически возникали проекты создания башен с большими углами возвышения орудий, но все они остались на бумаге. Кстати, в мемуарной литературе порой встречаются рассказы о том, что наши броне-

⁴Разработкой этой установки занималась «шарага» ОТБ, находившаяся в ленинградской тюрьме «Кресты». В те годы там работал известный пермский конструктор артиллерийского и ракетного вооружения М. Ю. Цирульников.

катера сбивали вражеские бомбардировщики огнем из 76-мм пушек. Так вот, в подобных случаях речь идет о зенитных орудиях Лендера образца 1914/15 г., которые были не в башнях, а открыто установлены на нескольких катерах.

Оснащение минным оружием бронекатеров проекта 1 125 не предусматривалось. Но уже в первые дни войны моряки Дунайской флотилии на бронекатерах проекта 1 125 ухитрялись ставить минные заграждения с помощью различных подручных средств. С весны же 1942 года на кормовых палубах катеров, сдаваемых промышленностью, монтировались рельсы и обухи для крепления мин. Бронекатера проекта 1 125 принимали 4 мины. Опять-таки в период Великой Отечественной войны катера получили новое мощное оружие – 82-мм и 132-мм реактивные снаряды.

В ходе боевых действий на замерзающих реках и озерах требовалось удлинить сроки навигации бронекатеров. Сделать это было нелегко – легкий корпус бронекатера не мог обеспечить безопасного плавания даже в битом льду. Пластины молодого льда сдирали окраску, что вызывало коррозию. Часто повреждались тонкие пластинки гребных винтов.

Главный конструктор катера Ю. Ю. Бенуа нашел оригинальный выход из положения. Бронекатер одели в деревянную «шубу». Доски толщиной 40–50 мм защищали его днище и борта (на 100–150 мм выше ватерлинии). «Шуба» почти не меняла осадку за счет плавучести дерева. Другой вопрос, что бронекатер в «шубе» имел меньшую скорость хода. В свою очередь инженер Э. Э. Паммель спроектировал гребной винт с более толстыми кромками лопастей, причем максимальная скорость катера уменьшилась всего на 0,5 узла.

Так наши бронекатера превратились в мини-ледоколы. Это было особенно важно на Ладожском и Онежском озерах, где речные танки получили возможность вести боевые действия на две–четыре недели дольше, чем корабли финских флотилий.

Таблица 1: Тактико-технические данные бронекатера БК-1125

Водоизмещение, т.	29,3	Мощность, л. с.	850
Длина, м.	22,65	Скорость, узлов	18
Ширина, м.	3,55	Дальность плавания, миль	180
Высота борта, м.	1,5	Бронирование, мм.	4 · · · 7
Осадка, м.	0,56	Экипаж, человек	10

Как уже упоминалось выше, с 1942 г. к изготовлению малых речных БКА проекта 1 125 приступил Молотовский судостроительный завод № 344 Народного комиссариата судостроения. Первоначально заводу был спущен совершенно нереальный план работ по судостроению, в котором кроме бронекатеров предусматривалась постройка для ВМФ судов еще нескольких проектов (катера типа «А», катера БМК-П, суда-бензозаправщики, рейдовые водолазные боты, морские водолазные боты), однако позднее, выяснив, каковы реальные возможности предприятия, НКСП сократило эти планы – в 1942 и 1943 г. завод № 344 должен был сдать ВМФ 15 бронекатеров проекта 1 125. Переход на изготовле-

ние совершенно новой продукции давался коллективу завода № 344 с огромными сложностями. Не хватало кадров квалифицированных судостроителей, т. к. завод до этого некоторое время вообще не занимался судостроением. Не было в достаточном количестве необходимого сырья и материалов, т. к. все фонды на них были распределены ранее другим заводам НКСП. Приходилось изыскивать различные местные ресурсы — остатки судостроительной стали от старых заказов, использовать все, что могло пригодиться для строительства бронекатеров. Также надо было в короткие сроки освоить технологию их постройки. Закладка первого молотовского БКА с заводским номером 136 состоялась 28 февраля 1942 г. По документам нашего архива не ясно, был ли в этот день на заводе торжественный митинг, но боевой путь этого катера известен. В связи с вышеупомянутыми трудностями первый катер, вернее первые два катера (второй имел заводской номер 137) строили почти год, и они были спущены на воду в конце 1942 г. С этого времени начались их испытания, и катера окончательно вступили в строй только летом 1943 г. 14.09.43 136-й БКА вошел в состав Каспийской флотилии. 5.02.44 он был перечислен в Черноморский флот, а 13.04.44 — в Дунайскую флотилию. Входил в состав 4-го Тульчинского дивизиона бронекатеров этой флотилии. Участвовал в Яско-Кишиневской (20–29.08.44), Будапештской (29.10.44–13.02.45) и Венской (16.03–15.04.45) наступательных операциях. 30.11.57 разоружен, исключен из состава ВМФ и сдан в отдел фондового имущества на металлолом. В годы Великой Отечественной войны имел следующие тактические номера: № 224; № 331 с 21.03.43; № 241 с 13.04.43; «БК-241» с 5.02.44.

Таким образом, если проанализировать даты постройки всех пермских бронекатеров (известны их заводские номера с 136-го по 199-й и с 203-го по 213-й за 1942–1945 гг.), то можно сделать неопровержимый вывод, что бронекатера пермской постройки никак не могли участвовать в Сталинградской битве, а тем более в «боях на Каме» (!), как написано в некоторых исторических справках о памятнике бронекатеру и ряде газетных публикаций на эту тему. От ошибок не застрахованы даже маститые пермские историки! Так, в своей публикации «Сталинград оперся на хребет Урала» уважаемый М. Г. Нечаев пишет: «Моряки-десантники, участвовавшие в обороне Сталинграда, прозвали пермские бронекатера, выпускаемые судостроительным заводом „Кама“, речными танками». (4)

Да, БКА проекта 1125 в Сталинградской битве участвовали, но они были построены на судостроительном заводе в Зеленодольске. А наши пермские катера приняли участие в боевых действиях уже с начала 1944 г. Они принимали участие в боях на Припяти и Западном Буге, в Свирко-Петрозаводской, Белорусской, Таллинской, Восточно-Прусской, Яско-Кишиневской, Венской и Берлинской наступательных операциях. Да! Наши пермские бронекатера, изготовленные руками наших земляков — рабочих и работниц судостроительного завода № 344 с боями дошли до столицы Третьего Рейха — города Берлина и приняли участие в его штурме и освобождении от коричневой чумы. Нельзя забывать и о том, что в постройке бронекатеров принимали участие их экипажи. Таким образом, командиры и краснофлотцы с самого начала знакомились с устройством той материальной части, на которой им предстояло громить

врага! «Речные (в оригинале – „морские“) смертники в бронекатерах» — так назвал свою заметку о бронекатерах Великой Отечественной войны один блоггер. Да, фактически, экипажи бронекатеров были смертниками, бесстрашно выполнявшими поставленные перед ними боевые задачи под ударами немецких пикировщиков и шквальным огнем береговой артиллерии нацистов. Не зря по стране стоят на постаментах десятки бронекатеров — напоминание о наших безбашенных героических предках, ходивших в самоубийственные атаки и победивших. Даже смерть.

Изучение архивных документов по истории судозавода «Кама» периода Великой Отечественной войны ранее, фактически, не проводилось, тем более в аспекте его оборонной продукции, а эти документы открывают немало интересных страниц его деятельности, позволяют уточнить или дополнить некоторые данные, опубликованные в военно-исторической и справочной литературе по корабельному составу советского ВМФ. Конечно же, возникают и новые вопросы. Так, например, один из бронекатеров пермской постройки (БК-305) носил имя «Молотовский ремесленник». По официальным данным этот катер был построен на средства, собранные учащимися ремесленных училищ Молотовской области. Этот катер имел заводской номер 156, в июле 1944 г. вошел в состав Краснознаменного Балтийского флота и участвовал в Таллинской наступательной операции. Но был еще и бронекатер, непосредственно построенный руками учащихся Ремесленного училища № 21. Это БК-307 (заводской номер 162)! Кстати, он также входил в состав КБФ и Чудской флотилии, участвовал в освобождении Таллина [3]. А может, в справочники вкралась ошибка?!

Судозавод № 344 строил бронекатера и после окончания Второй мировой войны. Последний «объект БК-1125» был сдан ВМФ СССР в 1947 г. К тому времени на заводских стапелях уже сооружались бронекатера нового более совершенного проекта — № 191 М.

К сожалению, точное количество построенных на судостроительном заводе № 344 бронекатеров проекта 1 125 пока установить не удалось, как и общее количество этих катеров, построенных у нас за все время их выпуска с 1942 по 1947 г. В документах и литературе встречаются разные цифры. На наш взгляд, наиболее соответствует действительности цифра в 81 единицу БК-1125, построенную в период с февраля 1942 по сентябрь 1945 г. А всего на ССЗ № 344 было построено до 130 таких БКА из общего количества, равного 207 единицам.

9 мая 1974 г. у проходных судостроительного завода «Кама» (бывший ССЗ № 344, объявлен банкротом в 2007 г.) был открыт памятник трудовому и боевому подвигу работников этого предприятия в годы Великой Отечественной войны. На постаменте был установлен бронекатер проекта 1 125. Сначала этот объект не имел никаких обозначений, а позднее появился бортовой номер «181». Сейчас этот катер проходит по документам пермского ГЦОПа как «АК-454», однако выяснилось, что этот тактический номер объектам БК-1125 военного времени постройки не присваивался, а после войны был присвоен БКА проекта 191 М постройки Ижорского завода. По всей видимости, когда-то тактический номер "АК-454" применительно к бронекатерам проекта 1 125 был взят из справочника известного историка советского ВМФ А. С. Павлова по кораблям и судам

ВМФ СССР, основой для которого послужил, в свою очередь, один из выпусков справочника по кораблям ВМФ стран мира Джейна. За неимением каких-либо других данных этот номер был «присвоен» нашему БКА. Почему был выбран именно этот номер? Помнится, что он фигурировал как номер одного из катеров БК-1125 пермской постройки в интернет-справочник корабельному составу ВМФ СССР (URL: *sovnavy-ww2.ho.ua*), но был оттуда позже удален. Однако и там Бронекатер «АК-454» значился как построенный уже после окончания Великой Отечественной войны.

Неофициальная история нашего бронекатера гласит, что он в составе Дунайской военной флотилии был участником военного парада в Вене в 1945 или 1946 г., в 60-х гг. переведен на Дальний Восток в состав дивизии речных кораблей Тихоокеанского флота, а в середине 70-х гг. прошлого века был списан и по инициативе тогдашнего директора судозавода «Кама» Ивана Павловича Тимофеева вывезен в Пермь с Дальнего Востока в обмен на вагон металлолома.

Как уже говорилось выше, бронекатер-памятник несет на своем борту № 181. Откуда появился этот номер выяснить пока не удалось. Что же касается номеров кораблей и катеров отечественного ВМФ, то каждый корабль или катер может иметь несколько номерных обозначений, а именно:

1. № проекта, по которому построен корабль/катер. В данном случае это № 1 125.
2. Заводской или строительный №. По документам большинство строительных №№ пермских БКА, построенных в годы Великой Отечественной войны, известно.
3. Тактический номер корабля/катера.
4. Бортовой № корабля/катера.

Тактический номер (буквенно-цифровой шифр) присваивается боевым кораблям, начиная со 2-го ранга, и, по существу, является как бы названием корабля, если такое «настоящее» название отсутствует. Например, атомная подводная лодка «Пермь» — корабль 2-го ранга, до присвоения ей имени нашего города имела в качестве названия тактический номер «К-292» («К» — «Како» — крейсерская подводная лодка), измененный позднее на «Б-292» («Б» — «Буки» — большая подводная лодка). Этот тактический номер считался секретным. Бронекатера также имели тактические номера типа «БК-1». Иногда тактические и заводские номера наносились на борта катеров и выполняли роль бортовых номеров. В справочниках по корабельному составу ВМФ СССР, охватывающих период Великой Отечественной войны, бронекатер с тактическим номером БК-181 отсутствует. Зато есть бронекатер с заводским № 181 пермской постройки. Возможно, именно этот катер и установлен в нашем городе в качестве памятника... Но с этим катером тоже не все ясно. По документам судозавода № 344 этот катер был сдан ВМФ в 1945 г. А на одном интернет-ресурсе можно найти такие сведения: «Также в 1944 году [Днепровская военная] флотилия пополнилась <...> 27 бронекатерами пр. 1 125: № 1 (148), 2 (149), 222 (140), 223 (141), 224 (142), 139 (180), 140 (181), 186 (164), 301 (152), 302 (153),

303 (154), 304 (155), 371 (163), 372 (165), 373 (166), 374 (167), 375 (168), 376 (169), 377 (171), 378 (172), 379 (173), 380 (174), 381 (175), 382 (176), 383 (177), 384 (178), 385 (179). . . » В скобках указан заводской номер катера [5].

Летом прошлого года (2014) в связи приближающимся юбилеем — 70-летием Победы было решено памятник реконструировать, а БКА отреставрировать. Была надежда, что в ходе подготовки к ремонту удастся найти какие-нибудь данные (на шильдиках или табличках) с хотя бы строительным номером этого БКА. Однако, кроме выключателя с датой «1943» и клейма на башенной пушке Ф-34 выпуска 1944 г. ничего обнаружено не было. Строительный номер бронекатера мог быть выбит на его гребном винте, но там тоже пока никаких клейм не нашли, т. к. он оказался сильно закрасен. . . Обыватель может задать резонный вопрос: зачем все это надо — выяснять, что это за катер, где он был на самом деле построен, принимал ли участие в боевых действиях. Да! С одной стороны, это, может быть, и не нужно. Строили на заводе во время войны такие катера? Строили. Стоит катер-памятник в честь трудового и боевого подвига? Стоит! Что же еще надо? Но настоящий историк обязан докопаться до сути, выяснить, что это за конкретный объект, кто его строил, кто на нем служил, а может быть, и воевал!.. Ведь именно стремление открыть новое, выяснить ранее не известные страницы нашей истории, воплощенные в каких-то реальных изделиях, влекут в поля прошедших сражений поисковиков. А поисковики-подводники ищут и находят на дне морей погибшие корабли. . .

Одним энтузиастом судостроения, бывшим работником судозавода «Кама» в прошлом году было проведено обследование катера, составлена дефектационная ведомость, а также оформлено предложение по реконструкции памятника. Но, в конце концов, с реконструкцией катера не все оказалось в порядке. Отмечена масса недоделок и недостатков. Вот их примерный список:

1. Замена старого проржавевшего участка днища проведена с технической точки зрения неправильно! Конструкция замененного участка днища выполнена с нарушениями и требует переделки. Поперечные связи корпуса днища (флоры) должны совместно с бортовыми и палубными поперечными связями (шпангоутами и бимсами) образовывать замкнутую раму. При ремонте днищевые связи окончили на бортовой обшивке, что недопустимо. Нагрузка от всего корпуса воспринимается не силовым каркасом из флор, шпангоутов и бимсов, а бортовой обшивкой. Новая обшивка днища сделана из заплаток.
2. Кривая ватерлиния в носу. Нет маркерной шкалы осадок.
3. В танковой башне катера вместо спаренного пулемета — арматурина. Такая же арматурина воткнута в амбразуру орудийного прицела.
4. Нет рей на мачте (раньше была), нет сигнального огня на мачте (раньше был), нет такелажа.
5. Сквозная трещина в правом борту корпуса.
6. Палуба катера — неровная, и на ней скапливается дождевая вода.

7. Внешний вид новых вентиляционных оголовков по виду не соответствует оригинальным.
8. Нет прожектора на рубке (изначально такой прожектор был) катера.
9. Внутри катера местами покрашены неочищенные от ржавчины поверхности — краска вместе с ржавчиной отваливается.
10. На постаменте сейчас катер сильнее сдвинут назад в сторону кормы, по сравнению с тем положением как он был установлен изначально. Это грозит в дальнейшем опасным свисанием кормы и переломом корпуса катера в связи с усталостным разрушением его конструктивного набора.

Не понятно почему, в ходе реконструкции памятника и катера ГЦОП не провел исследование по истории нашего БКА. Акт приемки работ до сих пор так и не подписан. . .

Тендер по реконструкции памятника (постаменты и катера) выиграла строительная фирма «Росмаш» из Перми. На эти работы было выделено из городского бюджета более 9,6 млн. руб. Другая фирма-участник предлагала провести реконструкцию за 9,1 млн. руб. Но из-за ошибки в одном из пунктов конкурсной документации она проиграла тендер. В качестве субподрядчиков для выполнения работ были приглашены компания ООО «РСМП Энергетик» (разработка технического проекта реконструкции памятника) и пермский машиностроительный завод «Прогресс» (работы по реставрации бронекатера). Ни одно из этих предприятий не имело опыта реставрации каких-либо судов. Результаты их деятельности мы можем лицезреть на ул. Буксирной, дом № 4. Хорошо еще, что городские власти отказались от идеи провезти бронекатер на параде 9 мая. . . Официальное открытие памятника состоялось 13 мая 2015 г. Остается только надеяться, что число 13 не повлияет негативно на дальнейшую судьбу нашего бронекатера.

А тем временем, в г. Тольятти энтузиаст-судоостроитель Александр Ёлкин самостоятельно построил ходовой макет-реплику бронекатера проекта 1125 и ходил на нем с экипажем реконструкторов по Волге до Сталинграда, приняв там участие в реконструкции боевых действий Сталинградской битвы! Так что, может быть, нам не хватает таких энтузиастов?..

Библиографический список

- [1] <http://sovnavy-ww2.ho.ua/small/pic/1125.jpg>
- [2] <http://www.permgani.ru/publikatsii/stati/stalingrad-opersya-na-hrebet-urala-pomosch-zhitelej-permskogo-kрая-gorodu-geroyu.html>.
- [3] ГАПК. Ф. р-1212. Оп. 1. Д. 6. Л. 223
- [4] ГАПК. Ф. ф-71. Оп. 71 п. Д. 57.
- [5] <http://morenhod.info/morenhod/dnepr/dn1-old.html>

От первого истока

К 80-летию Пермской краевой писательской организации

А. А. Дубровин

Свою долю интереса к жизни пермских писателей в Год литературы приносят разговоры, дискуссии о начале становления Пермской писательской организации. Что же, имея за спиной некоторый исследовательский опыт, рискну выразить свой взгляд по теме.

Начну с отдельных решений различного уровня, имеющих свой смысл. В условиях существования в нач. 1930-х гг. нескольких литературных групп Постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» было положено начало объединению в единую писательскую организацию [1]. Лидерство в объединительном процессе прочно закрепилось за А. М. Горьким. 7 мая 1932 года вышло в свет Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «Практические мероприятия по проведению в жизнь решения о перестройке организаций писателей», где «с первых шагов подготовки съезда партия твердо взяла бразды правления в свои руки» [2]. Затем, как известно, было опубликовано письмо в «Правде» от 15 мая 1932 года, где говорилось о созыве съезда писателей и о создании оргкомитета съезда [3]. Такой комитет был создан 16 августа 1932 года и насчитывал 50 человек. В силу значимости предстоящего I Съезда советских писателей члены комитета не раз переносили сроки проведения Съезда, пока не остановились на дате открытия — 15 августа 1934 года. 10 мая 1934 года было опубликовано сообщение о приеме в Союз советских писателей СССР (ССП СССР) [3], что дало основание региональным писательским организациям начать процедуру оформления членов ССП.

В качестве краткого вывода от себя замечу: невозможно считать датой образования Союза писателей СССР ни одно из перечисленных выше постановлений ЦК ВКП (б) или какого-либо другого высокого органа. Это были технические шаги по достижению основного результата. Масштабный подготовительный этап затянулся на годы, и конечным пунктом движения неизбежно должно было стать политически «громкое» решение на государственном уровне. Идеология обязывала.

На территориях, в провинциях, что-то в подходах повторялось, что-то складывалось несколько по-иному, а что-то имело собственные истоки. Закономерно, поскольку сказывались последствия переходного периода становления

государства, власти которого то и дело перекраивали свои внутренние границы. Для наглядности вспомним на примере Прикамья отдельные вехи территориальных слияний, разделений и их последствия, что имеет прямое отношение к теме разговора.

17 января 1934 года на основании постановления Президиума ВЦИК РСФСР «О разделении бывшей Уральской области» Пермь и пермские населенные пункты вошли в состав Свердловской области [4]. Местные творческие организации, объединения, группы стали подотчетны Свердловску. К чему это привело, полагаю, понятно – практически все вопросы пришлось решать не у «себя в доме».

18 июня 1934 года собрался областной съезд Свердловского отделения Союза советских писателей, где был избран областной комитет отделения, однако ни один из писателей Прикамья, поставленный на учет в этой организации, не вошел в руководящий состав. Уместно отметить, что в 1934 году членами Союза советских писателей являлись коми-пермяцкие литераторы Лихачев Михаил Павлович, Зубов Андрей Никифорович (репрессированы в 1937 году).

Количественный рост прикамских писателей, принятых в СП СССР, произошел в 1935 году. В билете члена СП СССР Спешилова А. Н. указано: «время вступления в СП 15. III. 1935 г.» [5]. Билеты членов Союза в 1935 году получили также Василий Каменский, Борис Михайлов, Николай Попов и Степан Караваев (Кудымкар) [6]. Поскольку пермские и коми-пермяцкие писатели были поставлены на учет в Свердловской организации, то обособленность существования вынуждала мелкие проблемы решать в Перми, а для обсуждения более значимых, в том числе по изданию книг, ехать в Свердловск. А. Н. Спешилов вспоминал: «Жили, как на отшибе» [7].

3 октября 1938 года Указом Президиума ВС СССР Свердловская область была разделена на Пермскую и Свердловскую [8]. Лишь после территориального разделения прикамские литераторы получили право на самоопределение в составе СП СССР, но этого не произошло ни в 1938 году, ни в ближайшие три года. Почему? Можно говорить о неизбежности все тех же технических согласований. Пермь по прежнему оставались на учете в Свердловской организации СП СССР, что подтверждается и воспоминаниями А. Н. Спешилова: «до 1940 года пермские писатели — члены Союза состояли на учете в Свердловской организации» [7]. Но значило ли это, что работа в Перми не велась или ослабла. Наоборот! Пермские мастера слова продолжали активную деятельность, о чем писал А. Н. Спешилов: «Литературная группа при издательстве открыла широкую дверь для всех, кто хотел посвятить себя творческому труду» [7].

Отметим, «патриарх» пермской писательской организации Спешилов акцентировал внимание на существовании «литературной группы» в Перми. На первом этапе она не была многочисленной, однако с годами группа выросла по численности, наметилась тенденция творческого роста ее участников. Об этом, в частности, вспоминал А. Н. Спешилов:

«Принял дела: тридцать неотредактированных плановых рукописей. Постоянно занимались у нас Баталов, Бычков, Занадворов, Александр Каменский, Коновалов, Матросов, Трайнин, Трутнева, Якубов. Приезжали из Кудымкара поэты Караваев и Попов, быва-

ли на наших занятиях Василий Васильевич Каменский и известный уральский собиратель устного народного творчества жизнерадостный, желанный наш гость Валентин Николаевич Серебренников (Аргентов)» [7].

Таким образом, 1935 год можно по праву считать отправным в вопросе становления и развития пермской литературной организации, которая по независящим от нее причинам (в т. ч. вследствие территориального подчинения Свердловску) не могла состояться как самостоятельное отделение Союза писателей СССР. Иная точка зрения. Отдельные исследователи считают, что датой рождения Пермской писательской организации следует считать 1940 год. Делаются ссылки на постановление «Молотовского обкома ВКП (б) от 23 февраля 1940 года» об «утверждении Молотовского отделения ССП СССР» [6].

На мой взгляд, в сведения, которыми аргументируют сторонники данной позиции, вкралась ошибка (или описка), так как Пермь стала Молотовым 8 марта 1940 года [9] и двумя неделями раньше ни обком, ни отделение ССП не могли именоваться «Молотовскими». Если и рассматривались Пермским обкомом, то вопрос носил все тот же технический характер, равно как и решение центрального правления СП СССР в Москве по Прикамью. Из воспоминаний А. Н. Спешилова:

«Когда образовалась Пермская область, назрел вопрос о создании в Прикамье самостоятельной писательской организации. Областной комитет партии поддержал нашу инициативу. Правление Союза писателей СССР в марте 1941 года дало согласие на создание Пермской областной писательской организации. Я был избран ее ответственным секретарем, Борис Михайлов — уполномоченным Литфонда» [7].

Получается, что пока оргработа по оформлению пермской писательской организации согласовывалась разными инстанциями, литературная группа в Перми продолжала существовать, о чем и читаем в воспоминаниях А. Н. Спешилова.

Интересно словосочетание: «создание в Прикамье самостоятельной писательской организации». Спешиллов, стоявший у ее истоков, отметил: «самостоятельной», что подчеркивает наличие до 1941 года несамостоятельной ячейки, подчиненной Свердловску. Речь идет о той литературной группе, костяк которой составили пермяки, принятые в СП СССР в 1935 году. История группы к 1941 году уже насчитывала несколько лет, и в плодах ее деятельности значились сборник «Прикамье», повесть А. Спешилова «Бурлаки», книги детских стихов А. Матросова, Е. Трутневой, сборник рассказов И. Трайнина и другие произведения пермских и коми-пермяцких литераторов.

И, наконец, обратимся к освещению итогов процесса трансформации литературной группы в организацию. 1 апреля 1941 года в газете «Звезда» был помещен материал под заголовком «Первое совещание писателей Молотовской области». Приведу выдержки из подлинника:

«В Молотовском партийном кабинете 29 марта собралось первое областное совещание писателей. С докладом о состоянии литературы

ной работы в области выступил руководитель молотовской литературной группы т. Спешилов. Он обстоятельно рассказал о творческом росте многих молодых авторов, отметил, что до сих пор писательская организация в области не была организационно оформлена. Заявляют о себе смело и интересно новые и новые товарищи.

Вторым стоящим на повестке дня был вопрос о создании Молотовского областного отделения Союза советских писателей. Выступивший по этому вопросу тов. Коинов (обком ВКП(б) сообщил о том, что правление Союза советских писателей СССР дало согласие на создание в нашей области самостоятельного отделения союза писателей, учитывая, что литературный актив нашей области имеет первые успехи и богатые возможности дальнейшего творческого роста. Областное совещание писателей избрало бюро Молотовского отделения Союза советских писателей из 5 человек. В бюро вошли тт. Спешилов, Трайнин, Матросов, Грутнева и Попов. Ответственным секретарем бюро был избран т. Спешилов. Уполномоченным литфонда союза советских писателей по Молотовской области на совещании был избран т. Михайлов» [10].

Не правда ли, фраза «С докладом о состоянии литературной работы в области выступил руководитель молотовской литературной группы т. Спешилов» говорит о многом. Литературная группа признана, причем образовалась она не по указанию парторганов в предшествующий год. И еще. Заставляют задуматься слова «до сих пор писательская организация в области не была организационно оформлена». Это ли не свидетельство существования «живой» писательской организации до получения разрешений на оформление! В отличие от политически «громких» решений в Москве по образованию СП СССР оформление пермской писательской организации складывалось не так громко, что, впрочем, не мешало литературной группе играть важную роль в культурной жизни Прикамья.

Известно, на какие выводы может натолкнуть буквальное толкование о том, что организация родилась по указу или прекратила свое существование по постановлению. В таком случае распад СССР привел к «юридическому», законному прекращению истории существования всех писательских организаций РСФСР. Но Дагестан в феврале 2015 года отпраздновал 80-летие своей писательской организации [11]. Как так?

Нынешняя пермская писательская организация «по закону» должна считаться совсем молодой, рождение которой, следует отмечать с 24 июня 1999 года — это наиболее раннее указание о регистрации юр. лица по Выписке из ЕГРЮЛ от 05.02.2015 года [12]. Следует заметить — не в качестве творческого союза, а в качестве общественной организации, форму которой насильственно заставили принять писателей (а с ними и других творческих деятелей) Российской Федерации. Вот выписка из Устава:

«1.7. Правоспособность Организации как юридического лица возникает с момента ее государственной регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Но для «истории» со всеми ее трактовками, пересмотрами незывлемым остается главное — преемственность. Уважая прошлое, нельзя забывать тех, кто стоял у истоков создания пермской литературной группы, ее развития, преобразования в отделении СП СССР. В этом состоит наша сыновья дань памяти родоначальникам цеха, наше уважение к их труду и воле, в этом — преемственность славных традиций.

В 2010 году общественность Пермского края, пермское писательское общество отметили 75-летие организации профессионального литературного творчества на пермской земле. Учитывая творческую преемственность, неразрывность пермской литературной школы, в 2015 году Пермской писательской организации исполняется 80 лет. Это на сегодня работающий принцип летописи писательской организации, увязывающий ее развитие от начала по настоящее время.

Библиографический список

- [1] Писатели Пермской области. Библиографический справочник. Составители Вершинина Л.П. и Широкова С.Д. Пермское книжное издательство. 1962. Стр. 10.
- [2] Баранов В. «Надо прекословить!» М. Горький и создание Союза писателей. Вопросы литературы. 2003. №5. Стр. 44.
- [3] <https://lib.rus.ec/node/402205>
- [4] Пермь социалистическая. Пособие для учителей истории обществоведения, лекторов, пропагандистов и агитаторов. Под редакцией Капцуговича И.С. Пермь. 1973. Стр. 109.
- [5] Дубровин А.А. Веретено. Документальная повесть «Жизнь продолжается». Издательство Богатырева. Пермь. 2010. Вкладка фото членского билета Спешилова А.Н.
- [6] Из истории пермской писательской организации.
- [7] Спешилов А.Н. Страницы прожитого. Пермское книжное издательство. 1979. С. 143, 147.
- [8] Эл. ресурс: <http://www.bestpravo.ru/sssrf/eh-praktika/x1a.htm>
- [9] День в истории. Календарь знаменательных и памятных дат Пермской области. Пермь. 2000. Стр.30
- [10] Звезда. Первое совещание писателей Молотовской области. 1 апреля 1941.
- [11] РИА Дагестан. 20 февраля 2015 г. В Дагестане торжественно открыли Год Литературы и отметили 80-летие Союза писателей республики.
- [12] Выписка из ЕГРЮЛ о «Пермской краевой общественной организации Союза писателей России» от 05.02.2015.

Проект губернской Перми: время и причины возникновения

Н. С. Корепанов

В настоящее время история города Перми ведется от основания в 1723 г. казенного Ягошихинского (Егошихинского) завода. Точнее сказать, постройка и пуск медеплавильного завода собственно и считается основанием Перми (еще точнее, закладку завода принято считать датой основания города). Эта точка зрения утвердилась в ходе дискуссии пермских историков 1960-х гг., когда приоритетом посчитали «действительную историю города» с 1723 г. против указов Екатерины II 1780 г. о «назначении в сем месте» губернского города Перми, последующего его строительства и учреждении Пермского наместничества [1].

Оспаривать сложившуюся точку зрения или, тем более, возобновлять дискуссию после утвердившейся за полвека традиции мы не собираемся. К тому же к основанию Ягошихинского завода и краткой истории его до 1781 г. мы уже обращались [2]. Тем не менее, выскажем здесь несколько принципиальных моментов.

В 1723 г. строился завод на речке Ягошихе (Егошихе), слова «Пермь» или «пермский» использовались применительно лишь к здешнему краю, о «городе Перми», естественно, речи вообще не велось. Централизирующую функцию, значение административного центра заводов Пермского края, Ягошиха получила с переносом сюда Пермского бергамта (горного начальства) с Пыскорского завода в 1734 г., но утратила его после передачи завода в частное владение (1759) и переноса Горного начальства в Кунгур в 1762 г. В указе же Екатерины II в ноябре 1780 г. ясно говорится об учреждении нового города, а не об изменении статуса «Ягожихинского завода». Впрочем подчеркивается выгодность его положения для предстоящего строительства [3]. В градостроительном плане, естественное развитие Ягошихинского завода по пути превращения в город или даже использование его как основы для городского строительства на основании указов 1780 г. означало бы, прежде всего, формирование застройки вокруг фабрик и плотины, заводского поселка и т. д. Однако завод со своим поселком оказался на окраине намеченных по берегам Камы улиц.

В историческом же плане, постройка не самого крупного и значимого из пермских заводов XVIII в. заслонила действительно эпохальное для Урала, а в каком-то смысле и для России, событие. На Урале рождение губернской

Перми и все, что с этим связано, сравнимо лишь с учреждением в 1730-е гг. Оренбургской экспедиции и драматичной историей основания Оренбурга, также со времени строительства получившего фактический губернский статус. Уровень административных решений, масштаб вовлеченности сил и средств, сама идея постройки губернского города (далеко не ординарный случай в истории России), наконец последовавшая затем кардинальная реформа местных гражданского и горного ведомств позволяет говорить о событиях 1780–1781 гг., как об одном из ключевых моментов в истории Урала. Можно говорить о коренном изменении путей формирования Уральского региона. Меж тем сложившийся взгляд на вещи подразумевает их второстепенность или, по крайней мере, равнозначность основанию Ягошихинского завода.

Итак, устойчивый на протяжении последнего полувека акцент на 1723 год привел к определенному перекосу исследовательской проблематики, а в конечном счете, и к неизученности проблемы рождения губернской Перми. Остается открытым, например, вопрос об административном «проекте» учреждения новой губернии, нового губернского города и масштабной ведомственной перестройки.

При обращении к истории 1780–1781 гг. прежде всего возникает вопрос о причинах издания соответствующих указов Екатерины II, об «авторстве» идеи строительства нового губернского центра и о принципиальном выборе места его. Объективной причиной имперских указов, очевидно, можно считать проводившуюся в те годы губернскую реформу. Однако несомненно, что свою роль сыграли местные условия и местные события.

В частности, неизбежен вопрос, почему главный город учреждаемого наместничества начал строиться в новом месте, а не был использован административный потенциал и сложившаяся инфраструктура Кунгура? Как известно, он совмещал на тот момент функции административного центра Пермской провинции и управленческого центра пермских горных заводов. В Кунгуре размещались и Пермская провинциальная канцелярия во главе с воеводой, и Пермское горное начальство.

В этой связи уместно сравнение судеб Кунгура и Ирбита, оказавшихся в схожей исторической ситуации, но по-разному оцененных законодателем. Известен отзыв, прозвучавший в указе Екатерины в феврале 1775 г.: «За непоколебимую верность во время бывших замешательств» Ирбитская слобода получает статус города (первая в Екатеринбургском ведомстве) и передается «под апелляцию» губернского Тобольска [4]. Казалось бы, Кунгур, переживший десятидневную осаду, бои за город, формирование ополчения и отражение удара «главной армии» Пугачева, вправе был рассчитывать на подобное же повышение статуса. В его случае это означало бы превращение в губернский город. Однако этого не произошло. Очевидно, что Ирбит с его ярмаркой экономически целесообразно было преобразовать в город из обычной приписной слободы и вывести из заводского ведомства. Очевидно также, что Кунгуру для возвышения не хватило, по крайней мере, судоходной реки.

Более того, после восстания Пугачева наметилась тенденция лишения его части административных полномочий. В ноябре 1775 г. управитель Юговских казенных заводов Федор Грамотчиков высказался за перенос Пермского горно-

го начальства из Кунгура. По выражению заседавшего в Пермском начальстве титулярного советника Михаила Архипова:

«Все Начальство желал к своим рукам прибрать, чтоб его перевести к нему на Юговские казенные заводы» [5].

Если говорить о последствиях восстания Пугачева, можно предположить также намерение казанского губернатора князя Платона Степановича Мещерского (назначен в 1774 г.) вывести из подчинения одну из наиболее пострадавших частей своей губернии. Но все же обращение к документальным фактам, касающимся деятельности губернатора П. С. Мещерского, будет важнее.

Так, в январе 1778 г. князь сделал несколько распоряжений о почтовой связи между губернскими Казанью и Тобольском. Он рассчитал и постановил, чтобы почта с сибирской стороны поступала в Кунгур исключительно в субботу и отправлялась далее строго в определенный час, дабы пакеты из Тобольска ложились к нему на стол утром в понедельник. Об этом сообщено было и тобольскому губернатору Денису Ивановичу Чичерину, и в Кунгур. Однако пермский (кунгурский) воевода Александр Федорович Голубцов известил:

«С самого сего учреждения [Пермская провинциальная — Н. К.] канцелярия приметила, что сибирская почта приходит большею частию в разные дни, как то: в воскресенье и понедельник... Исправиться скоро было невозможно по пространству мест, из чего Канцелярия заключает, что не происходит ли замешательства оно-го от состоящего по Сибирскому тракту города Екатеринбург» [6].

Он же обратился и в Екатеринбург, в Канцелярию Главного правления заводов (далее — Главное правление), с предложением выставить по всем почтовым станциям по солдату. П. С. Мещерский поддержал:

«Определить до Кунгура на почтовые станции нарочных солдат, дабы тем в частых отправлениях излишний разгон почтовых лошадей пресекася» [7].

И в апреле 1778 г. получил из Главного правления (коллежский советник Яков Рооде, премьер-майор Иван Пирогов) отрицательный ответ в характерном для «горных людей» снисходительном тоне:

«Что ж принадлежит до поставления по тем станциям солдат, то оных поставить не из чего, потому что здесь состоит только одна рота, и то неполная, из которой за командированием с караванами в Петербург, в годовые очереди в Горные начальства и ведомства здешнего ж в казенные заводы, и здесь в городе при гоубвахте и немалых магазинах в караулах, свободных нет» [8].

Здесь напомним, что Екатеринбургское ведомство входило в состав Тобольской губернии на правах провинции, но административно подчинялось не губернским структурам, а Берг-коллегии. П. С. Мещерский мог теперь обратиться лишь напрямую к губернатору Д. И. Чичерину (оба в чине генерал-поручиков) и уже в августе того года просить как равного:

«Еще прилежно Вашего превосходительства прошу, чтобы тобольские письма по утрам в субботу в Кунгур приходили и единственно б со здешними могли отправлены быть в тот же день» [9].

В кажущемся историческом курьезе можно разглядеть, тем не менее, решимость администратора высшего звена связать огромную территорию, усилить коммуникационную эффективность. А сложностью решения, как и любой стороной управленец, он должен был посчитать внешне очевидную инородность территориального образования, никак не подчиненного губернским структурам.

Следует также помнить, что со времен Петра в спорах местной гражданской и горной администрации высшие власти в большинстве случаев поддерживали последнюю. Основной причиной этого можно считать ее очевидный модернистский характер; наверняка также тому способствовала ее «безволокидность» и относительно редкие обвинения в мздоимстве, способность оперативно и самостоятельно решать все возникающие внутренние проблемы. Однако, по стечению обстоятельств, именно теперь в Пермском горном начальстве разгорался грандиозный скандал.

Присутствие Пермского горного начальства составляли горный судья (руководитель, заводское управление), земский судья (подчиненный, управление приписным населением) и секретарь. В марте 1779 г. на место горного судьи был назначен обер-берг-мейстер (8 класс табели о рангах, майор) Осип Андреевич Стадухин, земским судьей оставался титулярный советник Михайло Архипов. Немедленно меж ними начались конфликты.

Началось из-за отказа М. Архипова участвовать в назначенном казанским губернатором межевании городской поскотины — любопытно, что землю вокруг Кунгура называли «стрелецкой [sic!] государственной». (Межевание предполагало участие представителей Пермской провинциальной канцелярии, Кунгурского провинциального магистрата и Пермского горного начальства.) Свой отказ М. Архипов объяснял болезнью (действительно, он страдал подагрой и подолгу не появлялся в начальстве), однако впоследствии П. С. Мещерский напомнил о жалобе ему в 1778 г. кунгурских купцов на незаконное завладение титулярным советником части городского выгона. Во взаимных обвинениях оба «судьи» постоянно упоминали возможное недовольство со стороны крестьянского населения, и спустя всего несколько лет после пугачевского восстания это звучало особенно тревожно. Оба упражнялись в сарказме.

О. А. Стадухин:

«Сие в градской скотский выпуск земли намерение принадлежит до земского суда, почему ему и должно завсегда по долгу своему иметь крайнее старание, дабы во оный [выпуск] из земель, принадлежащих крестьянам, захвачено не было, и тем крестьяне обижены не были <... > Г-н Архипов не горный человек и в чины приходил из приказного чина [т. е. из подьячих — Н. К.], и сих наук не сведущ» [10].

М. Архипов в ответ обвинял Стадухина в незаконном принятии горным начальством части общинных полномочий:

«Да и в такие дела он входит, какие положены на сотников и старост с мирскими людьми <...> И крестьяне б напрасно с просьбами в Начальство не ходили и напрасных себе волокит и убытков не наносили <...> До приезде его, г-на обер-берг-мейстера, так исполняемо и было, но ныне он тот порядок совсем опровергает» [11].

Упомянуто было, кстати, о личной встрече в Казани Стадухина с губернатором П. С. Мещерским, о приказе губернатора выяснить правомочность расклада на приписных заготовки смолы и дегтя при углежжении и о вмешательстве его в незнакомые ему заводские дела годом ранее:

«Из кладенных к жжению угля дровяных куч деготь и смолу к поставке на заводы по силе полученного в Начальстве в 1778 г. предложения от г-на губернатора казанского кн. П. С. Мещерского на приписных крестьян располагать не велено» [12].

Из любопытного прозвучало также о вишневом лесе вблизи села Комарова, «на котором много родится ягод». По утверждению Архипова, обер-берг-мейстер заводил при селе заимку:

«И не сказав никому, послал солдата те вишни караулить, и караулено лето все <...> А крестьянам пользоваться ни ягодкой не допустил» [13].

Масштабов губернского и ведомственного (уровень рассмотрения в Берг-коллегии) скандал достиг после обвинения О. А. Стадухиным всего пермского руководства во взяточничестве с приписных крестьян. В июле 1779 г. он обвинил членов Пермской провинциальной канцелярии (кроме воеводы А. Голубцова), Пермского горного начальства (включая своего предшественника по должности и М. Архипова), местную казачью команду и управителей Юговских казенных заводов. Доношение он подал непосредственно губернатору П. С. Мещерскому и при том представил изъятую им расходную общинную документацию (или же снятые копии), где якобы значился расход на взятки.

Дальнейшие события разворачивались с предсказуемой нервозностью.

Назначение губернской следственной комиссии со О. А. Стадухиным. Представление М. Архиповым допросов подьячего о подлоге при составлении копий общинных тетрадей и одного из сельских сотников с отказом от признания в даче взяток. Представление мирского приговора того же села:

«Единогласно утверждаем, что взятков никому ни под каким видом от нас не давано, да и давать не из чего» [14].

Неудовольствие Главного правления в связи с подачей жалобы Стадухиным не по команде и командирование его на Санарский серебряный рудник в Уфимской губернии. Назначение П. С. Мещерским на его место по следственной комиссии воеводы вятского города Слободского и признание комиссией слабости доказательной базы.

Несколько призывов Берг-коллегии к замирению сторон с формулировками против О. А. Стадухина:

«К прекращению беспорядков обер-берг-мейстеру Стадухину предписать, дабы самые дела чрез то не приходили в упадок» [15].

Еще можно добавить, что М. Архипов жаловался в Екатеринбург на отказ принять комиссионерами к рассмотрению рапорты сотников и мирские приговоры «из пятнадцати мест в нечинении лихоимственных дач» [16].

Наконец в сентябре 1779 г. последовало резкое обращение П. С. Мещерского в Главное правление в Екатеринбург:

«Г-н Стадухин, услыша от приписных не только на товарища своего, г-на Архипова, на многих подведомых тому Горному начальству людей, но и в Пермской провинциальной канцелярии на присутствующих о лихоимственных взятках вопиющие жалобы, не мог их не принять и мне о том не донести < . . . > А что он, не дав об оном наперед знать, вошел с представлением ко мне, в том и ответ с него взыскивать не соответственно узаконению. Но должна была [екатеринбургская Канцелярия — Н. К.] воззрев на поступки Архипова и прочих, обжалованных во взятках, подведомых Пермскому горному начальству служителей ко пресечению ими злоупотреблений принять надлежащие меры» [17].

Обращение в подобном тоне, да еще и с намеком на потворство взяточникам, можно считать неслыханным нарушением иерархии местных органов управления — недавно в Екатеринбурге вступил в должность «главный командир», назначаемый монархом и полномочиями равный губернатору, бригадир князь Василий Васильевич Енгальчев. Конфликт таким образом приобретал (или при определенных условиях мог приобрести) имперский масштаб и предполагал (во всяком случае, допускал) рассмотрение его на уровне Сената. Несомненно, губернатор П. С. Мещерский знал, на что шел, а возможно, и составил уже план действий.

Косвенно об этом можно судить по двум жалобам М. Архипова в Главное правление в октябре 1779 г. Он сообщал о возврате О. А. Стадухина в Кунгур с Санарского рудника, о возобновившихся конфликтах и опять об угрозе крестьянских волнений:

«Дабы он не мог каких еще затеев выводить, а тем паче крестьян и сотских с товарищи своими азартными поступками в волнование приводить и в свою дорогу склонять» [18].

А главное же:

«Во время присутствия моего г-н Стадухин при секретаре и регистраторах о учрежденной от Его сиятельства кн. П. С. Мещерского следственной комиссии проговаривал со азартом, что-де это еще цветочки, а ягодки будут, и будет-де еще определена комиссия от Сената» [19].

Тогда же от М. Архипова, от воеводы А. Голубцова и от капитана при Пермской провинциальной канцелярии Григория Череватова одновременно поступили доказательные данные об усилившемся давлении О. А. Стадухиным на старост и сотников. Якобы он угрозами и уговорами принуждал их дать нужные ему показания о взяточничестве:

«Созывая их уговаривает, чтоб таких отзывать не подавали, а подали б такие, какие он им велит и сам сочинит» [20].

Предстоял новый виток разбирательств, однако в том же месяце М. Архипов умер. Губернская следственная комиссия продолжила работу, О. А. Стадухина в декабре командировали на казенный Вознесенский завод в Уфимской провинции.

А в ноябре губернатор П. С. Мещерский опять писал в Главное правление. Свои обвинения во взяточничестве он выдвигал уже открыто, и при том исключительно, против служителей горного ведомства — Юговской заводской конторы, Пермского начальства и Главного правления. И открыто же обвинял Главное правление в препятствовании следственной комиссии. И ссылаясь на сенатский указ губернским канцеляриям от 31 декабря 1765 г., уравнивающий «лихоимство» с государственными преступлениями:

«Как Канцелярия сия сведома, что Правительствующий Сенат, исполняя высочайшую Ея ИВ волю, предписал лихоимственные дела не неважными, но разрушающими правосудие и повреждающими государственное положение почитать» [21].

Теперь уже точно пути назад не было.

В мае 1780 г. последовал именной указ о предстоящем учреждении Пермского наместничества. Тогда же был взят курс на реформу местного горного управления, и в 1781 г. горная администрация была включена как составная часть в наместническую (губернскую) структуру. Иными словами, учреждение Пермского наместничества и самая кардинальная в истории перестройка местной горной администрации оказались звеньями одной цепи.

Относительно же прямой связи между административными потрясениями в Кунгуре и последовавшими затем событиями имперского масштаба прямых документальных подтверждений нет. Однако ряд моментов позволяют эту связь увидеть.

1. Реструктуризация территории в 1781 г. касалась части земель Казанской и Тобольской губерний: основу нового наместничества, как известно, составили Пермская провинция и Екатеринбургское ведомство (будущие Пермская и Екатеринбургская области). При этом ничего подобного событиям в Кунгуре на восточном склоне Урала не происходило. Не предпринимал никаких действий и тобольский губернатор Д. И. Чичерин, которого сложившийся порядок, вероятно, вполне устраивал. Меж тем за активными действиями казанского губернатора П. С. Мещерского всегда проявлялось недовольство его горными властями Екатеринбурга. Казалось, раздражение вызывало не просто их действие или бездействие, но само существование.

2. Реформа местной «горной власти» никак не могла устроить екатеринбургское Главное правление, ибо вела к его ликвидации и, в конечном итоге, оказалась весьма неэффективной. Все нововведения 1781 г. были отменены тотчас по смерти Екатерины II, и более к подобной системе не возвращались весь период существования Уральского горного управления. Для нас очевидно, что реформа вызрела не в горнозаводской среде, ее могли разработать и провести лишь государственники губернского звена.
3. Кунгур после событий 1779 г. не могли не воспринимать как город, исчерпавший свой административный потенциал с недопустимым уровнем коррупции. Действительно, местная администрация и гражданское, и горного ведомств оказалась не способна своими силами преодолеть кризис управления. И кстати, наверняка в случае реформирования со стороны Берг-коллегии, одним из первых шагов последовал бы перенос Пермского горного начальства в ведущие в Пермском крае казенные Юговские заводы. Как помним, подобная заявка уже звучала.

К тому же при выборе центра нового наместничества Кунгур многое терял без фактора судоходной реки. А строго по линии почтового тракта из Казани в Сибирь, которым озаботился в свое время губернатор П. С. Мецкерский, на берегу Камы так удачно располагался Ягошихинский завод графа Р. Л. Воронцова. К тому времени он почти уже бездействовал и мало кого интересовал.

Библиографический список

- [1] <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805045995>
- [2] Корепанов Н.С. Пермь заводская, 1723-1781 гг. Екатеринбург: БКИ: 2011.
- [3] ПСЗ. Собр.1. Т.20. С.1014-1015. № 15 085.
- [4] Там же. С.42-43. № 14 243.
- [5] Государственный архив Свердловской области. Ф.24. Оп.1. Д.2361. Л.321.
- [6] Там же. Д.2360. Л.11, 11об.
- [7] Там же. Л.10об.
- [8] Там же. Л.13об.
- [9] Там же. Л.17.
- [10] Там же. Д.2359. Л.604.
- [11] Там же. Л.611.
- [12] Там же. Л.631.
- [13] Там же. Л.636.
- [14] Там же. Л.637об.
- [15] Там же. Л.670.
- [16] Там же. Л.690.
- [17] Там же. Л.672, 672об.
- [18] Там же. Д.2265. Л.665.
- [19] Там же. Л.663.
- [20] Там же. Д.2359. Л.725.
- [21] Там же. Л.716.

Художественная летопись Перми в годы войны

В. В. Семянников

70 лет назад окончилась Великая Отечественная война, которая стала суровым испытанием всех сил советского народа. В борьбе с фашистскими захватчиками активно участвовали и художники.

Самая дорогая плата за Победу — гибель миллионов людей нашей страны. При объявлении войны 10 человек из Союза художников Молотовской области ушли в армию (Б. А. Белобородов, А. Н. Трапездников, М. Я. Косинский и др.). Без вести пропали наши земляки-художники: А. П. Вавилов, А. И. Пустозеров. Погибли наши земляки-художники: Л. И. Зиновьев, А. Г. Коровин. Погиб ст. л. И. Е. Терещенко, бывший учащийся художественного техникума [1].

Художники активно трудились над выпуском агитационной изобразительной продукции. Молотовский горисполком организовал агитмастерскую Союза художников области, которая разместилась под колокольной галереей. Директором мастерских был назначен директор худ. галереи Н. Н. Серебренников [2].

В Прикамье из прифронтовых городов страны приехали эвакуированные художники. Одни работали в мастерских агитокон и агитационных плакатов (Б. В. Иогансон [3], В. М. Орешникоов, В. А. Оболенский и др.). В городской типографии и в кукольном театре работал Ю. А. Васнецов [4]. Для газеты пермских железнодорожников делал фотоснимки А. М. Родченко [5]. Выставку Государственного литературного музея «Слово о полку Игореве» оформила художник В. Ф. Степанова [6]. Спектакли эвакуированного в г. Молотов Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова оформляли В. М. Ходасевич, Н. И. Альтман, Т. Г. Бруни и др. [7].

Началась выгрузка баржи с экспонатами коллекции ГРМ и ГТГ, которые прибыли в город. Ящики с музейными ценностями переносились в здание галереи (б. Кафедральный собор). В Молотове в годы войны жили и работали: директор филиала ГРМ П. К. Балтун, научные сотрудники А. Н. Савинов и Т. А. Дядьковская, технический сотрудник Ш. Б. Мамлеев (все из ГРМ), научный сотрудник М. М. Колпакчи и реставратор И. В. Овчинников (из ГТГ). В г. Молотове образован филиал ГРМ. Только в октябре 1945 г. эшелон с ценностями ГРМ, эвакуированными в 1941 г. в Прикамье, уходит в Ленинград [9].

Несмотря на все трудности, связанные с эвакуацией, коллектив филиала ГРМ организовал ряд выставок: «Образ Ленина в изобразительном искусстве», выставка произведений М. В. Нестерова и Репина, выставка произведений ленинградских художников, созданных в 1941–1942 гг. и др. [9].

Участвовали в художественных выставках Союза художников Молотовской области, как местные графики и живописцы, так и эвакуированные в Прикамье художники, который были приняты тогда в наш Союз: «Выставка произведений «Молотовские художники в дни Великой Отечественной войны к пленуму обкома партии», «Выставка цветных автолитографий Ю. А. Васнецова», Выставка художественных произведений к конференции АН СССР по изучению производственных сил Молотовской области и др. [10].

Занимаясь своей основной творческой работой — живописью и созданием агитокон, СХ Молотовской области уделял много внимания и жизни города. Выделял художников для оформления зданий и площадей к праздникам [11]. В саду им. М. Горького в зимнем детском парке на широкой аллее, ведущей к новогодней елке оформлялись панно на сказочные темы. Вдоль аллеи устанавливались разрисованные домики-киоски. В парке устроены ледяные горки и каток [12].

Данная работа является дополнением к статье автора «Художники и Великая Отечественная война» с приложением развернутого списка художников, живших в годы войны в Перми [13].

Художественная летопись Перми в годы войны

VI. 41

При объявлении войны десять человек из Союза художников Молотовской области ушли в армию (Б. А. Белобородов, А. Н. Трапезников, М. Я. Косинский и др.). Пермское худ. училище было закрыто, а его помещение было занято военным трибуналом.

11. IX. 41

(Молотовская государственная художественная галерея)

Пермский горисполком принял решение организовать агитмастерскую Союза художников Молотовской области. Директором мастерских был назначен директор худ. галереи Н. Н. Серебrenников. Вскоре был сделан первый плакат агитмастерской Союза художников Молотовской области: «Мы смерть врагу несем своим полетом — даешь моторы самолетам!» (авторы: В. М. Орешников и В. А. Оболенский).

28. IX. 41

Началась выгрузка баржи с экспонатами коллекции ГРМ и ГТГ. Ящики с музейными ценностями переносились в здание галереи. В Молотове в годы войны жили и работали: директор филиала ГРМ П. К. Балтун, научные сотрудники А. Н. Савинов и Т. А. Дядьковская, технический сотрудник Ш. Б. Мамлеев (все из ГРМ), научный сотрудник М. М. Колпакчи и реставратор И. В. Овчинников (из ГТГ). В г. Молотове образован филиал ГРМ.

XI. 41**(Молотовский театр оперы и балета)**

Состоялась премьера балета «Лауренсия» Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова. Дир. И. Э. Шерман, реж. Э. О. Каплан, декорации худ. Н. И. Альтман.

XI. 41**(Молотовский театр оперы и балета)**

Состоялась премьера балета «Дон-Кихот» Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова, декорации худ. В. М. Ходасевич.

XII. 41

На речь тов. Сталина 6 ноября 1941 года созданы агитокно № 15 — «Наши задачи» (худ. П. А. Оборин, Ф. И. Дорошевич, И. И. Россик) Другие агитокна выполнили художники: В. Одинцов, А. Б. Бриндаров, Мороз, А. Носков, М. М. Черемных. Портрет Героя Советского Союза А. И. Крохалева написал художник П. И. Львов.

1941 г.

Без вести пропали наши земляки-художники: А. П. Вавилов (под Ленинградом), окончивший Пермский художественный техникум (1934), потом учившийся в АХ и А. И. Пустозеров (под Москвой в декабре), окончивший Пермский художественный техникум (1931), АХ (1940), участник выставок в г. Молотове (1941) и Москве (1939,1941).

I. 42**(Сад им. А. М. Горького)**

Открылся зимний детский парк с панно на широкой аллее, ведущей к новогодней елке. Вдоль аллеи стояли разрисованные домики-киоски. По эскизам Ю. А. Васнецова панно выполнили художники А. Б. Бриндаров, П. А. Оборин, Ф. И. Дорошевич, Пайн и Н. А. Лаков. В парке устроены ледяные горки и каток. Играет духовой оркестр, торгуют пирожками, пряниками, игрушками, книгами и ученическими принадлежностями.

II. 42**(фойе Молотовского театра оперы и балета)**

Выставка плаката о Красной Армии (40 плакатов о гражданской и Великой Отечественной войне).

II. 42**(фойе Молотовского цирка)**

Выставка агитокон и плакатов, выпущенных агитмастерскими Союза художников Молотовской области (30 агитокон).

IV.–X. 42

В железнодорожной газете «Сталинская путевка» и областной газете «Звезда» печатаются фотографии выполненные жившим в Молотове А. М. Родченко.

IV. 42

СХ Молотовской области выделил более 25 художников для оформления городских зданий и площадей к 1 мая (консультант — В. В. Иогансон). Главным объектом оформления явилась площадь Обороны со всеми прилегающими к ней зданиями, ул. Куйбышева, Комсомольский сквер, здание обкома ВКП (б), вокзал Пермь II и ул. К. Маркса.

IV. 42**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова подготовил к 1 мая праздничную программу. Она открывается патриотической увертюрой «1812 год» П. И Чайковского под руководством А. М. Пазовского. Закончится эта часть программы первомайского концерта большой патриотической кантатой композитора Г. Н. Попова, тематически связанной с его оперой об Александре Невском и Ледовом побоище. Ставить кантату будет гл. режиссер театра Л. В. Баратов, оформлять художник Н. И. Альтман.

1. V. 42**(ул. К. Маркса и Куйбышева)**

В окнах магазинов выставлены агитокна, выпущенные агитмастерскими Союза художников Молотовской области.

VI. 42**(Сад им. А. М. Горького)**

Пермский филиал Государственного русского музея открыл выставку произведений ленинградских художников.

VI.–VII. 42**(Сад им. А. М. Горького)**

Выставка агитокон и плакатов, выпущенных агитмастерскими Союза художников Молотовской области (45 агитокон и 8 плакатов).

23. X. 42**(Областная библиотека им. А. М. Горького)**

Государственный литературный музей открыл выставку «Слово о полку Игореве». Выставку оформила художник В. Ф. Степанова.

6. XI. 42**(Молотовский театр оперы и балета)**

Состоялась премьера оперы Л. Ходжи-Эйнатова «Три встречи» Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова. Худ. Н. И. Альтман.

7. XI. 42**(ул. Куйбышева)**

В окнах магазинов выставлены агитокна, выпущенные агитмастерскими Союза художников Молотовской области.

7. XI. 42**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградским академическим театром оперы и балета им. Кирова осуществлена постановка оперы «Емельян Пугачев» композитора М. В. Ковалея, либретто В. В. Каменского, худ. Ф. Ф. Федоровский, костюмы Т. Г. Бруни.

XII. 42**(Молотовский обком КПСС)**

Выставка агитработ молотовских художников.

9. XII. 42**(Молотовский театр оперы и балета)**

Состоялась премьера балета «Гаянэ» Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова в постановке балетмейстера Н. А. Анисимовой, дир. П. Э. Фельдт, худ. Н. И. Альтман, эскизы костюмов Т. Г. Бруни.

1942 г.

Погибли наши земляки-художники: Л. И. Зиновьев, окончивший Пермский художественный техникум (1925), участник выставок в Перми (1925), Ленинграде (1937-1941); А. Г. Коровин, окончивший Пермский художественный техникум (1939), участник выставок в Перми (1938-1939).

1942 г.**(фойе кинотеатра «Художественный»)**

Выставка пейзажей Молотовской области.

1942 г.

Выставка произведений о природе и жизни Молотовской области к научной конференции Горисполкома (33 произведения).

1942 г.

При товариществе «Всекохудожник» художника А. Г. Яранцев, был организован цех по папье-маше. Выпускалась продукция: куклы, барельефы, учебные гранаты и др. Возглавлял работу эвакуированный из Москвы мастер по папье-маше Вэнберг.

1942 г.

В газетах «Сталинская путевка» и «Звезда» стали публиковаться фотографии А. М. Родченко.

1942 г.

Тысячным тиражом издана автолитография П. И. Львова — портрет летчика А. И. Крохалева со стихами поэта Б. Н. Михайлова, прославляющими боевые подвиги героя.

I. 43**(Читальный зал библиотеки им. А. М. Горького)**

Открылась выставка «Образ Ленина в изобразительном искусстве», организованная филиалом ГРМ.

III. 43

Председателем правления Союза художников Молотовской области вместо Н. Н. Серебренникова избран Е. Я. Хигер.

10. IV. 43

Молотовское отделение СХ получило благодарственную телеграмму Сталина за собранные 120 тыс. р. на постройку боевого самолета «Молотовский художник».

VI. 43

В связи с 35-летием творческой деятельности художника Н. И. Альтмана, исполком Молотовского областного совета депутатов трудящихся отметил большие заслуги художника во всех областях изобразительного искусства (живопись, графика, скульптура, декоративные работы для театра и кино) и наградил юбиляра ценным подарком.

15. VI.—2. VII. 43**(Читальный зал библиотеки им. А. М. Горького)**

Выставка «Урал в изобразительном искусстве» к обласной научной конференции «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе» (работы худ. А. Б. Бриндаров, А. Л. Каплан и др.).

22. VI. 43**(Молотовский краеведческий музей)**

Открылась выставка «Ленинград в дни блокады».

27. VI. 43**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский театр оперы и балета поставил балет «Тщетная предосторожность» П. Гертеля, возобновление В. И. Пономарева, худ. Т. Г. Бруни.

6. X. 43**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета поставил балет «Спящая красавица»: возобновление В. И. Пономарева, худ. Т. Г. Бруни.

XI. 43**(Молотовский обком КПСС)**

Выставка произведений «Молотовские художники в дни Великой Отечественной войны к пленуму обкома партии.

XI. 43**(Молотовский областной драмтеатр)**

Поставлен спектакль «Горе от ума» А. Грибоедова: Постановщик А. Б. Винер, худ. Д. А. Смолин.

24. XII. 43**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова поставил оперу «Ночь перед Рождеством» Н. А. Римского-Корсакова: пост. Л. В. Баратов, худ. Ф. Ф. Федоровский, дирижер А. М. Пазовский.

1943 г.**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова поставил балет «Дон Кихот», возобновление В. И. Пономаревым, худ. Т. Г. Бруни.

1943 г.**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова поставил балет «Жизель» А. Адана, возобновление В. И. Пономаревым, худ. Т. Г. Бруни.

1943 г.**(Молотовский театр оперы и балета)**

Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова поставил балет «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, возобновление В. И. Пономаревым по Л. И. Иванову и М. И. Петипа, худ. Т. Г. Бруни.

1943 г.

Мастерской Союза Советских художников Молотовской области изданы открытки Ю. А. Васнецова, иллюстрация к «Коньку-горбунку».

1943 г.

Мастерской Агитплаката Молотовского союза художников изданы открытки Е. Я. Хигера «Отстоим Кавказ!» и «Линогравюра».

1943 г.

Мастерской Союза Советских художников Молотовской области издана открытка А. Б. Бриндарова «Юные друзья».

II. 44**(Дом Красной Армии)**

Выставка красноармейского изобразительного творчества Молотовского гарнизона (среди участников И. Е. Терещенко, А. И. Репин и др.).

21. III. 44

В газете «Звезда» опубликован некролог, что после болезни скончался профессор живописи П. И. Львов, эвакуированный в Молотов в начале войны.

26. III. 44**(Дом пионеров)**

Выставка цветных автолитографий Ю. А. Васнецова.

V. 44**(Сад им. А. М. Горького)**

Над оформлением сада работает бригада художников. К открытию сада сделан ряд панно, портреты товарища Сталина, закончено оформление детской площадки (художник П. А. Оборин). Художник М. М. Джагупова оформила домик школьника. Художники Е. В. Камшилова и А. И. Самойловских трудились над плакатами и портретами.

18. VI.—9. VII. 44**(Молотовский краеведческий музей)**

Проходила выставка произведений художника М. В. Нестерова, организованная филиалом ГРМ.

6. VIII.—3. IX. 44**(Молотовский краеведческий музей)**

Проходила выставка произведений И. Е. Репина, организованная филиалом ГРМ.

X. 44

Был получен приказ о реэвакуации всех музейных ценностей (состав с вагонами, в которых были художественные ценности ГТГ был отправлен в Москву, а вагон с экспонатами Краснодарского худ. музея им. А. Луначарского — в Краснодар).

7. XI. 44**(Областная библиотека им. А. М. Горького)**

Открылась выставка произведений графики о героическом фронте Великой Отечественной войны.

1944 г.

Выставка скульптуры З. М. Виленского.

1944 г.

Выставка произведений И. Е. Репина.

1944 г.

Кооператив «Художник», входивший в систему «Всекохудожник» выпускает продукцию: портреты членов Политбюро ЦК ВКП (б), копии и оригинальные картины, написанные маслом, барельефы, игрушки из папье-маше, красочные листовки с текстом и нотами Гимна Советского Союза, календари на 1944 год.

1944 г.

Агитмастерской Союза Советских художников Молотовской области издана открытка «Письмо на фронт» (худ. М. М. Джагупова).

1944 г.

Молотовская худ. галерея приобрела у художников ряд работ, в том числе акварель Е. Я. Хигера «Колхоз им. НКВД Верхне-Муллинского р-на».

1944 г.

Вышел труд «Молотовская художественная галерея: Каталог. Живопись. Скульптура. Рисунок».

I. 45

Молотовской художественной галерее присвоено звание «государственная».

IV. 45

Выставка «Графическая Лениниана».

25.XI.–5.XII.45

(Молотовская государственная художественная галерея)

Выставка художественных произведений к конференции Академии наук СССР по изучению производственных сил Молотовской области (произведения художников Н. А. Лакова, А. Л. Каплан и др.).

26. IV. 45

(г. Берлин)

Погиб ст. лейтенант И. Е. Терещенко, бывший учащийся Пермского художественного техникума (не окончил, т. к. был призван в армию в 1941 г.), участник выставки в Перми (1944).

X. 45

В Ленинград уходит эшелон с ценностями ГРМ, эвакуированными ранее в Прикамье.

Библиографический список

- [1] Семянников В. По ком звонит колокол // Бессмертный подвиг народа. Тезисы и доклады выступлений научно – практической конференции 27 апреля 2000 года. – Пермь, 2000. – С. 99-102.
- [2] Будрина А. Агитплакаты военных лет. . . // Веч. Пермь. – 1990. – 25 мая.
- [3] Семянников В. Иогансон в Прикамье // Пермский край: краевед. сб. – Пермь, 1990. – С. 182-185.
- [4] Семянников В. Сказочник // Мол. гвардия. – 1991. – 16 дек.; Семянников В. Художник в роли артиста // Веч. Пермь. – 1992. – 24 сент.
- [5] Семянников В. Художник Родченко и Прикамье // Пермские квартиры, дома и офисы. – 2000. – 17-23 июня.
- [6] Семянников В. Амазонка авангарда в Прикамье // Канун и начальный период ВОВ 1941-1945 гг. Материалы научно – практической конференции 22 июня 2001. – Пермь, 2001. – С. 58-60.
- [7] Летопись советского театра периода Великой Отечественной войны. Составил Аганбеян А. // Театральный альманах. – ВТО. – Москва, 1946. – Кн. 1 (3). – С. 272;
- [8] Семянников В. Война. Художники в Перми // Закам. сторона. – 1992. – № 5.
- [9] Балтун П.К. Русский музей-эвакуация, блокада, восстановление (из воспоминаний музейного работника). – Москва, 1981. – С. 44,45,49,69,70,73,77,87.
- [10] Серебренников Н.Н. Урал в изобразительном искусстве. – Пермь, 1959. – С. 101.
- [11] Михайлов В. «Портреты, барельефы, игрушки» // Звезда. – 1944. – 21 марта.
- [12] Над оформлением сада им. М. Горького. . . // Звезда. – 1944. – 31 мая.
- [13] Семянников В.В. Художники и Великая Отечественная война // Пермский край в контексте истории России (Смышляевские чтения). Материалы тринадцатой научно – практической конференции (3 июня 2013 г.), посвященной 400-летию Дома Романовых, 290-летию Перми и 150-летию начала издания Адрес-календарей Пермской губернии. – Пермь, 2013. – С. 65-70.

Электронная база данных «Репрессированные» как источник по истории политических репрессий в Пермском крае

И. С. Шилова

В постсоветское время, вплоть до наших дней, продолжается изучение и осознание политических репрессий в СССР. Преследования граждан в советском союзе, ставшие одной из трагических страниц истории нашей страны, остаются объектом пристального внимания общества, генерируют научную и общественную дискуссию. В последние годы проявляются тенденции пересмотра оценок репрессивной политики советского государства, исходящие из весьма противоречивых посылок. Кроме того, всестороннее и объективное изучение проблемы важно для понимания процессов, происходящих в современном обществе. В связи с этим актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

В советский период репрессивная политика власти по отношению к отдельным категориям граждан не могла стать самостоятельной темой научного исследования. Прежде всего, это связано с тем, что репрессивные меры советского государства были идеологически обоснованы и трактовались как легитимные действия властей.

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. и XX съезда КПСС были опубликованы работы, в которых нашли освещение отдельные аспекты проблемы, однако серьезных изменений в теоретико-методологических подходах в этот период не произошло [5]. Критика сталинизма не приобрела широкого размаха, а была заключена в рамки государственной идеологии. Правда о политических репрессиях была строго дозированной и преподносилась советскому обществу по усмотрению высшего партийного руководства страны.

Репрессивная политика в этот период воспринималась двояко. Репрессии второй половины 1930-х гг. против преданных социализму советских людей — высших партийно-государственных работников, военных, членов партии, пред-

ставителей советской интеллигенции оценивались негативно. В то время как репрессии против остатков эксплуататорских классов — торговцев, кулаков, до-революционной технической интеллигенции, ученых, представителей оппозиционных течений в партии, одобрялись и считались закономерными.

В целом, для советского периода характерна идеологизированность в оценках исторических фактов, закрытость темы политических репрессий периода 1930-х гг. [4]. Тем не менее, в советской историографии проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования по данной тематике.

В 1990-е гг. наблюдался плюрализм методологических подходов к рассмотрению темы массовых репрессий. Характерными чертами стали освобождение от прежних идеологических клише и расширение источниковой базы. Новой тенденцией в отечественной историографии данной проблемы стала постановка острых тем и представление на суд научной общественности некоторых исторических фактов, ранее в предшествующие периоды не обсуждавшихся.

Причем, если в исследованиях 1990-х гг. прослеживалось негативное отношение к сталинскому режиму, осуждение политических репрессий, то в настоящее время ряд ученых произвели переоценку взглядов. Заметим, что объектом изучения авторов, позитивно оценивающих советскую репрессивную политику, стали известные политические и партийные деятели, в то время как подавляющее число репрессированных составили рядовые граждане.

На сегодняшний день изучены различные аспекты репрессивной политики советской власти, однако на региональном уровне весьма неравномерно. Открытым остается вопрос и о численности репрессированных, ссыльных, высланных, выдворенных за пределы СССР. Их социальный статус, образовательный уровень, возраст, сфера деятельности, принадлежность к партиям и др., что также не маловажно для понимания репрессивной политики советской власти.

Для уточнения статистических данных не оценим такой вторичный источник как электронная база данных, составленная специалистами Пермского государственного архива новейшей истории и регионального отделения общества «Мемориал» при подготовке к изданию книг памяти «Года террора». В основу легли материалы архивно-следственных дел граждан, проживавших накануне ареста на территории Пермского региона [3]. База данных содержит 56 полей: фонд, описание, дело, фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения, возраст на момент ареста, место рождения, адрес до ареста (регион, населенный пункт), гражданство, национальность, партийная принадлежность, социальное положение, образование, профессия, место работы, сведения о судимости, характер репрессии, компрометирующие сведения, состав семьи, дата ареста, кем репрессирован, статья обвинения, кем осужден, осужден по обвинению, статья / республика, статья / год, статья УК, приговор, характер репрессии, сведения о прекращении дела, освобождении, смерти, реабилитации, иные сведения.

Таким образом, база данных содержит вторичную, перенесенную из следственных дел информацию. Однако строгая систематизация этой информации и ее массив (в базу введены данные всех хранящихся в архиве следственных дел — более 35 тыс.) позволяют рассматривать электронную базу данных как особый, хотя и вторичный, источник, поскольку мы получаем возможность

составлять группировки большого массива формализованных данных для последующего анализа.

В первую очередь, возможности электронной базы данных позволяют осуществить выборку наиболее репрезентативных дел для углубленного изучения. Также получить формализованные сведения о численности и составе арестованных и осужденных по политическим мотивам на территории региона. Использование базы данных позволяет выбрать подготовку персоналий по заданным параметрам, например, уровень образования, профессиональная и национальная принадлежность, возраст и т. д. Проведение реляционного анализа с использованием программных возможностей стандартной СУБД *Microsoft Access* позволяет выявить взаимосвязи ряда выбранных признаков, например, между образованием, социальным происхождением, занимаемой должностью и репрессиями. Анализ массива формализованной информации подобного рода весьма значим для получения сведений о количестве репрессированных среди отдельных групп, для выявления значимых для них характеристик и т. п. К примеру, даты ареста и вынесения приговора позволяют выявить периоды наиболее массовых арестов специалистов в регионе, сопоставить их с процессами, происходившими в стране.

По оценкам В. Н. Уйманова в классическом понимании электронные базы не могут в полной мере отвечать критериям, предъявляемым к историческим источникам и следует вести речь о появлении нового вида источника. В тоже время создание электронных баз важно для работы с архивными фондами, в случае поступления запросов; электронные базы данных выступают гарантом сохранения информации от катаклизмов, которые могут привести к уничтожению документов; позволяют использовать сведения открыто для интересующихся темой в условиях ограниченного доступа, и что особенно значимо могут служить источником для сбора статистической информации [5].

Современные исследователи рассматривают электронные базы данных как универсальный, мобильный инструмент, позволяющий проводить редактирование, хранение и быстрый поиск по определенным критериям запроса, а так же осуществить системный подход к исследованию проблемы безвозвратных людских потерь и их структурный анализ [1].

Воспринимая электронную базу данных как ценный источник по истории репрессий в Пермском регионе, необходимо учитывать погрешности при занесении информации в базу данных. Следует учитывать, что в базе отражены дела, поступившие в Пермский архив новейшей истории. Они представляют большую часть всего массива заведенных НКВД следственных дел, но небольшая часть дел репрессированных хранится в архиве Управления ФСБ России по Пермскому краю. Необходимо понимать известную ограниченность и неполноту базы данных. В частности, в ней в 5 % случаев отсутствуют сведения о лишении избирательных прав, судимостях, политическом прошлом (служба в белой армии, участие в крестьянских восстаниях и т. д.), нет унификации по такому показателю, как социальный статус на момент ареста, имеется значительное число незаполненных полей. Естественно, анализ базы данных позволяет решить только ограниченный круг поставленных исследовательских задач и не является универсальным средством.

Библиографический список

- [1] Бушуева О.Ю. Создание базы данных безвозвратных людских потерь Самарской области годы Великой Отечественной войны // Платоновские чтения: материалы конференции молодых историков. Самара, 2008. С. 170-183.
- [2] Ермаков В.Т. К вопросу об освещении истории советской культуры в исторической литературе // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества / Ред. В.Г. Чуфаров. Свердловск, 1974. С. 50– 61.
- [3] Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1 - архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и Закону РСФСР от 18 октября 1991 г.; Ф. 643/2 - архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома.
- [4] Степанов М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.). Абакан: Бригантина, 2008. - 159 с.
- [5] Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. № 362. 2012.

Данные об авторах

Волкова Т. С.

к. и. н., доцент Пермской ГСХА.

Гладышев В. Ф.

член Союза писателей России, председатель клуба «Пермский краевед».

Головчанский Г. П.

к. и. н., доцент кафедры древней и новой истории России ПГНИУ, начальник Камской археологической экспедиции, член ученого совета ПККМ.

Гриф М. Л.

архивист, член клуба «Пермский краевед».

Дорош Т. А.

член правления общества пермских немцев «Возрождение», член клуба «Пермский краевед».

Дубровин А. А.

член Союза писателей России.

Закиров Д.

д. т. н., член союза журналистов РФ, главный научный сотрудник Горного института Уральского отделения РАН, председатель Совета Татарской национально-культурной автономии г. Перми.

Князева Н. А.

к. п. н., доцент ПГГПУ, член клуба «Пермский краевед».

Колбас В. С.

председатель гор. общества ВООПИК, член клуба «Пермский краевед».

Корепанов Н. С.

сотрудник музея истории Екатеринбурга.

Корчагин П. А.

старший научный сотрудник отдела истории, археологии, этнографии Пермского научного центра УрО РАН.

Ласкаряевский Р. Э.

журналист, член клуба «Пермский краевед».

Левин М. В.

радиожурналист, заслуженный работник культуры России, председатель совета ветеранов телерадиокомпании Т7, член клуба «Пермский краевед».

Мамаева Л. В.

руководитель музея "История Богородицкой школы".

Маткин А. А.

ст. преподаватель кафедры всеобщей истории ПГГПУ.

Мухамедшин М.

зам. пред. Совета татарской национально-культурной автономии г. Перми.

Обухов Л. А.

к. и. н., доцент кафедры новейшей истории России ПГНИУ.

Обухова О. Ю.

учитель истории и обществознания МАОУ «Лицей №4» г.Перми

Плотников С. Н.

к. и. н., доцент кафедры гос. и мун. управления ПГНИУ.

Семьянников В. В.

историк, краевед.

Устюгова В. В.

к. и. н., доцент кафедры древней и новой истории России ПГНИУ.

Хованская А. В.

к. ф. н., доцент Пермской ГСХА.

Шаялметова В. Р.

к. и. н., доцент кафедры общей отечественной истории ПГНИУ, доцент кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ.

Шилова И. С.

к. и. н., ученый секретарь Ученого совета ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы.

Ярома О. В.

к. и. н., доцент кафедры истории и социологии Пермской ГСХА.

Оглавление

<i>П. А. Корчагин</i> Город Пермь — грани научного изучения: заделы и проблемы	Стр. 5
<i>Г. П. Головчанский, Л. В. Романова</i> Некрополь Егошихинского завода (вторая четверть XVIII в.)	11
<i>Т. С. Волкова, А. В. Хованская</i> Историческая память. Проблемы деконструкции и реконструкции	16
<i>А. А. Маткин</i> Архит виртуальной исторической реконструкции архитектурного облика губернской Перми кон. XIX–нач. XX вв	20
<i>В. Ф. Гладышев</i> Больше жизни! Род Матвеевых: история семьи — история страны	24
<i>С. Н. Плотников</i> Пермская общественность и проблема городского самоуправления (1862 г.) .	31
<i>Л. А. Обухов</i> Пермский городской Совет: от организации до взятия власти (1917 г.)	41
<i>О. В. Ярома</i> Опыт городского самоуправления Перми в организации работы муниципальных предприятий (1905–1916 гг.)	58
<i>Р. Э. Ласкаржевский</i> Это принципиально: о некоторых вопросах подготовки к 300-летию Перми .	62
<i>В. В. Устюгова</i> Некоторые институциональные аспекты первого кино в Перми	65
<i>В. Р. Шаяхметова, О. Ю. Обухова</i> Опыт реализации социальной инициативы «Неизвестная Пермь» (к вопросу о развитии патриотизма и гражданственности)	69

<i>Д. Закиров, М. Мухамедшин</i> Неизвестные страницы города Перми	72
<i>Н. А. Князева</i> Духовное завещание первого выпускника Пермского университета В. В. Молодцова	77
<i>Л. В. Мамаева</i> Уникальность памятника первой в Перми Богородицкой церковно-приходской школы	80
<i>В. С. Колбас</i> Общественные музеи: история и современное состояние	85
<i>М. В. Левин</i> О проблеме создания литературного музея в Перми	89
<i>Т. А. Дорош</i> Историческое пространство духа — экология духа пермяков	91
<i>М. Л. Гриф</i> Тайны пермского речного танка	95
<i>А. А. Дубровин</i> От первого истока. <i>К 80-летию Пермской краевой писательской организации</i>	105
<i>Н. С. Корепанов</i> Проект губернской Перми: время и причины возникновения	110
<i>В. В. Семянников</i> Художественная летопись Перми в годы войны	118
<i>И. С. Шилова</i> Электронная база данных «Репрессированные» как источник по истории политических репрессий в Пермской крае	128